

12 (714) ноябрь, 2016

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

ISSN 0134-2412

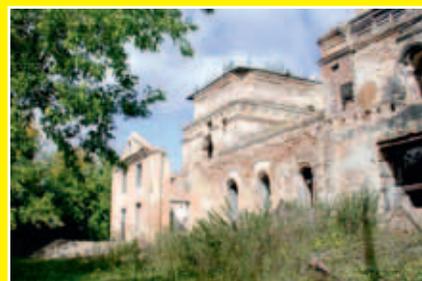
**Следы древних
цивилизаций**

**ТОПОНИМЫ —
СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ**

**ЗАПЛУТАВШАЯ
В ПОДЗЕМЬЯХ ВОДА**

**БЕЗ КРЕСТА,
БЕЗ КУПОЛА**

Декабрь 2016

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

На обложке – Следы древних цивилизаций.
Фото Е. Тамплона

Редакция, издатель –
АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лажнев, Председатель

- Камил Зиганшин, Председатель отделения РГО

- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2016 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №12 (714), 2016 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **ix**, публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство МАП, индекс 31958
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №12.

Отпечатано в типографии ООО «ПК АСТЕР-ЕК»,
624071, Свердловская область, г. Среднеуральск,
ул. Калинина, д.2, оф. 28. Печать офсетная. Тираж 11000.
Подписан к печати 29.11.2016 г. Заказ №

Встречный ветер

Страна топонимия

И.ГИЛЬМАНОВ

Атач? Ат ач?

Нет, Отасы! 3

Экспедиция

Е.РУБЛЕВА

**Как пещера
назвала сама
себя.....6**

Страна топонимия

В.КАРЕЛИН

Вершины

Лозьвинского

Крючка..... 16

Туристу на заметку

Е.ТАМПЛОН

Павлогром.....24

Река времени

Тропой поиска

А.КОПЫРИН

Печи на речке

Норной 22

Далекое-близкое

М.ИГНАТЬЕВА

И храмы

тоже плачут... 26

Портреты

М.РЫЖАНКОВА

Мой генерал..... 31

Далекое-близкое

А. ГАМАЗИН

Майор Крук 36

Музей одной фотографии

М.ПЕТРОВ

Когда был сделан снимок? 41

Наши проекты

О.ДОЛГИХ

История России. Река Чусовая 42

Журнал в журнале

Элита

Атач? Ат ач? Нет, Отасы!

Светлой памяти моих предков, хранителей истории, оставивших мне эти предания, посвящаю.

Ильдар Гильманов

Родился в башкирской дер. Кусимовой. Окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Инженер-механик. Увлекается краеведением, охотой. Живет в с. Зилаир (Башкортостан).

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Мои предки хранили и передавали из поколения в поколение свою, близкую им, историю. Мои родители оказались последним звеном в этой цепи, поэтому большой объем информации был доступен и мне. Но, как дитя своего времени, я отнесся весьма легкомысленно к тому, что прямо вручалось мне в руки, мало что запомнил, ничего не записал. Осталась в памяти лишь толика. Хоть эту малость оставить бы добрым людям.

Где ни коснись истории горы Магнитной, везде натолкнешься на «топоним» «Атач» и аж на три варианта «научного исследования» его происхождения. Первый из них — «Атач» — это «петух» по-башкирски; люди, первыми пришедшие на гору, увидели на ней много тетеревов — «петухов» — и назвали гору «Атач». Второй вариант утверждает: существует легенда, что жил в этих краях башкирский богатырь по имени Атач. Заехал он однажды на коне на гору и остался там навсегда: подковы коня намертво притянулись к магнитному железяку, из которого состоит гора. По имени застывшего на ней богатыря гору и назвали «Атач». А третий — прямо «шедевр»: «Атач» — это «ат ач» — «конь голоден» в переводе с башкирского. Из-за магнитного железяка на горе не было растительности, вот и голодали кони.

Ни одна из этих «легенд» не имеет никакого отношения к реальной истории. Все три версии «пляшут» от слова «атач», а такого слова

нет в башкирском языке. Более того, в нем нет ни одного слова с «ч». «Петух» по-башкирски звучит не «атач», а ближе к «этэс» — гласные в слове произносятся, как «а» в английском «thank». Но допустим, что «атач» — это «петух» по-башкирски. Однако только на обиходном русском тетерева называют «петух». А по-башкирски тетерев — «кор». «Атакор» (самец) или «инэ кор» (самка), если различать по полу, но никак не «этэс» и «тауык» — этими словами башкиры называют только домашнюю птицу. Почему автор первой «легенды» посчитал, что совсем не говорящие в те годы по-русски башкиры назвали тетерева не на своем родном — «кор», а стали переводить обиходное русское «петух» на «атач»? И на чем основывается уверенность в том, что первые пришедшие на гору люди были именно башкиры?

Авторы «легенд» полагают, что Магнитная гора находится на башкирской земле и название горе дали башкиры. А если это не так? На этом

течении река Яик выполняла роль естественной границы между башкирами и казахами. Башкиры жили по правую (западную) сторону реки, казахи кочевали по левую — восточную сторону. На левом берегу Яика здесь не было ни одного башкирского поселения. Насколько была велика роль реки как границы, можно понять из предания, повествующего о побеге юноши-башкира из казахского плена. Казахи догнали было его у самой реки Яик. Юноша бросился в реку и переплыл на башкирскую сторону. Казахи не стали пересекать границу, прекратили преследование и повернули коней назад: юноша успел ступить на свою землю! Гора Магнитная, к слову сказать, находится на левой — казахской — стороне!

В исторических документах гора Магнитная первоначально упоминается под местным названием — «гора Атачи». Обратим внимание на наличие в конце названия буквы «и». Теперь «атачи» уже не переведешь как «петух»! Сказать, что

это множественное число, не получится: «атач» — «башкирское» слово, а «и» — русское окончание множественного числа. Не слово, а ви-негрет получается! Богатырь из второй версии возвращение выпавшей буквы «и» в имя перенесет спокойно: Атач или Атачи — ему все равно. А вот «конь голоден» изменится существенно: был «ат ач» — «конь голоден», станет «ат ачи». Как теперь это перевести?

Впервые в официальных документах России гора Магнитная появляется в доношении в Берг-Коллегию начальника Башкирской комиссии Уфимской провинции Леонтея Яковлевича Соймонова (он сам писал свое имя через «е»). Документ мне оказался недоступным, привожу по упоминаниям о нем в других источниках: «Залежи магнитного железняка в горе Атачи штейгеру Маркову и переводчику Роману Уразлину показал искусный рудознатец старшина Кубеляжской волости Оренбургской губернии Баим Кидрячев». Доношение от 1740 года, этот год и считается годом открытия Магнитной горы.

За это богатое месторождение целых пять лет вели тяжбу Демидовы и симбирский купец И. Б. Твердышев. Так вот, в своих петициях-прошениях они писали «гора Атачи» (опять выделяю букву «и» в конце названия). Привожу выдержку из прошения И. Б. Твердышева в Орен-

А вот еще одна фиксация названия «Атачи»: «Энциклопедический лексикон». Т. 3. СПб., 1835. С. 383: «Атачи — или Магнитная гора. Находится почти в 40 верстах от Верхнеуральска, в 12 верстах от Урала, на правом берегу его притока Гумбеля...».

Так вот от предков мне известно: писали «Атачи» потому, что гора Магнитная в старину называлась **Отасы**. Отасы, Отасы тау — именно так именовали гору наши предки, а также и руду — магнитный железняк — **отасы, отасы таш**. Ударение в слове — на последний слог

Станция Магнитная, горы на левом берегу Урала и гора Магнитная на заднем плане.

Магнитная гора Высокая

бургскую губернскую канцелярию: «...рудники близ реки Яика, по примеру расстоянием от оной в восьми верстах, также и от устья реки Верхнего Кизилу в восьми верстах в горе, именуемой Атачи, в трех местах».

«ы». Именно это название услышали от башкир переводчик Роман Уразлин и штейгер Марков и записали «**гора Атачи**» — опять прошу обратить внимание на наличие «и» в конце слова. Не надо быть

специалистом-языковедом, чтобы увидеть заурядную трансформацию башкирского слова при искаженном русском произношении и написании: безударное «о» записали как «а» (нет ничего удивительного в том, что уфимский татарин Роман (Рахмангул) Уразлин башкирское «о» обозначил буквой «а»: обратите внимание, как в их диалекте произносят «а» на узбекский манер, например, в слове «кар» (снег) «а» звучит как «о»), «-сы» в конце слова переводчик по принятому обыкновению превратил в «-чи». Никем и никак не обозначенное ударение перешло на середину слова (ведь ударение на последний слог в русском языке не «любимо»? Вспомним башкирское название старшего птенца орла «балапан» с ударением на последний слог и позаимствованное русское «балобан» — ударение перенесено на середину слова), затем потерявшая ударение буква «и» вовсе выпала. «Отасы» — «Атачи» — «Атач» — вот такая произошла метаморфоза с названием горы.

▲ Гора Магнитная. Карьер

Ни петухи, ни богатыри тут ни при чем, «конь голоден» тем паче.

Названию можно найти и еще подтверждения. Так, например, сведения 19 века о добыче железной руды в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии сообщают: «... Наиболее значительное количество железных руд (магнитный железняк) добывается заводами на горе Магнитной (*Ула Утасе Тау*), где добыто 1783342 пуда руды...». Как иначе понять «Ула Утасе Тау», как не «Оло Отасы Тау» — «Гора Большая Отасы»? Ну, а если была гора Большая Отасы, то должна была быть и гора (горы) поменьше. А это так и есть: рядом с Магнитной горой были еще несколько рудных гор, позже названные русскими «Березовая», «Ежовка», «Дальняя», «Моховая». Еще подтверждение. В записях ученого Гмелина, исследовавшего Магнитную гору в 1743 году, тоже приводится местное башкирское название «Улу Утасе Тау». Двойное «сс» указывает на ударение на последний слог. То, что башкиры — проводники Гмелина — не смогли ему объяснить происхождение названия, я объясню тем, что они, скорее всего, не были местными, не были из нашего Тамьянского рода. Наши тамьянцы жили ближе всех к Магнитной горе, их селения — Кабак-Ка-йын, Хыухынташ, Шишнэку — располагались вблизи устья Малого Кизила.

Я поинтересовался, что уже написано учеными о значении и происхождении слова «отасы». Однако ни в одном словаре, даже в геологическом, этого слова не обнаружил. Знакомое мне с детства слово башкирской науке, оказывается, неизвестно. Уйду я, и вместе со мной навсегда исчезнет слово «отасы». А ведь я его не сочинил, не придумал.

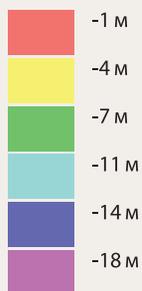
Забыто, похоронено под «атачами»-петухами не просто

слово-топоним «отасы» — а оно происходит от **казахского** «от тасы»: «от» — огонь, «тас» — камень, «от тасы — камень огня, огненный камень», но и слово-свидетельство, признание того, что наши предки знали, из чего и как добывать железо. Башкиры испокон веков плавляли отасы и выковывали кричное железо, отжигали булат. Прижились **казахские** названия руды и горы потому, что гора находится по их сторону реки Яик. Сегодня, когда иные «ученые» утверждают, что жизнь на Урале (и далее на восток) началась только с Ермака и Демидовых, надо вспомнить слово «отасы». И подумать: откуда у башкир названия «тимер», «сююн», «корос», «булат»; имена Таштимер («камень-железо», не кующийся, хрупкий, как камень, металл), Сынти-мер (настоящее железо), Ташбулат, Тимербулат, Карабулат, Акбулат — эти имена означают булат различной степени готовности (чистоты, длительности варки). Так подразделять булат по качеству могли только те, кто владел технологией его изготовления. Неспроста тайна булата была раскрыта Аносовым именно у нас, на Урале, а не кем-нибудь другим на существовавших намного ранее заводах в Центральной России. Правда, не упоминает он в своих записях об использовании опыта местных (башкирских) кузнецов, но вот маленький факт, указывающий на то, что какое-то содействие все-таки было. Выяснив, что булат состоит только из железа и чистого углерода, Аносов начал искать графит и... сразу же «нашел» его! Недолго искал, не весь Урал исколесил, а просто пошел к одной конкретной горе и сразу же обнаружил то, что и нужно было. Значит, был тот, кто знал, что нужно добавлять в железо для получения настоящего булата и где его взять.

Есть и многие другие топонимы, свидетельствующие о знакомстве местного населения с металлургией. Я назову только те, о которых еще никто не говорил. Вот, например, топоним «Таш-курга» (в Зилаирском районе). Его иначе, как устройство (сооружение) для плавления «каменей», не растолкуешь (с трактовкой этого слова как «каменный кустарник» я не согласен). Думаю, что в этом краю, где сейчас разрабатываются гигантские месторождения, и в давние века плавляли «камни» — руду. В Абзелиловском районе есть топоним «Казган-Таш», недалеко от Кусимовского рудника, и камень там совсем не похож на подделочный или строительный — это марганцевая руда! Для чего ее копали наши предки? Как можно говорить, что башкиры не знали металлов и в то же время, что «старшина Баим Кидрячев был искусным рудознатцем»? Да не был этот богач никаким «рудознатцем», эти месторождения были давно известны и использовались. Обратите внимание на то, что И.Б. Твердышев в своем прошении ведет речь именно о рудниках, то есть об уже разрабатываемых местах добычи руды, с указанием их количества, а не о только что найденном месторождении. Где и в чем произвел пробную плавку штейгер Марков? Наиболее вероятный ответ: в местной (башкирской) кузнице, ведь русских заводов в округе еще не было. Как-то даже неудобно возражать иным современным историкам, пишущим о башкирах как о папуасах.

Одно слово — «отасы», а сколько навеивает мыслей! Топонимы — свидетели истории. Не надо их придумывать, надо сохранять существующие. **УС**

Высотная шкала

п. Умка

Длина: 209 м
Глубина: 28 м

Условные обозначения

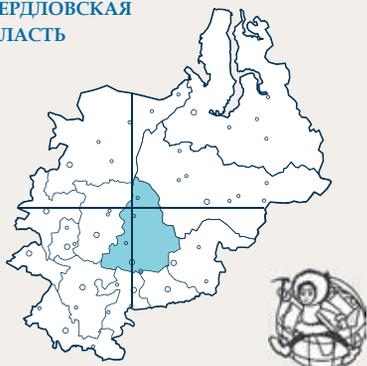
	вход		глыбы, завал		возможное продолжение		глина
	стена		лёд		уступ пола		навал глыб

Съемка: Рублева Екатерина, Хмельков Константин, Устинова Юлия 2016 Камеральная обработка: Рублева Екатерина 2016

Как пещера назвала сама себя

Заметки юного спелеолога

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В сентябре 2016 года Свердловский городской спелеоклуб совместно со спелеодайверами предпринял очередную вылазку на север региона. Конечно, главной целью были работы в пещере Таежной — продолжение исследования подводного грота и топосъемки сухопутной части, расстановка реперов, маркировка входа. Однако с самого начала выезда стало понятно, что у Вселенной на нас были свои планы.

Екатерина Рублева

Екатеринбургский клуб спелеологов.

Выезд мы запланировали давно: еще весной, во время мартовской экспедиции в пещеру Таежная. В тот выезд была проделана большая работа: проложен ходовик по периметру подводного грота им. Владимира Киселева общей длиной более 200 метров, уточнены участки карты сухопутной части пещеры, достигнута общая глубина пещеры 101 метр.

Вдохновленные успешным окончанием мартовской экспедиции и открывающимися перспективами, мы заранее договорились о датах, чтобы спланировать отпуски, и подумали о составе рабочей группы.

И, разумеется, за пару недель до запланированного выезда состав группы участников кардинально поменялся и сократился до критической мас-

▲ Талица

сы в 8 человек. А чтобы интереснее было планировать логистику, группы по двое-трое человек собирались приезжать и уезжать разными дорогами в разное время.

Но заявление об отпуске со скрипом, но подписано, поэтому решено, что выезду — быть! А сложности, вызванные обильными осенними дождями и непростой логистикой, было решено устранять по мере их поступления. Поэтому 17 сентября первые две машины маленькой экспедиции скрылись в стене тумана по направлению к Ивделю.

Руководил всем этим безобразием бессменный Женя Цурихин. Политика группы была очень проста — действуем по обстоятельствам, поскольку слишком много факторов могло повлиять на ход событий. Конечно, намеченные дела в Таежной были запланированы и сделаны, но все остальное было отдано на волю лучшего стратега всех времен и народов — природы. И она нас не подвела!

В состав участников экспромта вошли Евгений Цурихин, Юлия Устинова, Олег Панов, Константин Хмельков, Екатерина Рублева, Андрей Рублев, а также спелеоподводники Максим Козионов и Павел Ковалев со своим оборудованием, часть из которого (спарку) хочется выделить в отдельного и довольно вредного участника группы, который очень не хотел покидать пещеру.

Отглядывая назад, могу заметить, что 10 дней экспедиции лично для меня

разбились на 10 совершенно разных этапов, каждому из которых было свойственно новое место, новый состав группы, новые работы. Но дабы не утомлять читателей деталями, я ограничусь тремя главами моей небольшой повести.

Глава 1, в которой рассказывается о главной опасности осенних лесов и о первых медвежьих знаках

Итак, 17 сентября первые две машины маленькой экспедиции скрылись в стене тумана по направлению к Ивделю. В автомобилях были замечены водители — Юлия Устинова и Андрей Рублев, пытавшиеся довести экспедицию до места работ в целости и сохранности, Женя Цурихин и Катя Рублева, выполняющие роль неутомимого ди-джея и главного по навигатору, а также Костя Хмельков и Олег Панов — главные по вкусняшкам. Хотя я уверена, что мы с Костей перепутали свои роли ☺

Воспользовавшись отсутствием подводной братии, которая должна была приехать только к вечеру 19-го, мы решили в первый вечер заночевать на речке Талице. Планы на следующий день были вполне конкретные: осмотреть скалы на реке Северная Талица от Голубого озера до устья реки Степановки и посмотреть на саму Степановку, которая на карте обозначена пересыхающим руслом.

Сказано — сделано. Весь день 18 сентября мы провели в лесу, сполна окунувшись в дебри Урала с его буре-

▲ Рукотворный канал

▲ Ягель

▲ Голубика

▼ Брусника

▶ Что бывает, если копнуть чуть глубже. Фото Юлии Устиновой

ломами, скалами и живописными видами.

Отдельно хочется рассказать о рукотворном Голубом озере — результате немалого труда заключенных, работавших на лесозаготовках для Ивдельского гидролизного завода. Помимо создания рукотворной плотины, ими был выбит настоящий каньон в скале для спуска воды с бревнами до самой Лозьвы. Страшно подумать, какого труда стоило это сооружение, ныне стоящее заброшенным и забытым. И глубже в лесу, на реках, до сих пор можно найти остатки деревянных плотин, служащих для аналогичных целей.

Живая иллюстрация не самых популярных страниц истории стережет там на каждом шагу и заставляет вспоминать, обсуждать, раздумывать и — сопереживать людям той эпохи, закинутым на тяжелые работы в лесную глушь. Много в стране осталось сиротливых свидетельств истории, и немалая часть из них — на Северном Урале.

Передвижение по таежному маршруту сильно осложняли упавшие после пожара 2010 года деревья, успевшие

за минувшие шесть лет прогнить и покрыться скользким покровом мха, а также периодически трещавшие под кемто тяжелым кусты (наверное, лось, хотя обилие ягод наводит на мысли о лесном мишке).

К сожалению, осмотр скал на Северной Талице показал, что пещер в них нет — известняк оказался плохо карстующимся. Русло реки Степановки было сухим, вода в реке уходит под землю где-то выше по долине реки. Впрочем, примерно в 1 км от устья по левому берегу Степановки были обнаружены несколько небольших провалов и воронок.

По предположению Жени, вода Степановки перетекает под водоразделом в соседнюю долину, где в 300 метрах севернее моста через Талицу разгружается в крупный восходящий карстовый источник с расходом воды порядка 150–200 л/сек. По всей видимости, вода в этом источнике и есть заплывавшая в подземельях вода Степановки. И именно эту воду мы пьем перед каждой экспедицией в здешние края, замечая в организме «молекулы городской воды» на «молекулы правильной воды».

▼ Спуск

▲ Подготовка. Фото Юлии Устиновой

В этот же день нам наконец-то удалось найти и отснять пещеру Зебра, обнаруженную еще в 2014 году. Длина пещеры составила 16 метров, глубина — 7 метров, а вот насчет абриса мнения участников съемки разделились — то ли червяк, то ли носок. Но точно не зебра.

Но, конечно, главным препятствием для пока еще городских жителей в осеннем лесу были не буреломы и даже не мокрые скалы. Удивительные пространственно-временные эффекты, которые преследовали нас весь день, были связаны с аномальным количеством спелых ягод брусники, голубики,

▲ Голубое озеро

▼ Подъем

▼ Вижайский Камень

▲ Таежная

▲ На Царских воротах

иначе я просто лопну! Группа еле-еле вырвалась из цепких объятий лесной сокровищницы, уже в ночь добравшись до Вижайской турбазы. А в глазах все еще мерещились наливные ягодки...

19 сентября, в ожидании дайверов, мы решили завершить топосъемку расположенной неподалеку от базы пещеры Вижайский Камень, найденной еще в 2008 году. С 2008 года и до момента нашего приезда в пещере побывали всего дважды, так что очень приятно было начинать день с новенькой — почти с иголки — большой пещеры.

Прогулявшись по священным мансийским местам и решив пока не приносить в жертву девушек («Их всего две, а нам еще готовить 8 дней!» — здраво рассудила мужская часть группы), мы дошли до входа в пещеру. И с неприятным удивлением обнаружили, что рядом с пещерой проводились какие-то строительные работы, а сам вход чудом не завалило землей! Впрочем, качественно завалить вход еще надо постараться: сразу под довольно небольшой входной дыркой начинается 20-метровый отвес пещерного бутылочного горлышка.

В процессе топы мы отсняли 49 метров, общая длина пещеры достигла 260 м. Помимо топосъемки, удалось пройти в одном из завалов около 10 метров новых ходов. Кроме того, были попытки провести раскопки на дне пещеры, на глубине 45 метров, однако ввиду отсутствия штыковой лопаты эти работы отложили на будущее.

Примечательным местом пещеры является нижний грот, полный самых разнообразных косточек, большая часть которых уже давно и прочно вросла в натечку. Пока часть группы занималась разглядыванием бранных останков («птеродактили, иначе быть не может!», Юлия с Ан-

дреем заметили кусок косточки под толстым слоем спрессованной глины и уже вовсю откапывали оттуда медвежий череп.

Итак, медвежья тема продолжилась — если вчера мы просто слышали треск и сами себя напугали рассказами о встречах с лесным хозяином, то уже сегодня держали в руках его клякастые челюсти и обсуждали размер и возраст находки. Оставив право выносить вердикты палеозоологам, мы детально сфотографировали находку и оставили череп в пещере, поскольку попытка вынести его сейчас на поверхность грозила его разрушением.

На обратной дороге заодно осмотрели сухой лог в районе пещеры и нашли несколько поноров, в одном из которых в боковой каменной стенке на 5 метров просматривается ход. Фактор отсутствующей лопаты снова сработал — список дел «на будущее» пополнился еще одним пунктом.

Ну а вечером наконец-то приехала оставшаяся часть команды. Улыбающийся Паша между делом спросил нас, умеем ли мы готовить дичь, а то он в Ивделе пучежку оформил и ночью в лесу рябчиков настрелял. Мы с Юлей похихикали над ним, но тут наш добытчик протянул нам коробку с тремя представителями, гм, рябчиков..! Вечер переставал быть томным ☺

Глава 2,

в которой рассказывается о вредности девятого члена группы, о том, как Паша-охотник едва не стал рыбаком, а также о том, как покорить сердца топосъемщиц

Поскольку из-за обильных сентябрьских дождей вода в Вижае сильно поднялась, заброску к пещере отложили на утро 20 сентября, чтобы переезжать реку в светлое время суток.

черники, водяники, костяники, смородины, рябины и шиповника. Главным виновником бед, разумеется, были первые три.

Казалось бы, наклонился, провел ладонью, набрал полную горсть брусники и собрался продолжить разговор с соседом — и вдруг выяснил, что сосед уже углубился на 400 метров влево, а ты идешь вообще по другому азимуту вглубь леса. Чудеса!

И это я промолчу про полянки манящей голубики, на которой вся группа, как во времена Ом болоте, теряла часы, жадно пылесосила ягодный ковер и улыбаясь друг другу жутковатыми синими улыбками. И ведь каждый думал, что вот эта — точно последняя,

▲ Заозерка

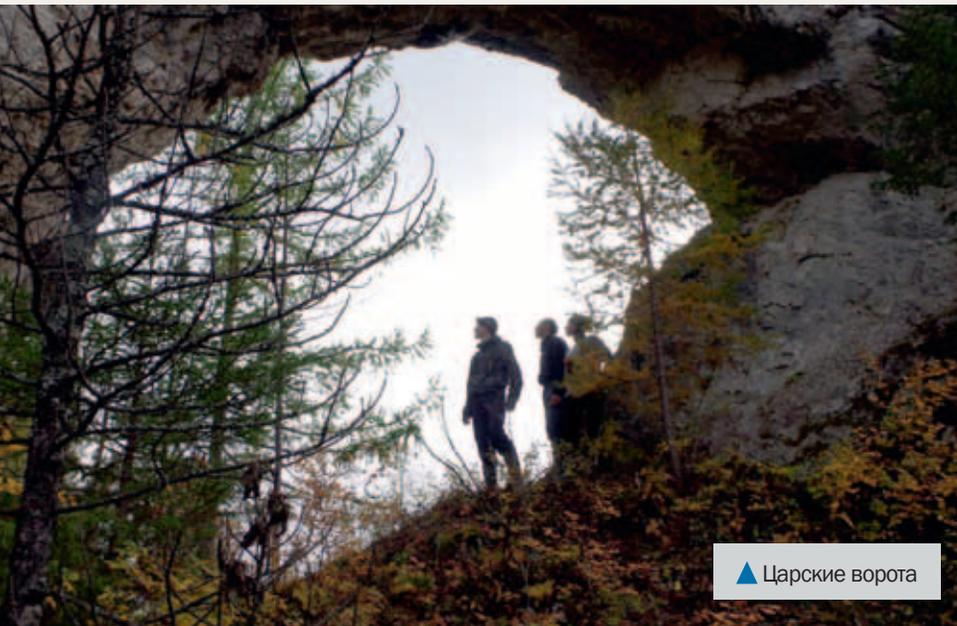
Утром, несмотря на все сомнения, река была успешно преодолена на шишиге под управлением Володи Черноскутова, а экспедиция доставлена к местам работы.

В этот же день подводники решили нырять, чтобы не терять времени даром. Пока мы с Юлей озадаченно вертели в руках оперенную добычу, мужчины занялись навешиванием грузовой веревки для спуска подводного снаряжения в шахту.

Весь день шел нудный выматывающий мелкий дождь. Влажным было все — снаряжение, одежда, комбезы и веревка. С учетом продолжительности работ по навешиванию веревок и спуска снаряжения, к моменту работы непосредственно в пещере почти все участники в той или иной степени

сим с Пашей спокойно и сосредоточенно начали готовиться к погружению в воду, видимость в которой составляла не более одного метра. Планы пришлось корректировать на месте: ввиду очень плохой видимости было решено бросить основные силы на подводную топосъемку и уточнение азимутов.

В подводном продолжении пещеры Максим и Паша прошли по ходовому концу, ранее проложенному по периметру грота им. Владимира Киселева, и сделали замеры азимутов. Длина этих участков ходовика уже была известна с предыдущих выездов, поэтому новые данные позволяют получить более точную конфигурацию подводного грота. Параллельно с топосъемкой велась видеосъемка работ на камере GoPro.

▲ Царские ворота

▲ Доказательство.
Фото Павла Ковалева▼ Погружение в Бриз.
Фото Максима Козионова

были похожи на мокрых нахолившихся воробьев.

Но дождь — не та причина, которая может заставить спелеологов и дайверов прекратить работы или пытаться сделать их по принципу «и так сойдет!». В этот выезд над пещерой для крепления грузовой навески натянули стальной оцинкованный трос. Примерно в два часа дня начали спускать груз, параллельно спускались участники группы. В четыре часа дня подводники вместе с грузом были на берегу подземного озера, а большая часть спелеологов отправилась в ход Северное Сияние для определения мест последующих работ по топосъемке и раскопкам.

Еще на походах к озеру стало понятно, что на безмятежные подводные прогулки рассчитывать не стоит — уровень воды стоял небывалый! Там, где раньше были сухие расщелины меж камней, сейчас тихо плескалась вода. Мак-

Конечно, временами условия работы кажутся совсем нетерпимыми, но в любой ситуации есть своя выгода. Так, интересное наблюдение было сделано в дальней части подводного грота вблизи входа в боковой каньон. В этой части подводного царства дайверами был замечен приток свежей воды, а общая видимость в этой области увеличилась до 2–3 метров. По-видимому, именно в этом районе следует искать продолжение подводной части. Погружение дайверов длилось ровно час.

В это время вторая половина группы осматривала ходы системы Северного Сияния, найденного в ноябре 2015 года. В ходе работ было предпринято несколько попыток заблудиться и застрять. К счастью, попытки не увенчались успехом, поэтому к 10 часам вечера большая часть груза и все спелеологи были на поверхности. Оставили на утро мы только спарку, поскольку

▲ В Умке айсберг

первая же попытка ее поднять закончилась оборванной лямкой спарки и весьма печальным взглядом ее владельца.

А на ужин у нас были рябчики, тушеные с грибами, приготовленные на углях таежного костра. И в этот раз ради разнообразия — даже без дождя.

Утром следующего дня наша группа вновь разбилась по интересам: Андрей с Олегом, вооружившись лопатами и шоколадками, ушли заниматься подземным ландшафтом и дизайном, а оставшаяся группа задумала поднять девятого участника — спарку — наверх. И вот тут стало понятно, насколько мудрым решением было оставить спарку внизу вечером. Примерно столько же времени, сколько у нас ушло на подъем всего остального оборудования, в этот раз у нас ушло только на нее. Раз пять спарка пыталась зацепиться, путалась в навеске, накручивала на себя спусковую веревку — в общем, устраивала всяческие диверсии и испытывала наше терпение. Но насколько вредной она была, настолько же упрямыми были люди наверху, и в конечном итоге победила ловкость и сила рук спелеологов.

Поскольку подводники рассудили, что в Таежной в таких условиях они уже сделали все, что могли, и даже чуть больше, планы опять подверглись пересмотру. В итоге дайверы вместе с Женей Цурихиным пошли смотреть крупный источник в пещере Бриз, где в 2009 году уже ныряли Владимир Топунов, Дмитрий Осипов, Юрий Базилевский и Валерий Халтурин, однако четкого описания подводной части пещеры составлено не было.

Несмотря на то, что вода в источнике сильно поднялась, она была прозрачной. Паша Ковалев совершил два погружения в Бриз с одним баллоном, поставил новый ходовик (на удивление, с 2009 года все еще держался старый) и провел видеосъемку подводной

▼ Кристаллы

части пещеры. Ее длина составила 20 м, глубина — 11,5 м, а общая длина пещеры с сухой частью превысила 50 м.

Что интересно, вода в Бризе была прозрачной, не в пример озеру Таежной, хотя находятся пещеры совсем рядом — правда, на разных берегах. Это свидетельствует о том, что в Бризе разгружается не вижайская вода, а, предположительно, вода водосборной долины реки Черной. Кроме того, по рассказам Паши, в пещере плавают налимы. Правда, доказательств на нашу сковороду представлено не было ☺

А в это же время группа в составе меня, Юли и Кости проводила топосъемку сухих ходов Таежной пещеры в системе Северное Сияние и в Заозерной части. По результатам работ длина пещеры возросла до 1914 метров. Кроме того, вместе с Андреем и Олегом были найдены и отмечены на карте места, перспективные для дальнейших работ и раскопок. В одном из таких ходов Северного Сияния, который, как показала 3d-модель пещеры, находится всего в 11 метрах от Заозерной части, обнаружена сильная тяга воздуха и следы летучих мышшей.

Кроме того, в этот же день в пещере были расставлены реперные

таблички, в очень сжатые сроки подготовленные Пашей Калабиным, за что ему спасибо.

Примерно в районе обеда Андрей Рублев и Олег Панов закончили работы под землей, собрались и отплыли от места стоянки на надувной лодке на базу Вижай, а вечером этого же дня выехали в Екатеринбург.

Много позже озябшая группа топосъемки в лице двух девушек и Кости поняла, что пора сворачивать работы и идти наверх готовить ужин.

Я выходила последней, и когда поднялась из пещеры — засомневалась в реальности происходящего и адекватности своего восприятия. У костра над уже готовым наваристым борщом (!) колдовал Максим, за столом, накрытым скатертью (!!), Женя и Паша при свете десятка расставленных свечей (!!!) нарезали хлеб и чеснок, заваривали чай и готовили наши тарелки к ужину.

Ребята оставили в секрете, почему они так долго скрывали свои кулинарные навыки и откуда в них столько ро-

мантики ☺ Позже были песни у костра и долгие разговоры. Уверена, без песен и борща не случилось бы чудес последующих открытий.

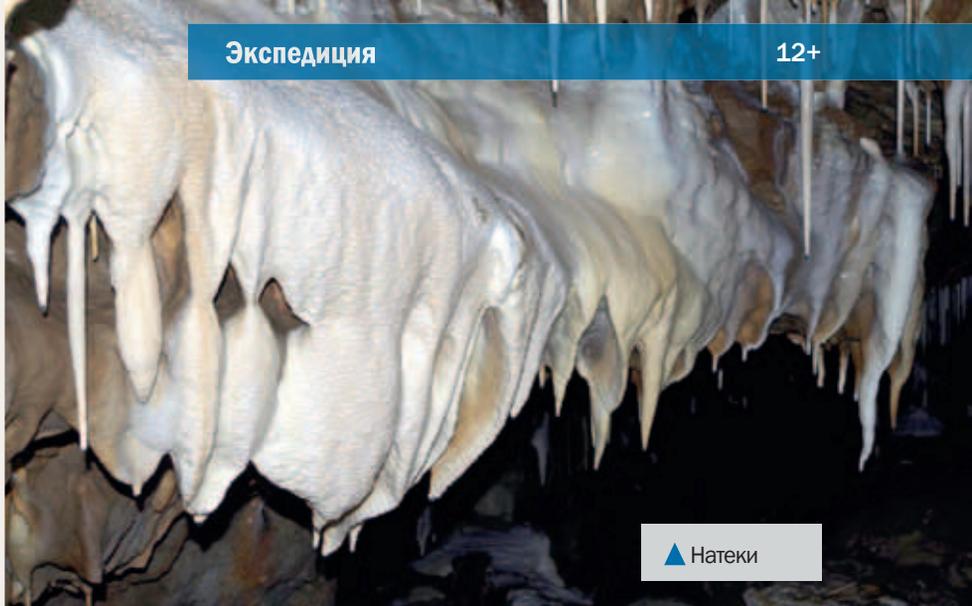
Глава 3,

в которой повествуется о седом Урале, дрейфующих предметах и о том, как пещера назвала сама себя

Песни у костра оказались настолько хороши, что наши подводные друзья решили задержаться с нами еще на день. Поэтому 22 сентября было решено совместно совершить прогулку по берегам Вижая, пользуясь затишьем в дожде, а заодно внимательно осмотреть скалы в районе Царских Врат, которые осматривали до этого только один раз — в сентябре 2009 года.

Дальнейшие перспективы были туманны: либо оставаться на прежнем месте и продолжать работы в Таежной, либо срывать с насиженного места и идти сплавливать по соседней речке Северной Тошемке.

Оставив все решения на будущее, мы отправились до живописных Царских врат. Места там хороши! Рядом с вратами нашлась небольшая, но очень уютная пещерка, а также довольно

▲ Натёки

большое количество ниш-берлог длиной 5–10 метров.

На душе царил умиротворение, город наконец-то начал отпускать свои цепкие лапки от наших мыслей и чувств, а ощущение вечной гонки потихоньку сходило на нет под звуки охотничьего варгана и пение птиц.

И камлания с варганом возле Царских врат не прошли даром! В этот раз в зоне нашей работы был участок скал, который Женя ранее не осматривал, но вспомнил, что Игорь Лавров рассказывал ему про пещеру с двумя нишами на этом берегу. Вообще нашей целью была пещера Рельефная с характер-

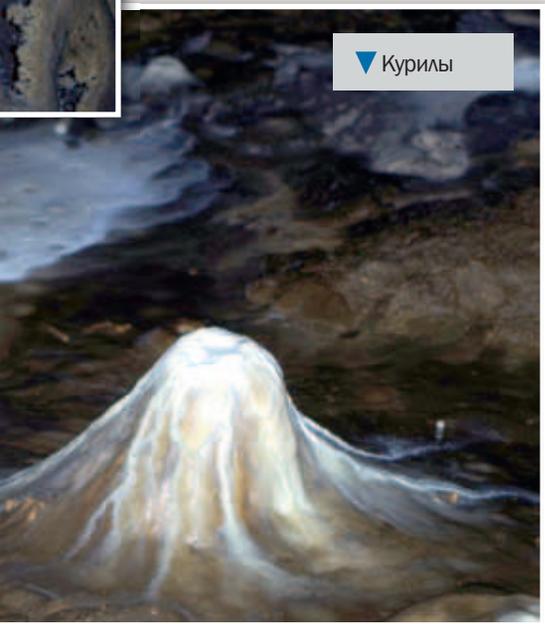
ным почти азиатским меандром, но дорога к Рельефной пролегла вдоль того самого участка скал.

Конечно, по дороге нашлась пещера, описанная Игорем, куда мы и зашли, по ошибке и незнанию спутав ее с Рельефной. Впрочем, ошибка обнаружилась очень быстро — во входном гроте пещеры лежал ледник. Да и вообще, стоит отметить, в ней было очень и очень свежо, а из одной из узких щелей прямо-таки дуло!

Эта щель и стала объектом нашего самого пристального внимания: она была узкой, вертикальной и высокой. Но стоило к моему росту добавить

▼ Курилы

▼ Сплав

всего-ничего — высоту Жениных плечей, — как наверху нашлось расширение, в которое можно было пройти спелеологу любой комплекции. Недолго думая, мы туда и прошли. За щелью оказался небольшой высокий грот, под потолком которого налево уходил ход. Воспользовавшись ростом Жени и удачно захваченными веревкой и жумаром, пятиметровый уступ был взят. К тому времени уже было понятно, что эта часть — совершенно новая. А ветер в основном ходу давал надежду, что нового впереди будет еще очень много.

Как-то так получилось, что первопроходцем в этот раз отправили меня (с условием «до первого препятствия»). Основной коридор представлял собой довольно широкий меандр, по мере прохождения которого встретились колодец, пройденный враспоре, а также временно проигнорированные восходящие и боковые ходы. В конце ме-

андра оказался грот с восходящим завалом, в дальней верхней части которого проглядывалась таинственная дырка моего калибра. Посовещавшись, мы решили пройти и это препятствие, поэтому спустя пару минут я уже сидела наверху и, не дыша, расчищала дорогу от неприлично живых камней. Впрочем, без суеты и спешки завал проходилась нормально, поэтому вскоре я оказалась в довольно большом гроте, где справа уходил вниз десятиметровый колодец, а слева из щели, аналогичной входной, задувал ветер.

Увы, пора было и честь знать — в одного не хотелось проходить ни одно из предложенных препятствий, так что пришлось вернуться на поверхность и с восторгом рассказать ожидавшим нас дайверам о новой пещере. В целом по меандру в день открытия нам удалось пройти более 60 метров.

Пока мы передевались, Паша долго и задумчиво смотрел на стену пещеры и периодически переводил взгляд на мою футболку с принтом медведя. А после глубокомысленно изрек: «Да это же Умка! Вы что, не видите?» И вот тут все встало на свои места: натек на стене пещеры оказался удивительно похож на мордочку белого медвежонка, да и где еще жить Умке, как не в большой ледяной берлоге на Севере? ☺ Название было принято единогласно! Ну а после Умки в этот день мы посетили Рельефную пещеру, которая располагалась буквально за углом, отметив в ней перспективные места, потенциально ведущие к соединению с Умкой.

В конце такого насыщенного дня мы продолжили уже традиционные посиделки с гитарой под шипение жарящихся рябчиков с лисичками. Вечером стало совершенно ясно, что наши планы относительно завершающих двух

ры Умка превысила 200 м, амплитуда составила 28 м. Также еще в нескольких местах был обнаружен лед.

Работать в пещере в это время года было некомфортно — очень мокро и холодно. Дальний грот вообще было решено назвать гротом дрейфующих вещей, поскольку за 10 минут мы умудрились уронить там в завал фонарик, несколько раз КПК (спасибо Александру Рольщикову за защитные чехлы, это очень важно!), стилус и жумар. Умка с нами играл, не иначе! В общем, выбежали мы в конце дня из пещеры с не меньшим энтузиазмом, чем в день открытия в нее забежали.

Ну а на следующий день одна двойка спелеологов занималась подземной фотосъемкой, а вторая обследовала участок плато в районе дороги на Верхний Вижай. На этом участке были найдены ранее неизвестные провалы, на каменном дне одного из которых отмечена тяга воздуха. В четыре часа дня вся группа на двух лодках отплыла по реке Вижай и в районе семи вечера была уже на Вижайской базе.

На следующий день, 25 сентября, все еще живя в режиме спонтанного планирования, мы решили наконец осмотреть скалы на вершине горы Тамуньер, в 10 км от Вижайской базы. Это место также известно как Каменный город, но, в отличие от одноименного пермского объекта, наш Каменный город мало хожен и находится в стороне от популярных троп.

Сильный туман в этот день скрывал лес и близлежащие скалы, но вместе с тем придавал этим местам таинственность и загадочность. Седому Уралу на редкость к лицу туман, морось и огненная рябина на склонах древних гор!

Не в силах остановиться и оттягивая неизбежное возвращение в светный город, в этот же день мы еще два часа провели на реке Каква, отбирая пробы воды и грунта для НИИ аквакультуры и биоресурсов. Погода к этому времени совсем наладилась и заиграла всеми красками бабьего лета.

дней экспедиции изменились: вместо сплава по участку реки Северная Топемка нам предстояло исследовать новую пещеру. Ура! Особенно вдохновлял тот факт, что Умка — первая с 2009 года крупная пещера, найденная на реке Вижай.

Утром 23 сентября Володя Черноскутов отвез подводников со снаряжением на базу, нас осталось четверо. Весь день мы провели в Умке. После навешивания веревок на тех участках, где еще вчера мы все втроем бежали, как с цепи сорвавшись (а сегодня было уже боязно), начали топосъемку пещеры, попутно заглядывая в разветвления.

Через одно из них после разбора завала удалось попасть в крупный грот. Как показало дальнейшее совмещение топосъемок пещер Умка и Рельефной, именно ход в дальней части этого грота ближе всего подходит к Рельефной пещере. Длина отснятой части пеще-

Вместо заключения

Мне очень хотелось в этот раз рассказать о поездке лаконично и без лишних деталей, но как только погружаешься в воспоминания об этом калейдоскопе событий, людей и поступков, словно теряешь над собой контроль — хочется поведать сразу обо всем, ведь все это — каждая деталь — неизмеримо важно!

Как в калейдоскопе каждая деталь мозаики лежит на своем месте, так и в жизни каждый человек, событие и даже погодные явления плетут свой единый узор на канве вселенной. И каждый день, проходя немислимое количество незаметных (или заметных) точек бифуркации, человек творит общую историю. И тогда все вместе — люди, отсутствие дождя, слегка измененный маршрут — выливаются в, казалось бы, случайное, но на самом деле вполне оправданное открытие.

Такое, как открытие большой пещеры на малоисследованном перспективном берегу реки, вселяющее надежду на новые большие объемы и новые большие экспедиции! Синергетика в действии ☺

▼ Южный склон г. Холат-Сяхл

Вершины

Лозьвинского Крючка

Гора с двумя названиями

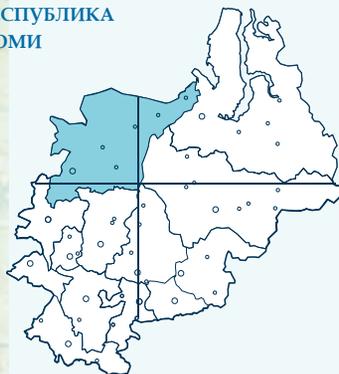
На современных географических картах гора с названием Холатчахль отмечена в северной части Свердловской области, в 12 км южнее горы Отогтен. Вторую часть названия Горы значительная часть исследователей записывает в форме чахль: со звонкой согласной Ч и с мягким знаком на конце. И то и другое – стилизованные варианты. Следует использовать запись в виде сяхл, соответствующую произношению в мансийском языке.

На склонах Горы берут истоки р. Большая Хозя на западном уральском склоне, а на восточном склоне – р. Ауспия и два правых притока р. Лозьвы.

Собственно Гора Холатсяхл находится на линии Главного Уральского водораздела. Современная высотная отметка Горы составляет 1096,7 м. В восточном направлении от Горы отходит боковой отрог, заканчивающийся вершиной с отметкой высоты 905 м. Между этой вершиной и горой Холатсяхл находится урочище Перевал Дятлова.

На восточном склоне горы Холатсяхл, судя по всему, 2 февраля 1959 г. произошла трагедия – погибла группа туристов, студентов и выпускников Уральского политехнического института. Руководителем группы был Игорь Дятлов, с которым я был зна-

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

◀ Современная карта района верховий р. Лозьвы

Встречный ветер

На иллюстрациях используются картографические названия гор. Фотографии Галины Ильясовой

ком. Со своими друзьями мы путешествовали в том же районе, где погибла группа Дятлова, но на две недели позднее по срокам. У нас с Дятловым была договоренность о встрече на горе Ойка-Сяхл: для них эта гора была на конечной стадии маршрута, а для нас — на начальном пути. Группы не повстречались. По окончании нашего маршрута мы в течение двух недель участвовали в поисковых работах на месте гибели туристов. Поэтому все нюансы дятловской трагедии мне хорошо известны. Здесь не место для разбора давних событий. Отмечу только одно. Туристы полураздетые выскочили из палатки, стоявшей на склоне горы Хо-

латсяхл, выше границы леса, и убежали вниз по склону до леса, где и замерзли. Думается, что причина, заставившая их покинуть палатку, скорее всего, была техногенная. Подтверждение этому — следующий реальный факт. Когда мы были на поисках, то ниже палатки на склоне Горы мы видели три гряды камней, выступающих из ледяных поверхностей. В последующие годы в зимнее время никто не видел ни гряды камней, ни ледовых участков. Весь восточный склон в последующие годы представлял собою всегда чисто снежную поверхность. Ледовые участки имели место только в 1959 году. А позднее они никогда не проявлялись. Сле-

довательно, в 1959 г. восточный склон Горы локально подвергся какому-то тепловому техническому воздействию.

В XIX веке в районе Горы Холатсяхл путешествовало немало число исследователей, составлявших географические карты. Более десяти лет в летние периоды после 1830 г. на Северном Урале работала Горная Североуральская экспедиция, один из отрядов которой под руководством Н. Стражевского пробрался до верховьев р. Шугор. Однако на картах, составленных участниками этой экспедиции, Гора Холатсяхл не нанесена. В 1843–1845 гг. венгерский путешественник А. Регули совершил поездку вдоль Уральских

▼ На южной седловине г. Холат-Сяхл

▼ Вид на г. Хóлат-Сялх с северо-запада

гор от широты Екатеринбурга до берегов Северного Ледовитого океана, туда и обратно. Он составил карту Северного Урала, на которой Гора Хóлат-сялх не показана. В 1847–1850 гг. Североуральская экспедиция Императорского Русского Географического общества обследовала Уральские горы от Чердыни до Северного Ледовитого океана. Один из отрядов экспедиции под руководством Н. Стражевского прошел по водораздельному гребню Урала от р. Вишеры до р. Шугор. В опубликованных отчетных томах экспедиции упоминается гора под названием Хóле-Сялх. Д. Юрьев и В. Брагин, экспедиционные топографы, составили карту Северного Урала по материалам, полученным в ходе экспедиции. На этой карте гора Хóлатсялх не показана. В записках топографа Д. Юрьева, составившего «Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов», опубликованных в Записках Русского Географического общества, встречается упоминание Горы Хóле-Сялх: «Каменистый кряж Поримонгитурр под 61038 северной широты, заключающий главные истоки рек: Вишеры и Малой Уньи, текущих на запад, р. Пурмы, имеющей начало с восточной стороны, составляя линию водораздела, примыкает на севере к горам Хóле-Сялх Гордганг-Сялх... Да-

лее от Гордганг-Сялх линия разделения вод делает колено около 8 верст к северо-западу и следует хребтами Поритогтнесялх и Мань-Лундхуссепурр к главному истоку р. Лозьвы, текущей на восток из озера, заключающего в глубоком, обрывистом и каменном ущелье хребта Янь-Лундхуссепурр». Обращаю внимание читателя на тот факт, что в этой записи между словами «Хóле-Сялх» и «Гордганг-Сялх» не стоит ни запятой, ни союза И. Учитывая, что здесь идет речь о «горах», я предпо-

читаю между этими названиями гор поставить союз И. Так как в записи Юрьева горы перечисляются в порядке с юга на север, то можно считать, что Гора Хóле-Сялх расположена южнее горы Гордганг-Сялх. Существенную информацию несет сообщение Юрьева о том, что севернее гор Хóле-Сялх и Гордганг-Сялх линия водораздела «делает колено около 8 верст к северо-западу», что соответствует реальному положению изгиба Главного Уральского водораздела в этом месте в виде большой дуги.

В 1886 г. геолог Е.С. Федоров, будучий российский академик, обследовал вершины, расположенные в верховьях р. Лозьвы. На составленной им в 1888 г. «Геологической карте бассейна реки Лозьвы, верхней части реки Вишеры и прилежащих частей Северного Урала» на месте современной Горы Холатсяхл обозначена гора Ауспи-Тумп. А на отроге, идущем на восток от этой горы, помечена вершина с названием «г. Мань-Хола-Сяхл». Отметки высоты гор, указанные на карте, определя-

лись барометрическим способом. Отметка высоты горы Ауспи-Тумп на карте — 516 сажень. Поэтому можно полагать, что Е. Федоров поднимался на эту вершину.

В 1888–1889 гг. на Северном Урале исследования финно-угорских языков проводил венгерский ученый Б. Мункачи. Обработав материалы, собранные среди манси, он опубликовал четыре тома «песен» манси. В четвертом томе он привел названия шести вершин, расположенных в районе верхо-

вий рек Лозьвы и Северной Сосьвы. Среди этих оронимов записан Халетсяхл.

В первой половине XX века в районе обсуждаемой Горы проводила геологические исследования В.А. Варсанюфьева, первая женщина доктор геологических наук в Советском Союзе. В одной из своих опубликованных статей она отметила гору Холат-Нел. Вторая часть этого названия указывает на то, что эта гора расположена на отроге. Это совпадает с указанием Федорова по расположению горы, но отличается по записи названия: у Федорова — Хола, а у Варсанюфьевой — Холат. В другой своей публикации Варсанюфьева пишет о Горе Холат-Сяхл, которая «достигает 1000 м с лишним», т.е. она перенесла название Горы Холат с отрога на Главный Уральский водораздел, на вершину, которую Федоров именовал Ауспи-Тумп. Варсанюфьева составила «Гипсометрическую карту Вологодского Урала и бассейна р. Сосьвы». На этой карте она показала Гору Холат-Сяхл непосредственно на Главном Уральском водоразделе, на том месте, на котором вершина ныне нанесена на современных географических картах. Такую информацию, судя по всему, она получила от своих коми-проводников.

А.К. Матвеев в своих топонимических словарях Урала ороним Холатсяхл переводит как «Гора мертвецов», от мансийского холат — «мертвец», сяхл — «гора». Т.Д. Слинкина в своем обширном труде «Мансийские оронимы Урала» дает аналогичный перевод: Х́лат-Сяхл 'Гора мертвецов', от х́ла (единственное число) и х́лат (множественное число), где Т — показатель множественного числа. Слинкина также приводит термин х́ла, х́лат, которым «манси называют заплесневелых, замшелых — покрытых уже мхом, му-

▼ Вид на г. Х́лат-Сяхл с западного склона г. Хозя-Талях-Сяхл

мифицированных, высохших, окаменевших мертвецов или скелеты, обнаруженные по прошествии длительного периода: месяцы, годы, десятилетия, века и т.д.».

В мансийской оронимии зачастую названия горам давались таким образом, чтобы в названии была отражена какая-нибудь географическая особенность горы, отличающая ее от окружающих вершин. С этой точки зрения, когда исследователи фиксировали ороним Хола-Сяхл или Хола-Нёл, они относили это название к горе, расположенной на конце восточного бокового отрога Главного Уральского водораздела, имеющей высотную отметку 905 м на современных географических картах. В этом случае название горы происходит от мансийского слова холу́нке 'кончить, кончиться', с краткой гласной буквой О. И тогда название горы Хола-Сяхл (или Хола-Нёл) отражает топографическую особенность горы: 'Конечная гора', расположенная на оконечности бокового отрога. Следует отметить, что Д. Юрьев и Е. Федоров эту «Конечную гору» называли Холе/Хола-Сяхл. А Слинкина эту же «конечную гору» именует Хóлат-Нёл и переводит как 'Отрог горы мертвецов'. Когда исследователи относят название Хóлат-Сяхл к горе, расположенной на линии Главного Уральского водораздела, то такое название 'Гора мертвецов' можно соотносить с мансийским словом холу́нке

'погибнуть' (с долгой согласной буквой О, на письме отражаемой горизонтальной черточкой над буквой), которое могло трансформироваться в понятие 'умереть, мертвец'. По сообщению Слинкиной, термин хóла «считается самым тяжким оскорблением во время ссоры, буйного скандала, даже хуже, чем нецензурное слово». Отдавая дань уважения духовной культуре народа манси, следует учитывать мансийские предания, зафиксированные Слинкиной. По ее сообщению, «предания о Хóлат-Сяхл восходят к временам Всемирного потопа Ялпың сякв», когда на горе оставалось сухое место, «где и обнаружили мертвецов по происшествии неопределенного исторического периода». В более поздних преданиях сообщается, что на вершине горы погибло девять оленеводов-манси. По мнению Слинкиной, суть предания заключается «в зловещей цифре «девять», которая прочно связана с оронимом Хóлат-Сяхл». Слинкина считает, что именно мистическая цифра «девять» привела к трагической гибели группы туристов, которой руководил Игорь Дятлов, на склоне Горы Хóлат-Сяхл.

Рассмотрим далее топоним Ауспи-Сяхл, который, по информации, имеющейся в моем распоряжении, впервые был нанесен на карту «Область верхней Лозьвы», составленной венгерским путешественником А. Регули во Всево-

лобогодатском в 1844 г. Эту карту он составил по сообщениям местного манси Алексея Касимова. Однако такую карту впервые опубликовал в 2012 г. Г.Б. Секей, исследователь из Печковского университета в Венгрии, в своей статье «Топонимия верхнего течения реки Лозьвы и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Карта NR 01.1844)». А. Регули на своей рукописной карте обозначил топоним Aukspri (Аукспи), считая его потапонимом (названием реки). В 1886 г. в районе верховий р. Лозьвы проводил геологические исследования Е. Федоров. На составленной им геологической карте обозначена гора Ауспи-Тумп, которая нанесена на месте современной картографической вершины Хóлат-Сяхл. Со склонов этой горы берет истоки река, которая на карте Е. Федорова поименована Ауспия. Е. Федоров не привел перевод топонима Ауспи на русский язык. В 2011 г. Слинкина в своей фундаментальной книге «Мансийские оронимы Урала» записывает рассматриваемый ороним в виде Ђвыспи-Тумп (Ђвспи-Тумп) и переводит как 'Островная гора [у реки] Ђвыспи-Я', размещая эту гору, имеющую две вершины (949,5 и 896,0 м), к юго-востоку от вершины Хóлат-Сяхл на правобережье р. Ђвыспи-Я, на расстоянии около 8 км от г. Хóлат-Сяхл.

Здесь я вынужден заметить, что вершина с высотной отметкой 949,5 м,

которую Слинкина называет А́выспи-Тумп, на самом деле не имеет географического названия. На современных географических картах приведено название геодезического пункта «Верх. Ауспия», что подтверждается специальным топографическим знаком (треугольником) и линейным подчеркиванием названия. А собственно географические названия гор не подчеркиваются и обозначаются точкой. Кроме того, несколько ниже по течению реки Ауспи-Я в правобережных горах на современных картах обозначен геодезический пункт «Ауспия Сред» (733,8 м). Названия геодезических пунктов давали геодезисты в XX веке, прокладывая триангуляционную сеть. Поэтому названия геодезических пунктов не имеют никакого отношения к исторически сложившимся мансийским названиям гор. Исторически реальный ороним Ауспи-Тумп зафиксирован Е. Федоровым на месте горы с современным названием Хóлат-Ся́хл.

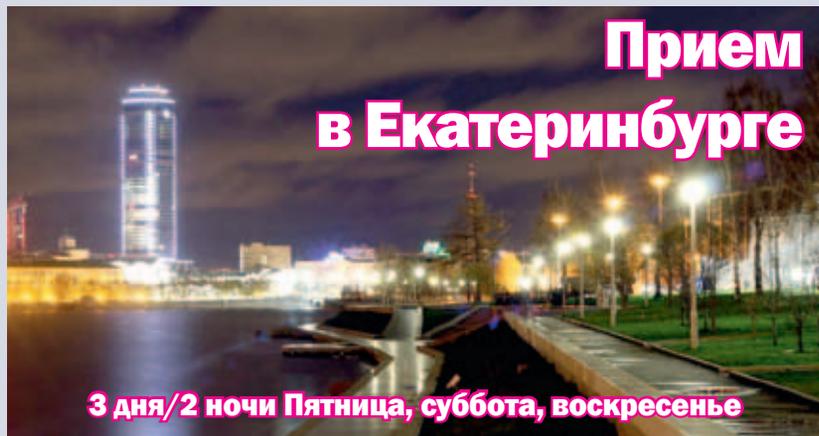
Слинкина гидроним А́выспи-Я переводит как 'Подобие ворот [в русле имеющая] река' от Ави-авс, авис — ворота, дверь, вход, проем; пи — суффикс уподобления. При этом, по ее мнению,

во всех источниках произошла замена А́вспи/А́выспи на А́успи. Здесь следует согласиться со Слинкиной в том, что название А́успи значительно изменено по сравнению с первичной формой оронима. С другой стороны, трудно согласиться с ней в том, что гора А́выспи получила свое название по имени реки А́выспи-Я. В рассматриваемом районе такой прием номинации гор не характерен. Традиционно в названиях гор отражаются географические особенности именно вершин, а не соседних рек. Скорее название реки А́выспи-Я произошло от имени горы А́выспи-Ся́хл.

Выше я уже упоминал о том, что ороним А́выспи (Ауспи) зафиксирован в значительно измененной форме, что весьма затрудняет определение его первоначального вида. Попробуем пойти от обратного: определить характерную географическую особенность горы, которая могла быть отражена в ее названии. На относительно плоской макушке Горы не видно каких-либо необычных структур. Есть несколько небольших скальных останцев. Общая форма горы — относительно округленная, без каких-либо необычных элементов. А вот на юж-

ном склоне Горы находится необычная примета: длинный ряд высоких каменных столбов, выстроившихся в общую единую колонну. В мансийском языке имеются слова, которые характеризуют именно такую структуру: аква-лаг 'подряд'; аквсърыл-либломтаңкве 'строиться (в колонну)'; аквьюи-палт 'подряд, друг за другом'. Поэтому можно предположить, что первоначальная форма названия имела примерно следующий вид: Аквьюиспи-Ся́хл Тора, [на склоне которой камни] выстроились подобно колонне, подряд, друг за другом, где -пи суффикс уподобления. В предполагаемом орониме я не могу претендовать на абсолютно правильный строй букв в названии горы. Но предлагаю рассматривать его как источник для последующих разысканий и уточнений.

На основании выше изложенного можно предположить, что, возможно, в уральской мансийской топонимии современное название рассматриваемой вершины функционирует одновременно на двух уровнях: в сфере духовных верований (Хóлат-Ся́хл) и на материальном природно-утилитарном уровне (Аквьюиспи-Ся́хл). **✎**

Прием в Екатеринбурге

3 дня/2 ночи Пятница, суббота, воскресенье

1-й день

с 08.00 до 11.00 — встреча на ж/д вокзале и доставка туристов в отель, оставляем вещи и едем на экскурсию
11.00 — 12.30 — посещение областного краеведческого музея или музея ИЗО
13.00 — 14.00 — обед в кафе города (за свой счет)
14.00 — 16.00 — экскурсия в музей истории трамвая и троллейбуса
с 16.00 — свободное время

2-й день

10.00 — 13.30 — обзорная по городу (с выходом на плотинке)
+ граница Европа-Азия
+ Ганина Яма
13.00 — 13.30 — обед в монастыре (Ганина Яма)
13.30 — 14.00 — дорога до Верхней Пышмы

14.00 — 16.00 — посещение музея военной техники в Верхней Пышме
16.00 — 17.00 — дорога до Екатеринбурга
17.00 — свободное время
20.00 — 21.30 — для желающих дополнительная вечерняя экскурсия по городу на трамвае.
Стоимость экскурсии — 450 рублей с туриста (экскурсия состоит при наборе минимум 15 человек)

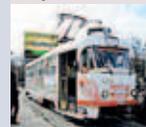
3-й день

8.00 — 9.00 — завтрак и сбор чемоданов. Оставляем их в отеле.
Первая половина дня — пешеходная
10.00 — 11.00 — музей первого президента России Бориса Ельцина в «Ельцин-центре»
12.00 — 13.00 — смотровая площадка бизнес-центра «Высоцкий» + музей Владимира Высоцкого
14.00 — 15.00 — обед в кафе (за свой счет)

Турбюро «Эльтранс»

Адрес: г. Екатеринбург,
ул. Степана Разина, 51, оф. 14.

Телефоны:

+7 (343) 257-13-19;
+7 (343) 385-13-19;
+7 (912) 216-79-89;
+7 (950) 65-15-306.

15.00 — 17.00 — автобусная экскурсия по городу с посещением женского Ново-Тихвинского монастыря
17.00 — 18.00 — заезд за вещами в отель и трансфер на ж/д вокзал

Стоимость:

Проживание

в отелях Екатеринбурга (руб.):

Грин Парк — 9300,0 — взрослые и 9100,0 — школьники
Протекс отель — 7200,0 — взрослые и 7000,0 — школьники
Отель Реноме — 9800,0 — взрослые и 9700,0 — школьники

В стоимость входит:

встреча, проводы, проживание в отеле выбранной категории, питание и экскурсионка по программе

Бронь по телефону:

+7 (343) 257-13-19

или по электронной почте:

cultura11@yandex.ru

Печи на речке Норной

Этот поисковый маршрут «свалился» на нас неожиданно. На конференции в городе Сухой Лог мы познакомились с энергичным и деятельным человеком В. А. Расщупкиным. Его сообщение выбило нас из колеи. Он рассказал, что недалеко от Алтыная,

на берегу реки Рефт, видел плавильные печи, в которых в далекие времена люди плавил золото. Сообщил, что намерен организовать туристический маршрут и экспериментальное старательское производство по промывке золотоносных песков.

Когда уральский писатель В. В. Сипов собирал материал для книги о Сухоложском районе, его интересовало местонахождение старинной мельницы и ее возможные останки. Он обратился за помощью к местным краеведам, и мы вместе с писателем отправились в поисковый маршрут. И хотя останков мельницы не обнаружили, но место, подходящее по своим характеристикам для размещения мельницы, нашли. А в конце нашего маршрута, уже на выходе к лесной дороге, наткнулись на полуобвалившиеся ямы необычной формы. Размер их был до десяти метров в диаметре, глубина в некоторых случаях более трех метров. Но главное, что нас удивило и заинтересовало, — это основательная каменная кладка из природного камня. Она была выполнена с узкой стороны ямы в виде арочного свода, выложенного клиновым камнем в замок. В некоторых местах ширина кладки достигала двух метров, а высота с учетом обвалившейся породы доходила до трех.

Осмотрев каменную кладку, мы ее сфотографировали, потрогали руками, заглянули под арочные своды и оставили на будущее. Ведь у нас с собой не было даже лопаты. Да и предстояло сначала собрать информацию о назначении подобных конструкций. Со-

общение В. А. Расщупкина, наша беседа с ним и небольшой сюжет, показанный по областному телевидению, нас подхлестнул.

Конец октября — самая неподходящая погода: ветер, снег с дождем, слякоть, под ногами грязь. А группа поисковиков приняла решение посетить неизвестные каменные сооружения старых времен.

На маршрут мы вышли небольшим коллективом. Председатель Рефтинского краеведческого общества Ю. М. Сухарев возглавил наш поход. Помощниками были М. В. Шишминцев и автор этих строк. Кроме того, в этот день с нами пошел Николай Александрович Серухин, ныне житель поселка Рефтинского. Он в свое время долго жил в поселке Золото и работал на добычном предприятии. Из разговоров со старожилками мы выяснили, что вокруг поселка в старые времена, кроме работ по золоту, были работы по выжиганию древесного угля, заготовке древесины. А к речке Норной (именно туда мы направлялись) жители ходили за известковым камнем.

Половину пути проехали на автомобиле, но на середине лесной дороги, у ручья, «сели на брюхо». Глинистая почва, густая грязь, кочки — все это за-

Александр Копырин

Работает маркшейдером на комбинате «Ураласбест». Краевед. Член Уральского историко-родословного общества. Написал краеведческую книгу о городе Асбесте (еще не издана).

Иллюстрации предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ставило наш автомобиль остановиться. Дальше двинулись пешком.

Николай Александрович показал нам, где располагался в послевоенный период Дом отдыха, здесь жил и работал его дед. Спустились к реке, осмотрели две затопленные воронки, здесь когда-то были стволы шахт.

Сначала прошли к тем старым печам, которые вывели в прошлом году. Осмотрели, сфотографировали и спустились вниз. Сегодня мы взяли с собой саперную лопатку. Поработав на старой каменной кладке и под ней, мы внимательно изучили результаты. Клиновидные камни, из которых выложен арочный свод, к нашему удивлению, имели различную цветовую раскраску. Некоторые камни были светлые, даже можно сказать белесоватые, другие темно-серые. А были камни частично с зеленым цветом, розовые и фиолетовые. Внутри кладки цветовая гамма была еще более разнообразна.

Раскопали основание под сводами предполагаемой печи. Извлекли несколько отлично сохранившихся белых камешков, очень похожих на известь. При их растирании на пальцах остался стойкий белый цвет — как от извести. Хотя на вкус и цвет известью не пахло. Попробовали этими камешками чертить по темным валунам, оставался хорошо видимый белый цвет, а камешек крошился и рассыпался.

Тот же результат дали эксперименты и во всех остальных печах. Мы пришли к убеждению, что в этих печах выжигали известь. Под сводами каменной кладки на земле — большое количество красно-рыжей перегоревшей золы.

Хочется отдельно сказать о каменных кладках. Как хорошо, правильно и прочно, можно сказать, даже красиво выложены диким камнем арочные своды! И как хорошо они сохранились!

Осмотрев все сооружения, задались вопросом: где наши строители брали камень? Ведь в пределах видимости нет каменоломен и никаких скал. Ответ, наверно, кроется в названии скальной гряды километрах в трех ниже по течению. «Сыпучий камень» — так значится на картах. Скорее всего, оттуда и возили на лошадках подходящие камни и выкладывали своды печей.

Кроме печей, вокруг было много и других ям, на сегодняшний день полузасыпанных. На некоторых, обвалившихся, уже выросли деревья. На дне этих ям мы нашли светлые камни. По крепости они оказались совсем непрочными, при ударе друг о друга рассыпались. Часть образцов взяли с собой, чтобы показать геологам: не пригодна ли эта порода для выжигания из-

сти или она сопутствовала интересующим нас минералам.

Во всех найденных нами печах под их сводами растут сталактиты. Длина самых больших до семи сантиметров. В литературе сказано, что один сантиметр сталактита вырастает примерно за 20 лет. Значит, наши печи прекратили работу, грубо говоря, в 1870 году.

Зафиксировав все на цифровую кино- и фото пленку, двинулись в обратный путь. По дороге заглянули на заброшенный Черныгинский прииск. От поселения осталась только большая, заросшая малиной поляна. А на речке Норной, где в начале XX века активно действовал прииск, видны следы горных работ: кучи грунта отсыпаны в небольшие отвальчики; неплохо сохранилась земляная плотина для удержания воды. Слева и справа от речки в лесном массиве видны боль-

шие кучи грунта и неглубокие ямы — это, скорее всего, обвалившиеся шурфы или шахты.

К нашему удивлению, набрали на большой, примерно три на три метра, шахтный ствол. Он залит водой, но деревянная обвязка ствола отлично сохранилась. О существовании шахтного ствола в этом районе до сегодняшнего дня не было известно. Никто из старожилов поселка о нем не знает. Старички говорят: сколько вокруг шахт, стволов, шурфов, ям и закопущек, точно не знает никто. Провалиться ничего не стоит, да разве усидишь дома, когда в лесу полно малины, земляники, черники, грибов...

Обратный путь оказался немножко полегче. Даже автомобиль, преодолевая опасный участок, на котором застряли утром, проскочил топкую болотинку, «как по асфальту». **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

Всем екатеринбургским туристам хорошо известны скалы Петра Гронского, или Петрогром, но мало кто знает, что существуют скалы Павлогром, а ведь они расположены совсем рядом, на вершине того же увала. Найти их не сложно. От западной оконечности Петрогрома в юго-западном направлении идет каменная дорожка. Раньше она шла к геодезической вышке, но сейчас от вышки не осталось и следов, а дорожка выходит прямо к Павлогрому. Этот небольшой скальный гребень назван так археологами еще в 1950-х годах, одновременно с Петрогромом. Внешне скалы выглядят далеко не столь внушительно, как Петрогром. Гряда не превышает по высоте 5–6 метров и плавно переходит в развалы отдельных, покрытых папоротником и мхом, крупных гранитных монолитов. Но Павлогром — это интересный археологический памятник, допол-

няющий древний металлургический комплекс Петрогрома, относящегося к двум разновременным археологическим культурам — иткульской (V–III вв. до н.э.) и петрогородской (вт. пол. I тыс. н.э.). Наиболее ярким объектом Павлогрома можно считать две, расположенные на разных уровнях, металлургические «чаши» — подобных компактных чаш идеально круглой формы нет на соседнем Петрогроме. Есть здесь и уникальный объект, не имеющий аналога среди многочисленных останцев Верх-Исетского гранитного массива. Это комплекс из двух плит с нанесенными радиально расходящимися изогнутыми бороздами. У специалистов не вызывает сомнения тот факт, что эти плиты, обработанные человеком в глубокой древности, имели культовый характер, но какую роль играл этот комплекс в совершении магических обрядов, до сих пор остается загадкой.

Павлогром

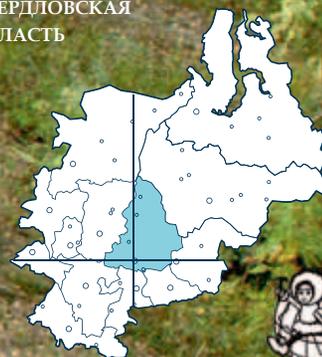
56° 59'49" N 60° 20'6" E

Евгений Тамплон

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

И храмы тоже плачут...

*...Но тщетно верить и надеяться.
Иных уж нет, и в пыль веков
Осели избы, кухня, мельницы...
Лишь храма каменный остов
Под небом хмурым изваянием.
Как крест всем тем, кто сгинул в прах,
Послужит шатким поминанием
Об их заслугах и делах...*

Мария Игнатъева

Окончила Московский экономический институт. По профессии экономист. Увлекается историей родного края — Алапаевского района, а также родословием, рукоделием. Живет в Верхней Синячихе.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

▼ Крест у стен Успенской церкви.
Фото Владимира Макаручка

Церковь возвышается в одиночестве, тянется к небесам из последних сил, пустыми окнами, как слепыми глазами, взирает на поселок, устремляется ввысь своей голой ободранной шеей без головы-купола. Каждая арка, словно рана, залита то дождями, то солнцем, греющим старый камень. Зори горят, как жертвенный костер.

На фоне языческого неба немая церковь смотрится особенно беспомощно. Без креста, без купола, без алтаря и икон она похожа на простоволосую нагую девку, опозоренную и пристыженную. И тело её, обожженное и раскрасневшееся, прячется то в зелени, то в снегу. Её ослепили, заставили замолчать и позабыть о пышных празднованиях Рождества и Воскресения Христова. Некогда желанная, теперь стала ненужной, как и многие памятники старины.

Советская власть оставила нам множество разрушенных старинных зданий. Но любой житель Верхней Синячихи не представит себе жизни без этого храма. Так было и так будет еще многие годы. Без своей малой родины мы — потерянные дети. А Успенская церковь — это сама история родной земли, ведь именно с церковью была связана жизнь каждого жителя большого поселка, наших отцов, бабушек и прадедов. Вычеркнуть ее, оставить незаслуженно в тени — все равно что отнять часть жизни у каждой семьи.

Ах, если б камни умели говорить, если бы мы могли слышать их голос... Если б вот так замереть перед руинами. Тихо, едва уловимо, словно ветер в кронах старых деревьев, различить ее шепот, кружева едва понятных слов...

«Святейшему правительствующему Синоду от Варлаама Архиепископа Тобольского и Сибирского... Доношение», — скрипит перо по желтой тверди бумаги, бормочут сухие губы...

«Пермского наместничества Алапаевского округа партикулярного господина подполковника Сергея Яковлева заводская контора (...) просила о построении в объявленном его за-

▼ Картина художника С.А. Батакова. 1989 г. Фанера, масло

◀ Успенская церковь в наши дни.
Фото Владимира Макаруча

яйцах и извести замешанном. Яйца свозили со всех дворов. Наши предки знали толк в строительстве. Главное и важнейшее отличие известкового раствора от цементного — его пластичность. Сама известь обладала таким качеством. А куриное яйцо — тот самый секрет мастеров — усиливал сцепление микрочастиц и придавал тем самым строению прочность монолита. Яйца пускали в дело целиком: содержимое — белок и скорлупу — кальций. Использовали яйца с известью и в штукатурке церкви, придавая тем самым будущей церковной росписи устойчивость к осыпанию.

В 1804 году был освящён холодный храм в честь Успения Божьей Матери. В 1813-м освящён и тёплый (отопливаемый зимой) придел во имя Богоявления Господня. Придел примыкал к западной стороне Успенской церкви. Завершилось строительство в 1849 году освящением придела во имя Святителя Николая.

Вот что говорит нам «Ведомость о церкви Успенской» 1836 года:

1. Построена 1796 года тщанием прихожан.

2. Зданием каменная с таковою же колокольнею, крепка, недостроена сверх сводов кладёю и потому еще ничем не ограждена.

3. Престолов в ней три в настоящей холодной во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Святителя Николая, не освященном; в приделе теплом во имя Богоявления Господня.

4. Утвари достаточно.

5. Причта положено по штату с построения церкви: священник, диакон, дьячок и пономарь.

6. Земли при сей церкви усадебной, пашенной и сенокосной отведенной нет, а священноцерковнослужители санными покосами довольствуются от Алапаевской заводской конторы.

7. Дома священноцерковнослужителей собственные деревянные, построенные на земле обывательской, кроме диакона, который проживает в квартире заводской.

8. На содержание церковнослужителей от Алапаевской заводской конторы положено жалование священнику 400, диакону 250, дьячку 175 и пономарю 150 рублей ассигнациями в год. Сверх того священнику 21/2 пудов сальных свеч (пуд равнялся 16 килограммам. — Прим. автора), 15 сажень квар-

кумента не сохранился. Рукописная копия сделана сотрудником музея).

Просил архиепископ о построении нового храма для «613 душ, по расположению в каждом доме по 4 души, — 153 дворов», расписывал обязательства крестьян: «Священнику Савве Попову, дьякону Ефиму Ланину и пономарю Алексею Серебрянникову производить в каждый год мастеровым с каждого человека от 7 до престарелых лет по 20 копеек, а крестьян хлебной руки священнику по пуду, дьякону по 30 фунтов, дьячку и пономарю по полпуду, да сверх того к лучшему их продовольствию из угодных своих сенокосных мест имеют отвести для сенокосу способные места, с которых бы можно было сено поставлять всего не менее 500 копен, под строение домов удобные места».

И прилагала рука старца к письму «все о построении оной церкви подлинное дело» на сорока листах. Писано 7 января 1796 года. Резолюция указная последовала 20 февраля.

С наступлением тепла началось и возведение храма. Деньги на строительство собирали всем миром. Мастеровые завода отдавали до 2% от своей зарплаты, жители посёлка других сословий платили специальный налог. Внесла свою лепту и заводская контора.

Клади камень с помощью специального раствора, в народе называемого божьим цементом, на куриных

воде, состоящем в приходе Нижне-Синячихинского же завода при двухприходной Преображенской церкви вновь каменной во имя Успения Божьей Матери с приделом святителя Николая Чудотворца церкви (...) для того, что по причине всегдашнего означенных жителей в заводских работах нахождения в праздничные дни в приходскую церковь отстоящую от Верхне-Синячихинского завода в 7 (семи) верстах к службам Божьим поспевать они не могут». (Оригинал до-

тирных дров (сажень была равна 2,134 метра, имеется в виду количество дров, равное сажени. — Прим. автора), диакону — 10 сажень, дьячку и пономарю по 7 сажень в год. А за исправление мирских христианских треб получается на штат добровольного пожертвования от прихожан до 50 рублей серебром в год. (Прим.: В 1909 году священник получал от заводууправления 196 рублей, а псаломщик 50 рублей 94 копейки).

9. Зданий, принадлежащих к сей церкви, богаделен, домов и лавок не имеется.

10. Расстоянием сия церковь от консистории (присутственное место архиерея. — Прим. ред.) в 516, от духовного правления (учреждения, занимавшиеся местным и церковным управлением. — Прим. ред.) в 150 и от местного Благочинного (священник, управляющий округом. — Прим. ред.) в 16 верстах.

11. Ближайшая к сей церкви Нижне-Синячихинского завода Преображенская в 7 верстах.

12. Приписной к сей церкви нет.

13. Домовой в сем приходе не имеется.

14. Опись церковному имуществу сделана в 1803 году, скреплена присутствующим Иереем Матфеем Удинцевым и утверждена печатью Верхотурского Духовного правления.

15. Приходорасходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатью Верхотурского Духовного Правления даны с 1809 года, ведутся исправно и хранятся в целости.

16. Копии с метрических книг с 1800 года хранятся в целости.

17. Исповедные росписи с 1800 года хранятся в целости (в церкви велись метрические книги с записями рождений, бракосочетаний и смертей, исповедные росписи, с именами прихожан, побывавших на исповеди, книги брачных обысков. — Прим. автора).

18. В обыскной книге, выданной за шнурком и печатью Верхотурского духовного правления в 1825 году и скрепкою присутствующего Иерея Иоанна Бабайлова; писанных 46 листов, написанных не осталось.

В 1885 году была образована Екатеринбургская епархия, в ведение которой и перешла Успенская церковь. «Въ составъ прихода входятъ деревни: Чечулина — смежная съ заводомъ; Тимошина въ 2 вер.; Ясачная въ 15 вер. И С (е)верная въ 33 верстахъ», — сказано в кни-

ге «Приходные церкви Екатеринбургской епархии». (Верста равна 500 сажням или 1,0668 км. — Прим. автора). В 1836 году приход насчитывал 584 мужчины и 628 женщин, в 1909 году — 1288 мужчин и 1348 женщин.

С увеличением численности прихожан храм стал тесен. В 1896 году Богоявленский придел упразднили, а в 1898-м храм отремонтировали и расширили (отапливаемый печами бывший Богоявленский придел объединили с неотапливаемой Успенской церковью в общее помещение). Вероятно, денег не хватило. Полуколонны по углам здания снаружи были сделаны не из кирпича, а из дерева и заштукатурены. В «Словаре дачи Алапаевских заводов», составленном в 1897–1899 годах, в описании Верхнесинячихинского завода значится «Каменная церковь простой архитектуры».

Дни престольных праздников 22 (9 по старому стилю) мая и 19 (6) декабря (дни памяти Николая Чудотворца), 28 (15) августа (Успенье Пресвятой Богородицы) широко отмечались в посёлке. После праздничной службы на площади возле церкви открывалась ярмарка, на которую приезжали крестьяне окрестных деревень.

Службы в церкви сопровождалась пением любительского хора, которым руководил с 1908 года псаломщик Вячеслав Иванович Дягилев. В фондах музея хранится фотография хора, сделанная в 1909 году. На фотографии запечатлён регент хора Дягилев и священник Иван Лукич Попов, служивший в Успенской церкви с 1903 года.

На обелиске, установленном на площади посёлка в 1967 году, в списке красногвардейцев, погибших во время Гражданской войны, значится Дягилев Вячеслав Иванович.

В 1904 году в посёлке организовался социал-демократический кружок. Политическую литературу, полученную по почте, хранили в церковной ризнице. Член кружка слесарь Иван Иванович Маньков, занимавшийся ремонтом и чисткой медной церковной утвари, сделал в своём шкафу для инструментов двойное дно. Церковнослужители об этом даже не догадывались. Сам же Иван Иванович был неграмотным.

Февральская революция 1917 года взбудоражила посёлок. По воспоминаниям В.Д. Перовского, весной 1917 года в посёлке создаётся ячейка партии

▲ Доска памяти героям Гражданской войны с именем В.И. Дягилева. Фото автора

социалистов-революционеров (эсеров), возглавил которую «поп А.В. Александровский и переименовал её в «Союз крестьянский за землю и волю».

Октябрьская революция 1917 года привела к кардинальным переменам. 21 января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет объявлял всё имущество церкви народным достоянием. Здания и предметы, необходимые для богослужения, передавались в бесплатное пользование религиозным общинам.

Начавшаяся Гражданская война отсрочила выполнение новых законов. С 26 сентября 1918 года до 20 июля 1919-го Верхнесинячихинский завод занимали части Белой армии. Перед отступлением Красной армии, 7 (20) августа 1918 года, состоялся пленум исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов, который принял решение спрятать все документы. Секретарь Верхнесинячихинской организации РСДРП (б) Черепанов Иван Емельянович и командир красногвардейского отряда Кайгородов Пётр Яковлевич спрятали партийные документы и архив церкви в штольне Чехомовского рудника (ныне рудничные ямы).

Черепанов вскоре погиб в бою под Верх-Нейвинском. Кайгородова военная судьба забросила на Дальний Восток, в родной посёлок он вернулся только в 1926 году. Когда документы раскопали, оказалось, что они подмокли и сгнили. Таким образом, погибли вместе партийные билеты синячихинских коммунистов и документы церкви. Хорошо, что метрические записи велись в двух экземплярах.

◀ Макет церкви с макета-панорамы Верхнесинячихинского завода

В 1920-е годы Советская власть, осознав невозможность быстрого уничтожения церкви, взяла курс на её подчинение и разрушение изнутри. В 1922 году создаётся так называемая обновленческая церковь. 23 февраля был принят декрет «Об изъятии церковных ценностей». Екатеринбургский архиепископ Григорий, противившийся изъятию ценностей, был арестован. Большинство церквей епархии перешли на позиции обновленчества.

Обновленческой ориентации придерживается и духовенство Успенской церкви. В посёлке организуется обновленческая община, которой передаётся храм. В конце 1920-х годов политика советского государства в отношении церкви изменилась. Началась антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся массовым закрытием церквей и притеснением духовенства. В списках лишённых избирательных прав по посёлку Верхняя Синячиха на 11 декабря 1928 года и 19 января 1930 года значатся священник Кукшин Виктор Александрович (1882 г.р.), его жена Кукшина Ольга Сергеевна (1890 г.р.) и мать Кукшина Александра Андреевна (1865 г.р.). В списке на 11 декабря 1928 года значатся также священник Попов Иван Лукич (1843 г.р.) и псаломщик Новошин (?) Николай Евстафьевич (1883 г.р.), учительница Новошина (?) Анна Петровна (1882 г.р.), его жена.

В воспоминаниях жителей посёлка упоминается «отец Иван» как последний священник.

В 1930–1935 годах в доме священника размещалась фабрично-заводская семилетка (вообще она занимала несколько зданий), затем почта. В конце 1960-х годов дом сломали, место заровняли как территорию перед новым зданием почты.

Партийная организация ВСМЗ приняла решение закрыть церковь и направила своё решение в поселковый Совет. 4 февраля 1932 года расширенный пленум Верхнесинячихинского поселкового Совета постановил: «Решение парторганизации о закрытии церкви закрепить. Просить РИК закрыть церковь в 24 часа после получения материалов от поселкового Совета».

С предложением о закрытии церкви и открытии в ней клуба выступили рабочие доменного цеха ВСМЗ. В посёлке провели кампанию по сбору подписей о закрытии церкви, на всех предприятиях проводились собрания по этому поводу. И если рабочие завода, рудника и АУЖД почти единогласно подписались за закрытие церкви, то среди остального населения посёлка только 21,7% поддержали идею.

Президиум Верхнесинячихинского поселкового Совета 29 ноября 1932 года постановил: «Требование рабочих доменного цеха поддержать. Церковь закрыть и превратить в культурный цех».

В списке лишённых избирательных прав от 18 декабря 1932 года значится священник Чечулин Виктор Алексеевич, 48 лет. Имеется пометка «выбыл».

Церковь закрыли, но клуб в здании размещать не стали. В 1919 году в доме управляющего уже был открыт молодёжный клуб, который и стал клубом металлургов. Здание церкви перешло в ведение поселкового Совета и использовалось в качестве складского помещения. По инвентаризации от 1 января 1937 года, в документах значатся церковь и «кумполо» (судя по размерам, это купол Успенской церкви и колокольня: 13,90x14,17 м и 4,50x4,50 м). Ограждения вокруг церкви уже отсутствуют.

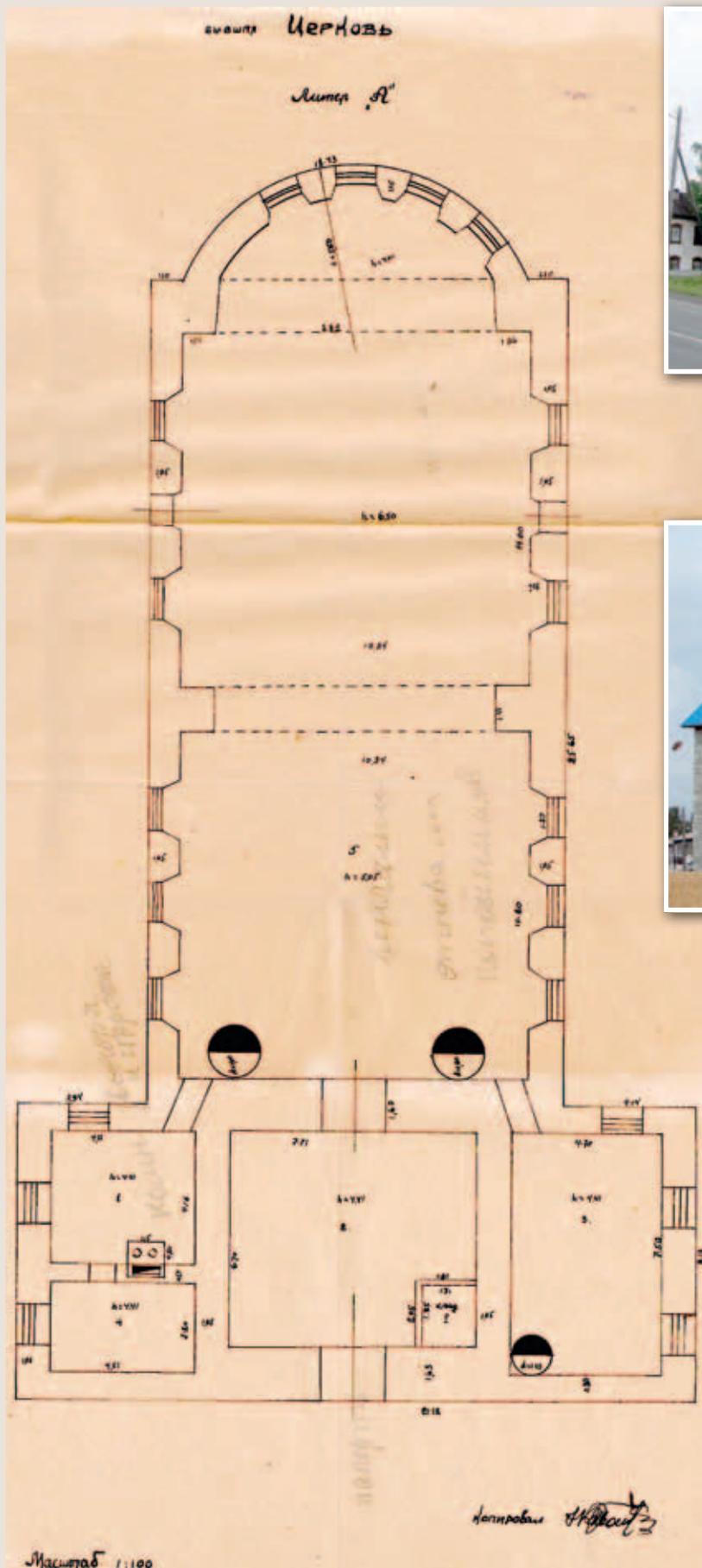
Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 ноября 1944 года был образован Синячихинский район с центром в посёлке Верхняя Синячиха. Зданий, пригодных для размещения районных учреждений, в посёлке не было. В западной части церкви вместо колокольни надстроили второй этаж, где некоторое время находилась детская библиотека и народный суд. Подниматься туда приходилось по узкой железной лестнице. Основной четверик здания занял хлебозавод. В здании проводились постройки для нужд хлебозавода, в частности переделали алтарную часть. Высокая температура и влажность привели к разрушению кирпичной кладки. В апреле 1982 года свод храма обвалился. Хлебозавод закрыли. Некоторое время в здании располагалась автомастерская (1990-е гг. XX в.). Рабочие ЖКО разобрали алтарную часть храма, а камень использовали на бытовые нужды.

В 1995 году храм был возвращён верующим. В 2001-м началась её реконструкция. Постановлением главы администрации посёлка был разрешён снос деревьев, растущих рядом с руинами.

Немногим позже обрядили старый храм в леса. В 2002 году принялись за расчистку территории, установили поклонный крест рядом с церковью. В то же время проводили богослужения во временном молитвенном доме на приходской (ул. Ленина, 116).

К сожалению, не все добрые дела у нас доводятся до конца. Забросили работу по восстановлению на начальной стадии. Решили, что проще возвести новую. Снова покинули люди церковь.

9 октября 2011 года Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий совершил чин закладки пер-

▲ План церкви по инвентаризации 1937 г.

▲ Молитвенный дом Успения Пресвятой Богородицы. 2005 г. Фото Натальи Женишек

▲ Новый храм Успения Пресвятой Богородицы. 2012 г. Фото Владимира Кутенёва

вого камня и памятной плиты в основание будущей церкви в честь Успения Божией Матери в новой части поселка. Над памятной плитой установлен деревянный Поклонный крест.

В 2016 году новая Успенская церковь совершает службы. Каждое утро жители поселка и окрестностей слышат ее колокола. Старый же храм опять брошен на произвол судьбы и дождей...

Зайдите под древние своды, зайдите... Слышите? Нет, не гул, не эхо, не ветер в узловатых ветвях деревьев... То голоса намоленной земли, отголоски благодарений и прошений, долгими годами звучавших в стенах... Это — память о наших прадедах. Пройдет еще пара десятилетий, и наши дети и внуки не смогут увидеть даже развалин прошлого... Так история умирает на глазах. Неужто не сохраним ее для потомков? Все ли у нас по-божески?

Марина Рыжанкова

Окончила Тюменскую государственную академию культуры, искусств и социальных технологий. Библиотекарь-библиограф. Заведует библиотекой поселка Коммунистический (Советский район). Рассказы и миниатюры печатались в интернет-газете «Югра-информ», газете «Блики», на сайте www.proza.ru. Одна из победителей районного литературного конкурса «Русь православная» в 2015 году. Председатель Совета депутатов городского поселения Коммунистический.

◀ Дядя Н.Я. Багаевый — Иван Данилович Пентин с женой Евдокией

Мой генерал

Устала я жить, доча, чужую жизнь проживаю. Все болит, молю бога о своей смерти. Смерть Коли (первого сына) до сих пор не пережила. Вот, наверное, и живу за него. Однажды как-то стояла в очереди за хлебом и упомянула про сына. И тут одна женщина сказала: «Ну, ничего страшного, у тебя еще вон сколько детей». Не-ет, какой палец ни укуси — больно.

Смотрю на людей: на машинах катаются, с женами, детьми. Работают, довольные ходят. А мои дети все тяжело живут. Не повезло в семейной жизни, ни денег нет, ни счастья. Наверное, плохо воспитала вас. Старалась приучить к труду, не позволяла лениться. Мои дети слишком правдивы, не приучены к легкой жизни и наживе. Своим примером учила.

Приснился мне сон, что я у бога смерти прощу. А мне голос говорит со стороны: «Ты еще не всех детей на ноги поставила». — «Да вы что, — отвечаю, — они у меня почти все на пенсии». А голос опять: «Так посмотри!»

Песни-молитвы

Моей маме, Натальи Яковлевне Багаевой, 85 лет. Она ровесник округа. 50 лет живет в ХМАО. Родилась в де-

ревне Крутые Полянки Уржумского района Кировской области в семье крестьян Якова и Устины Курочкиных. 31 год проработала на благо Самзасского леспромхоза. В эти непростые годы была истопником, прачкой, сучкорубом, рабочей шпалоцефа, сторожем. В лесозаготовительных бригадах неоднократно становилась ударником коммунистического труда, победителем социалистических соревнований. В 1972 году Наталья Яковлевна присвоили звание «Почетный ветеран труда» Самзасского леспромхоза объединения «Тюменьлеспром». Многолетняя мать, воспитавшая шестерых детей, награждена медалями материнства.

С 1965 года мама живет в поселке Коммунистическом. Нет ничего постоянного временного. Приехав в Югру на год-два, осталась навсегда. Возможно

ХМАО

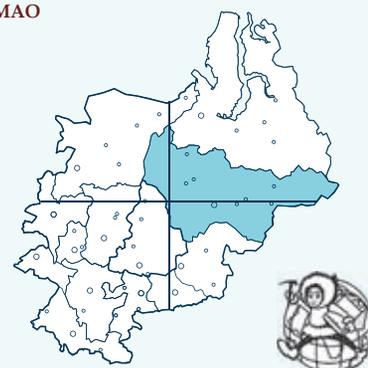

Фото из семейного архива

▲ Наталья Яковлевна Багаева

▲ Наталья и Борис Багаевы молодые

там, в Кировской области, она была бы счастливее. До сих пор вспоминает кировские поляны с земляникой, кирпичный отцовский дом и видит во сне любимую мамку. Много потерь пришлось ей пережить. Но через трудности помог пройти сильный характер. Раньше мама часто плакала. От обид, безденежья, потерь и воспоминаний. Когда начинала петь, мы знали, что сейчас начнутся неистовые рыдания с причитаниями, молитвами. Было жутко. Хотелось спрятаться, не слышать. Не понимали мы, почему мама так горько плачет. Даже папке становилось нехорошо, и, прокашлявшись от комка в горле, он говорил: «Опять началось! Да ладно тебе, мать, прекращай! Детей пугаешь!». А мама как будто не слышала и продолжала петь и плакать. Так могло продолжаться и час, и два. И если вы считаете, что это удел слабых, то глубоко ошибаетесь. Нужно было бороться и выстоять, а на людях не показывать, как тошно и плохо. Сейчас мы понимаем, как маме было тяжело. Слезы и пение помогали ей, лечили от груза и тягот повседневной жизни.

Человека нельзя отрывать от Родины. Мама окружила себя многочисленным семейством, но оставалась одинокой. Так получилось, что с отъездом на Север связь с родней у нее прервалась. В то время причин и обстоятельств находилось много. И о многом мама сожалеет сейчас.

Раньше мама слыла рассказчицей. Ее былицы, случаи из деревенской жизни с прибаутками и поговорками мы могли слушать без усталости. Каждый эпизод рассказывала колоритно, с добавочной интонацией, мимикой и жестами.

За свою жизнь связала не одну тысячу носков и варежек. Умела прясть, вышивать, запрячь лошадь, молотить хлеб, вязать снопы, косить, колоть дрова, стряпать. Да все умела. И ко всему подходила с юмором и жизненным оптимизмом. Сейчас еле передвигается и память уже не та — забывает. Иногда нашего «генерала» (так маму зовет моя старшая сестра Люба) «прорывает» на воспоминания. Я слушаю ее рассказы в тысячный раз...

Любовная лирика

«...Вера. Надежда. Любовь. Я хотела назвать вас так. Шли три девки подряд. Первую назвала Любовью. Ох, грешница я большая. Молю бога только о том, чтоб

▲ Багаева Н.Я. в молодости

простил меня за грехи тяжкие. Со второй аборт я сделала. Большой срок был. Девочка. Могла быть Верой или Надеждой. Выхода не было на тот момент. Муж катался по России, искал лучшей жизни. Не было в нем Веры. Но все равно муж у меня хороший был, светлая ему память. Да, нельзя вам это говорить. Не понимаете жизнь, не видите ее. Не тех людей выбираете, не тем верите. До моего Бориса вашим мужьям далеко! Не умеете вы сейчас любить, девчонки, не понимаете, что такое любовь!

▼ Борис Багаев с друзьями

Вот вы, мои дочери, знайте: недовольна я вашими мужьями. Лучшего хотела для вас. Сама очень грешна, вышла замуж, не дождавшись жениха из армии несколько дней.

Деревенские звали меня Талькой. В молодости заводная была: плясунья, певица и шутница. Думала, что любовь одна и на всю жизнь, и только с Сашкой Курочкиным. Однофамилец мой. Прозвище Салменок. Любовь была чистой, дружба долгой, да судьба вмешалась. В 1951 году уехать пришлось из деревни. В колхозе стало очень трудно жить. Зимой по повестке в лесу работаешь, а летом — в поле за пустые трудодни. Никакого продыха крестьянам не было. Посовещавшись с мамкой, я решила уехать на заработки в лесоучасток Буйский Уржумского района. Заключила договор, но из колхоза не отпускали, документы даже не отдавали. Решили с подружкой уехать тайно. Председатель, Николай Леонтьевич, прознал, так по дороге за нами бежал, сумки отбирал, грозил мамке расправой. Саша к тому времени служил в армии. Салмике, Сашиной маме, не нравился выбор сына. Старалась при случае очернить. Нет, не хочу вспоминать об этом. Бог ей судья!»

В том же году отправили молодежь с Буйского лесоучастка в командировку в Усть-Кильмез — сплавливать лес на плотах. Там и познакомилась мама с высоким, красивым Борисом Багаевым. Среди «своих» за силу и могучесть мужики прозвали его Александром Невским. Поддалась обаянию, неожиданному всплеску любви. Растерялась, как маленькая пичужка (ростиком-то небольшая), перед напористым, молодым и сильным мужчиной.

«... Все случилось как во сне. Плакала, когда поехала домой. Что скажу мамке? Борис сказал, что придет в деревню, возьмет

замуж. Сказал: «Заяц трепаться не любит!» Поговорка была у него такая. Ждала. А мамка еще и подначивает: «Не придет он! Кому ты сейчас такая нужна!»

А Борис-то забрал ее! Увез в родную деревню Липовцево Лебяжского района. 29 октября 1952 года распирались они в Комарихинском сельсовете. Не на что свадьбу было справлять. Но радости Наташиной не было предела. Она — жена этого красавца! Знала, что идет в дом свекра, председателя колхоза, да не ожидала того, что увидела: дом старьей, хозяйство развалившееся.

«...По дому куча мужиков ходит. Братьев Багаевых было шестеро. Один женатый, жил под одной крышей с родителями, да еще и друзья. Наварят чугунок пельменей или каши, поставят на середину длинного стола, пока тянешься с ложкой, а там уже ничего и нет!». Стеснялась молодая жена, да однажды не вытерпела и шепнула мужу, что не наедается. Свекровь стала кормить ее отдельно, на кухне. «...Да от этого еще стыжнее было! Вроде как особенная! Потом-то пообвыкалась, поняла, что «в большой семье клоном не целкают». В девках-то, при мамке, сытно жилось. Мамка припасливая была».

Спали молодые на единственной деревянной кровати. «...Стоило только повернуться набок, раздавался ужасный скрип, и сверху, с полатей, летели валенки (дескать, спать мешаем). Свекровь моя, Варвара Ерофеевна, дай ей землю пухом, хорошая женщина. Тихая, понимающая и терпеливая. Свекор, Сергей Ефимович, не подарок был. Вроде бы председатель колхоза, а в доме шаром покати. Жили бедно, хуже любого крестьянина. Когда мы с Борисом поженились, у него одни портки были да подшитые проволокой валенки.

Любу родила в 1953 году. Иду как-то в соседнюю деревню и встретила прежнюю любовь — Сашку. Всколыхнулось в гру-

ди что-то. Но виду стараюсь не показывать, замужем все-таки. Ждала, что позовет с собой! И ушла бы на край света с ним. А он предложил оставить ребенка мужу и к нему перейти. Ну уж нет, раз тебе мое дитя не нужно, то и я тоже! Как-то поругалась с Борисом и назло ему сделала татуировку на руке «САША». Остаток жизни Борис при ссорах корил меня Сашкой.

Как бы мы с Борисом жизнь ни жили, но прожили сорок годков. Было все: драки, скандалы, обиды. Большинство мне попадало от мужа за проказы детей. Он брал ремень или кипятильник с резиновым шнуром и пытался «отхвостать» ребенка. Я прикрывала своим телом проказника очередного, и муж от этого еще больше злел. Что проучить не давала. Спина моя в «хвостниках» была не раз. Детей шестеро, кто-нибудь да натворит чего. Бывало, младший зажжет сарайку, стоит, смотрит, как красиво горит. А то заберется в сундук, вытащит материал новый или майки, рубахи (ситец, сатин были рулонными куплены, лежали на «черный день») и изрежет, сошьет кукол. Мечта у сына была выучиться на актера кукольного театра. С детства шил кукол с открывающимися глазами и ртами. Часто показывал кукольный театр дома. На актера поступил, но драматического театра. Не было набора на кукольный.

...Заболел Борис неожиданно. Он скрытный был насчет здоровья. Ляжет, бывало, навзничь на диван и долго лежит. А я ору, что он ничего не делает, надо поросят покормить, дрова сложить, за ягодами идти. Надо, надо, надо... А однажды пришел с работы утром (сторожем работал) и проговорился, что сейчас чуть сознание не потерял. Возле столба стоял, держался, чтоб не упасть. Кто-то из проходивших спросил: «Вам плохо, дядя Боря? Вам помочь?». Он сказал: «Нет». Пошел в местную больницу, отправили в район. А уж там, как я считаю, поэксперимен-

▼ Братья Багаевы

тировали. Зачем человека оперировать, если диагноз — последняя стадия рака? Нам на вопрос о том, как прошла операция, врачи сказали, что открыли и зашили, потому что ВСЕ. Я вызвала детей и внуков, чтоб приехали повидаться с отцом и дедом. Никто не знал, сколько он проживет, но надежда была. Борису было приятно такое внимание. «Мать честная (его поговорка по жизни была), да зачем вас мать вызвала?». Три месяца Борис мучился. Старалась, как могла, его вытянуть, молилась, чтобы Бог не отнимал у меня мужа, поила травками, заставляла кушать.

Когда Борис умер, я потерялась в этой жизни. Пыталась заглушить боль разными способами. И спиртным в том числе. Непростыми путями, можно сказать, шла к душевному успокоению. Было сложно и морально, и материально. Опять выживание. Дрова заготавливать, воду таскать, печи топить, за поросятами ухаживать. Дом большой, двухквартирный. Его нашей семье выделили в 1969 году. За эти годы обветшал, топи, не топи — холодно. Много лет живу без мужа и каждый день вспоминаю его. Раньше, бывало, в сердцах все орала ему при ссоре, что дай бог тебе пережить меня, чтоб понял, как это трудно. Сама пережила его. Уже на двадцать два года.

Что теперь прошлое мусолить? Было и было. За мои прожитые годы столько произошло, что не стоить знать многим. И какой интерес?»

Из детства

«Было мне четыре года, но помню, как отца повезли на телеге в больницу. Вдруг завyla и заплакала его любимая собака Цыганка. Мы с мамкой шли за телегой по деревне. Поцеловал нас на прощанье и сказал: «Я уже не вернусь». Умер он в больнице 9 декабря.

Закончила всего три класса, потом мать скомандовала: «Хватит, иди работать!». Каждый работник на счету. Работала в колхозе, собирала колосья в поле, снопы вязала, кирпичи и землю таскала.

А во время войны в колхозах работали на износ. Тогда многие погибли от непосильного труда и от недоедания. Все лучшее для фронта! А в тылу люди пухли с голода. С благодарностью вспоминаю председателя тогдашнего Петра Павловича Курочкина (однофамилец). Он знал, что колхозники голодают, поэтому ночью делил зерно, горох между жителями. Но кто-то проговорился, и в скором времени его увезли. Говорили, что посадили. Не видели мы его больше».

«Мамка, чтобы спасти нас с Нюрой от голода, дома втайне пекла белый хлеб, а на народе мы кушали хлеб из травы. В 1944 году сестру Нюрку угнали на военный завод в Сосновку. Я так поняла, что этот завод был эвакуированный. Работала она молотобойцем вручную. Там их корми-

▲ Устинья Курочкина, мама Натальи Яковлевны

► Борис Сергеевич Багаев

ли очень плохо. Однажды прибежала соседка, кричит: «Там, на дороге, Нюрка ваша еле-еле идет, похудевшая, страсть!». Выбежали мы с мамкой, привели сестру домой. Сказала, что отправилась грибами. Плохо ей было, очень плохо. Долго болела, а вскоре умерла. Всего ей было 20 лет. Я подростком была и помню, как Нюрка лежала на печи. Мамка самые вкусные кусочки Нюрке туда клала, а я съедала, бессовестная. Еще и грозилась сестре, чтобы она меня не выдала. Стыдно-то как...».

«Мамка так и прожила вдовой, замуж больше не вышла. Конечно, пробовала сойтись с одним мужиком, да я начала ревновать, и выла, и наговаривала, и скандалила. Мать потом все время мне говорила, что она из-за меня осталась одна. Через много лет, будучи замужем, я ухаживала за ней, потерявшей память и рассудок. Несешь на себе в баню, она еще и понуждает, будто лошадь. Или как закричит: Убивают, помогите!».

Сколько помню, мама во сне кричала: «Мамка!», и часто видела ее во сне. Чувствовала за собой какую-то вину. Какую? Пусть мы об этом не узнаем никогда.

Дорога на Север, или Самзасская рапсодия

«В 1965 году по деревне Осиновке, где мы тогда жили, слухи пошли, что лесхозы закроют. Местные мужики кинулись работу искать. Кто-то прочитал в газете «Лесная промышленность» заметку о соз-

дании новых лесучастков на Севере. Борис поехал узнать обстановку. Почему-то его выбор пал на Самзу. Сразу с вагона выходишь — и в грязь. Кругом сухие деревья, елки. Вместо дорог — непролазное грязное болото. Да как тут жить? Плакала, ругалась на Бориса, дескать, куда привез.

Тяжело было, но постепенно обустроились. «Кировских» много тогда приехало. Все люди помогли друг другу, и жизнь грустной не казалась. Встречались с друзьями, дружили семьями. Люди были открытые, без злости. Квартиры даже не запирали на замок. В нашем поселке работали практикантки из медицинских училищ, которые ничего не умели, боялись

прикоснуться к нам. Тебя знаешь, как рожала? Больница в Зеленоборске. Схватки дома начались, а родить не могу. Мучаюсь, кричу, а практикантки сидят, едят чернику, боятся подойти, не знают, что делать. Тут одна из них с ножницами ко мне полезла. Я как увидела, тут же с испугу родила. Старшая дочь Люба ездила учиться в Зеленоборскую школу. А здесь с первого по третий класс учились. Пока Славик был маленький, топила печь и прибиралась в старом клубе. Платили 20 рублей. Потом заведующий ОРСом Иван Дмитриевич Якимов, из наших «кировских», предложил стирать на ОРС. Согласилась. Что говорить, за любую работу бралась. В 1968 году открыли первый детский сад «Березка». И сразу стало легче. Утром кого в садик, кого к няньке, троих в школу.

В 1966 году устроилась в лес сучкорубом, заработки хорошие были. Сначала деланки были рядом, в четырех километрах, поэтому ходили пешком. Потом на работу нас доставляли на машинах, автобусах. Приезжали домой поздно вечером. А еще сеатовить и постирать надо. Уставала ужасно, откуда только силы бралась.

Хорошо жилось в «вокуевские» времена. Нифонт Трофимович Вокуев работал председателем райисполкома Советского района. Постоянно приезжал в поселок. Красавец мужчина. Строгий, требовательный, внимательный к людям и простой. Уважение и любовь людей к Вокуеву были безграничны.

В те времена мы трудились до тех пор, пока с ног не свалимся. Уезжали в 5–6 часов утра и возвращались в 12 ночи, а то и позже. Спать хотелось катастрофически. Ложиться в 2–3 часа, встаешь через несколько часов, идешь в автобус, в лес, на работу. Пока едешь, засыпаешь, как слон — стоя. Некогда было отдыхать, лечиться. Какие выходные? План! Не дай бог больничный взять и подвести бригаду. Температу-

ра — не температура, вперед, в лес, по пояс в снегу ползешь, от дерева к дереву, с топором, сучки рубишь. И надо успевать за валкой деревьев!

В 1971 году заболел туберкулезом муж. Целый год лежал в Тюменском диспансере. Сделали ему операцию, домой приехал, а работать в лесу уже трудно. Чтобы быстрее поправиться, необходимо хорошее питание. Развели поросят, а ухаживать приходилось старшим детям: Любе, Тане, Коле. Водились с тремя младшими и стирали. Летом только рассветает, ребята уже бегут в лес. На зиму мы заготавливали по двадцать ведер брусники. Кроме морса, напитков не признавали. Детей воспитывала в строгости. А как иначе, если с утра до вечера на работе? Приучала без дела не сидеть.

Коля вечно с кем-нибудь дрался. И за это его исключили из Заводоуковского училища, приехал с синяками, в черных очках. Все искал что-то по свету, в каких только городах не был. Уедет в один город, а оттуда телеграмма: «Мама вышли денег. У меня обстоятельство». Прилетает с другого города. Служил моряком на Тихоокеанском флоте. С армии присылал нам посылки с красной икрой и соленой горбушей. Мы не знали, куда икру девать, даже суп варили. Мореходное училище стало мечтой всей его жизни. И ведь поступил в мореходку, в город Потти Грузинской АССР. Проучился полгода, с кем-то подрался, и опять его исключили».

«В 1969 году переехали в двухквартирный отдельный дом по улице Чапаева. Сруб даже, а не дом. Все остальное сами доделывали. Рады были переехать из восьмиквартирника, где прожили четыре года. Огород разработали большой, живность завели. Садик «Березка» рядом (его построили в 1969 году). Зарплаты получали приличные, и продуктивное снабжение хорошее. Запас был всегда. Так нас время и жизнь нау-

чили. Продукты привозили прямо в бригаду: тушенка, сгущенка, пельмени коробками. Какое хочешь мясо, колбаса, да даже мороженое. Питались все хорошо, если не тунеядничали. Работаешь на одном месте, не тнешь, делаешь план — заслуживаешь уважения у начальства и земляков. А если меняешь место работы постоянно, значит, «летун». Таких на работу боялись брать. За текучку кадров попадало, видать. Одевались, конечно, все одинаково, так ведь и люди были от этого проще. Делить нечего. Ну, только если мужики баб делили. В 1967 году ревность кладбище «открыла», когда Володя Ч. зарубил мужика за свою жену Тамару. Тимофей, тракторист, приехал заработать, да так и сложил здесь свою буйную голову за любовь к чужой жене. Следующим был парень молодой, которого убил зам. директора леспромхоза. Не помню, за что. Случай, когда брат застрелил сестру оставленным отцом заряженным ружьем, потряс поселок. Что было дальше? Да ничего и никому».

«Время раньше было золотое, потому что люди были открытые, честные, незлобивые. Большие доверяли и верили. Помогали, чем могли. Дом закрыть на замок стеснялись, чтоб люди не осудили, ведь все равно никто не зайдет.

Обидно было, когда меня с леспромхоза решили сократить. Сначала вызвали как на суд. Стоишь перед начальниками, и говорят, что не нужна ты больше здесь, все, иди домой, сторожем не работаешь, сиди на пенсии. Пришла домой, перед глазами пелена, нарыдалась, обдумала и успокоилась. А на следующий день приходит ко мне домой Капитолина Суханцева с конторы ЛПХ и говорит: «Наталья Яковлевна, оформляйся, выходи на работу». Отказалась. Обида не дала вернуться».

Настало такое время, что сегодня происходит — забываешь, а что было пятьдесят лет назад — помнишь. И куда от этого деться?»

Чем тяжелее судьба, тем человек сильнее и интереснее. Моей маме, Багаевой Наталье Яковлевне, восемьдесят пять лет. И для нас она как монолит. Держит наши семьи, традиции, связь. Мамино мнение, ее взгляд важнее всего для нас, детей, внуков, правнуков. Ничего материального не нажила, да и не стремилась к этому. Просто работала, воспитывала детей, внуков. И главное, помогала людям.

«Привет, моя любимая бабуля! У меня все отлично. Вот уже двадцать три месяца моей службы в армии. Очень, очень по тебе соскучился. Хочу тебя поскорее обнять и поцеловать. Ты самая лучшая в мире бабушка. Скоро мы с тобой увидимся. Твой внук Андрей». **✍**

◀ Н.Я. Багаева со свекром

Александр Гамазин

Юрист, общественный деятель, почетный гражданин Эстонской Республики (2011 г.). Автор ряда научных и публицистических статей в журналах и газетах России и Эстонии. Живет в Нарве.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

Майор Крук

Это было рутинное для лагерного следователя «кругосветное путешествие», когда для допроса обвиняемого и свидетелей надо было добираться и катерами, и вездеходами, и узкоколейкой, очень часто — бензовозом, пару раз — санитарным вертолётником в кабине пилота (больной заключённый — в гондole за бортом), а однажды — верхом на лошади.

Так вот, на этот раз всё начиналось комфортно: в пятницу, 31 декабря 1971 года, рано утром, я сел в самый настоящий пассажирский поезд, состоящий, правда, из одного вагона с тепловозом, который отправлялся прямо из нашего поселка Сосьва. Через полчаса на ст. Новая Заря его прицепили, уже на главной магистрали,

к составу из Свердловска, и ещё часа через два мы подкатывали к станции «Серов-Сортировочная».

Говоря по правде, географически я всё больше отдалялся от конечного пункта своей командировки — посёлка, который тогда назывался Новая Ляля Верхотурского района, где находилась колония-поселение. (Вероятней всего, этого населенного пункта сейчас вообще нет, а одноименный 10-тысячный городок, конечно же, никакого отношения к зоне не имел). Строго по карте колония располагалась к западу от Сосьвы, я же ехал прямо на север. Причина была естественная — заказывать автомашину через руководство Управления специально для поездки на допросы было делом безнадежным. Такой спецтранспорт выделялся только на тяжкие происшествия — «недораскрытые» или групповые убийства, побег с нападением и т.п. А поскольку ИТК-2 «Ляля» была у нас особнячком, не входя ни в одно лаготделение, то всё транспортное сообщение у этого хозяйства было не с Сосьвой, а с Верхотурьем.

Поэтому мой план состоял в том, чтобы в Серове сесть на другой пассажирский поезд до Свердловска, но идущий

▼ Вокзал ст. «Сосьва-Новая» в 1970-х гг. У стен здания — приехавшие на свидание. С портфелями — командированные

◀ ИТК-23. Больничка

▶ Ст. следователь прокуратуры п/я 239 в своем кабинете. Июнь 1973 г.

щий в столицу Урала по западной магистральной, через Нижний Тагил. Вблизи этой ветки и находится Верхотурье. Ну, а почему я выбрал для поездки предновогодний день, так это исключительно из шкурного интереса — заехать в свой родной городок ещё севернее Серова, встретить там с родными Новый год, а затем, в ночь со 2-е на 3-е января, снова продолжить служебную поездку.

Около 2 часов ночи, когда я вышел из поезда на перрон станции под названием Привокзальный (пригород Верхотурья), мороз прижимал даже по нашим меркам — около 28–30 градусов. После тёплого, если не сказать, жаркого праздничного, вагона контраст был отрезвляющий. Долго искал в темноте станцию узкоколейной железной дороги, которая тянулась отсюда вглубь тайги, к лагерным лесоразработкам. Мне повезло: примерно через час на «Лялю» вышел составчик и я ещё успел часа на два прикорнуть у печки-буржуйки в монтерском вагоне. Правда, пока нагревался один бок (или спина), промерзал до окочевания другой. Приходилось переворачиваться сквозь дрему каждые 10–15 минут.

Никто в те времена не спрашивал у меня служебное удостоверение во всех этих прилагерных транспортных средствах или в гостиничках. Ясно, что когда подходит молодой парень с портфелем или с папкой в руках и говорит: «Мне надо доехать до зоны», то лучше не задавать ему никаких вопросов. Поэтому в ответ тебе в лучшем случае был кивок головой: садись, мол. А чаще всего полное молчание.

Выходное время ещё продолжалось, а я уже был у цели своей поездки, около 7 часов утра ввалившись, вконец окочевевший, в штаб колонии. Путешествуя по тайге уже ползимы, с портфельчиком, модным по тем временам предметом, ныне почти вышедшим из употребления, я расстался быстро: в перчатках его зимой в таких поездках долго не пронесишь — потеряешь отмороженные пальцы, а в рукавицах за ручку портфельную нехватишься. Поэтому у меня в руках, а чаще всего под мышкой, была простая, из кожзаменителя, папка.

С трудом открыв её — смёрзлась даже застёжка «молния», я протянул ДПНК список лагерников, которых мне нужно оставить в спецгородке для

допроса. Дежурный недовольно буркнул: от работы мужиков приходится отрывать, можно бы и до вечера дожидаться их с лесоповала. Нарастал конфликт: молодой дежурный помощник начальника, возможно, не видел здесь за свои несколько лет службы ни одного работника прокуратуры и воспринимал меня, хоть я и представился, как некоего штатского проверяющего.

В этот момент резко распахнулась входная дверь дежурки и с улицы, внося клубы морозного воздуха, вошёл высокий майор средних лет. Я понял, что это начальник колонии по фамилии Крук.

Коротко распорядившись оставить для допросов всех, кто нужен, Крук приказал открыть мне для работы кабинет начальника оперчасти, а сам ушёл на развод — утреннее построение и проверку осуждённых.

Фабула дела была несложная: поселенец Мухин ночью топором ударил по голове спящего солагерника Мартиросяна. Удар пришёлся вскользь. Мухин, этапированный в Сосьву, покушение на убийство признавал, и я приехал в «Лялю» только для выяснения мотивов. Манук Мартиросян уже был выписан из больнички, пара очевидцев слышали шум, крики и видели Мухина, выбегающего из барака с топором. Надо заметить, что за все годы моей работы в «Севураллаге» ни один очеви-

дец убийства никогда не давал показания о том, что непосредственно наблюдал удар — ножом, лопатой, топором и т.д. Да, видел взмах, да, видел в руках убийцы или хулигана нож, но на вопросы о том, куда и как ударил обвиняемый, свидетели отмалчивались. Может быть, потому, что, наверное, у половины из них тоже был собственный такой же удар в человеческое тело...

Часам к 11-ти утра я допросы закончил, а с Мартиросяном, вызванным первым, вообще успел оформить протокол до 8.00, когда его бригаду повезли автомашиной в лес. Сложил двойные листы постановлений и протоколов в твёрдую картонную папку с типографской надписью сверху «Прокуратура Свердловской области, следователь ..... района»: будет что подшить по возвращении в Сосьву. Папа Казанцев подшивал дела, прижимая готовый том деревянным прессом-станком, а я форсисил станочком из нержавеющей стали, сделанным по моему заказу на Карпинском машиностроительном заводе Гришей Кондратенко, мужем моей сестры. Станочек оказался вечным и прошёл со мной и Урал, и Ленинградскую область, осел в Нарве, где я подарил его приятелю ленинградской молодости, тогда милиционеру следователю Мишке Котельникову. До подшивания бумаги ничем не скреплялись — вместо канцелярских скрепок в те времена

▲ Группа офицеров Учреждения АБ-239. Первый слева во втором ряду подполковник П.А. Казанцев. 1980 г.

иногда применялись маленькие портовские иголки, а скобки со скреперами вообще, по-моему, появились чуть ли не в конце 1980-х годов.

Ну, а пока я лишь складывал в хронологическом порядке почти готовое дело и размышлял: как мне выбираться из «Ляли» обратно. О том, чтобы ожидать железнодорожного узкоколейного состава назад, до Привокзального, не могло быть и речи: он мог пойти и поздно вечером, или вообще через день. Да и что я буду делать на магистральной ж/д станции, где пассажирские поезда на Серов идут два или три раза в сутки? А добравшись до Серова, предположим, даже утром, я должен буду целый день провести там до поезда на Сосьву.

Тем временем глухо урчало в желудке. Последний раз я поел ещё маминых шанежек в Карпинске... В кабинет стремительно вошёл майор Крук. Я уже понял, что, несмотря на молчаливость, он очень быстро двигается и быстро принимает решения. Вот и сейчас, явно довольный, что я уже отпустил его работяг, он коротко взглянул на моё несвежее лицо и произнёс:

— Пойдёмте, пообедаем.

Конечно, я знал, что поселковые столовые в нашей системе работают с 12.00 и до 18.00. Поэтому ре-

шил, что начальник колонии проведёт меня в расположение конвойной роты. «Странно, он мог бы просто позвонить туда, зачем же самому идти?»

Но моё недоумение рассеялось, когда мы остановились у частного, обшито вагонкой жилья: майор решил накормить меня дома. Мы вошли в сени, где сразу пахло чем-то домашним; вдоль стен стояли кадучки, от которых тянуло соленьями. Пряный запах квашеной капусты и огурцов, казалось, проникал прямо в мой пустой желудок. А когда я вошёл вслед за хозяином в избу, то понял, что он заранее, не дожидаясь моего согласия на обед, позвонил жене; затёртый штамп «стол ломился от яств» в том случае был не сильным преувеличением.

И всё же мой рассказ, конечно же, не о гостеприимстве офицера из заперянного в таёжных лесах посёлка. Оторвав взгляд от накрытого стола, чтобы осмотреться, я так и остался стоять у порога комнаты: все стены, все промежутки между печью и простенками были увешаны картинами! Тут были и пейзажи, и исторические сюжеты, и зарисовки каких-то городов...

Поначалу я подумал, что майор собирает, покупает полотна. Но как же он их возит за собой, ведь лагерные офицеры недолго служат в одном месте?!

При такой кочевой жизни они не набирают мебели, вообще громоздких вещей, даже автомашин, а тут — предметы с особым к себе отношением.

(Кстати, личных автомобилей не было даже у руководства Управления. Единственную легковушку, древний «Запорожец», помню только у Юры Демиденко. Откуда он ему достался и зачем приобрел этого жука из жести, неизвестно: летней дороги в то время не было даже в ближайших райцентры Серов и Гари. Двигалась его машина лишь задним ходом, и когда мы набивались в нее вчетвером на заднее сиденье, то двое крайних высывались, приоткрыв двери, наружу. Вывернув головы назад, мы командовали водителю, вправо или влево надо равнять движение. Ездили исключительно в столовую деревообрабатывающего комбината, это километра два от центра поселка, раскинувшегося вдоль реки, до конца ул. Ленина. Туда по субботам завозили из Серова бочковое пиво. Ну, не могут же офицеры ходить пешком на такое мероприятие... «Запорожец» был легкий, и когда он улетал с нами в снежный кювет, — а за поездку туда это случалось раз или два, обратно — чаще, то мы, вчетвером или впятером, запросто ставили его обратно на проезжую часть. Демиденко, бывало, даже из-за руля не выплезал).

Чем больше я вглядывался в картины, тем явственнее чувствовал: нет, не закупает майор их, да и негде у нас

приобретать изображения батальных сцен или неведомых южных морей.

Сели за стол. Миловидная женщина лет 35, жена Крука, предлагала одно домашнее угощение за другим. Было видно, что ей негде работать здесь, а скорее всего — не хочется просиживать день или в бухгалтерии с жёнами прапорщиков, или в спецчасти, листая засаленные личные дела заключенных. Здесь, в этом нарисованном мире, который они вдвоём с мужем годами создавали своим дарованием, ей гораздо лучше.

Видя, что я едва не проношу ложку мимо рта, поворачиваясь от стола то вправо, то влево, майор чуть усмехнулся:

— Интересно? — И больше не добавил ничего. Только когда уже стало неприлично не спросить, откуда же это большое художественное собрание, я так прямо и произнёс:

— Ваши?

— Ну, что-то моё, а в основном — супруги. — Он взглянул на жену, и в этом взгляде как будто вспыхнул отсвет от бирюзового моря, раскинувшегося на огромном полотнище слева от стола, за которым мы сидели.

Крук взялся за бутылку с «Коньячным напитком», поставленную еще в начале обеда. Настоящий коньяк

в те времена стоил около 8–10 рублей, и даже для майоров эта цена была кусачей. Поэтому для особо важных гостей выставляли означенный «Напиток» стоимостью 6,50 руб.

Я отказался. Одним из немногих, но существенных правил местной жизни, которые мне внушал Пашка Казанцев («Если, конечно, хочешь здесь выжить!»), было не пить в поездках, а уж тем более — с руководством колоний и лаготделений: все эти майоры и подполковники процессуально подчинялись мне в качестве начальников органов дознания.

— Ну, и хорошо, — Крук поставил бутылку на место. Его жена непрерывно расспрашивала меня о том, где я бывал в последний раз в Свердловске («А в Музкомедии что идёт? А Зою Виноградову видели?»), какие фильмы показывают в сосвинском клубе...

Наконец, майор, видя, что я незаметно поглядываю на часы, произнёс:

— Через Романовку попробуете добраться? — Деревня Романова была от колонии сравнительно недалеко, километрах в сорока к востоку, в сторону Сосвы. Но это же — сплошная тайга.

— А туда зимник есть. Если лошадей, в сани, то часа за три вас доведут. — Крук посмотрел мне прямо в лицо, давая понять, что решение отправиться в столь рискованный путь — исключительно за мной.

Мы сидели за уютным столом. Если считать по меридиану, то в 65 километрах от Сосвы, и всего в километрах тридцати по прямой от западной железной дороги. Но к станциям, напомним, можно было попасть только по узкоколейке. И я понял, что если буду еще полдня, а то и до полуночи высиживать в ожидании попутного товарняка в окружении таинственных крепостей, голубых далей и застывших волн прибоя, то очарование этого удивительного уголка пропадёт, а впечатления — сотрутся.

Жена майора провожать меня не вышла, повиняясь его короткому, как жест, взгляду. А Крук лично проследил, чтобы в сене на санях розвальнях была тёплая попона («Обязательно укутайте ноги. Возница где-то и подбегит для согревания, а Вы даже не почувствуете, как пальцы отойдут»).

Мне, привыкшему к автомобильной или самолётной тряске, грохоту двигателя в вертолёте, из-за которого не слышно даже голоса попутчика, или к убаюкивающему приглушённом рокоту речного катера, первый час езды в сани показался блаженством. Сквозь

ели, обступившие зимник, пробивалось косматое январское солнце. Изредка фырчала лошадка, ровно скользили полозья по укатанному снегу... Из замызганных окон автомашины или дрезины, если и взглянешь порой на тайгу, то она ассоциировалась то с колочей проволокой промзоны, то с присыпанным листвою убитым заключённым, то с перевёрнутыми в катастрофе вагонами. Ну, то есть с местами происшествий, что так характерно для восприятия окружающего мира глазами районного следователя.

А тут — нетронутая лесная красота. Вот мостик через замёрзшую речку с ласковым именем Ляля, вот указатель на озеро Заречное, а вот ещё совершенно зимнее, какое-то детское название речушки — Санкино...

Лет через 25, когда открылись секретные архивы спецотдела нашего лагуправления, я возьму в руки лиловые тоненькие папки личных дел заключённых с пометкой «Хранить постоянно». Тех самых эстонских государственных и общественных деятелей, о которых что-то вспоминал уходящий на пенсию капитан Маренков: бывший канцлер права Антон Пальвадре, бывший посланник Эстонии в советской России Адо Бирк, главный врач эстонской республиканской больницы Альфред Мыгтус... Папочки эти всегда заканчивались листком в половину формата А4 — актом о погребении. Дата, как правило, 1942 год, январь или февраль; до весны уже не доживали. «Одет в нательное бельё... на грудь положена табличка с личным номером заключённого... Место погребения — пос. Санкино». Или — пос. Бакарюка... Это поселения соседнего района. Выяснилось, что именно в этих сказочно красивых лесах и начинался тогда «Севураллаг».

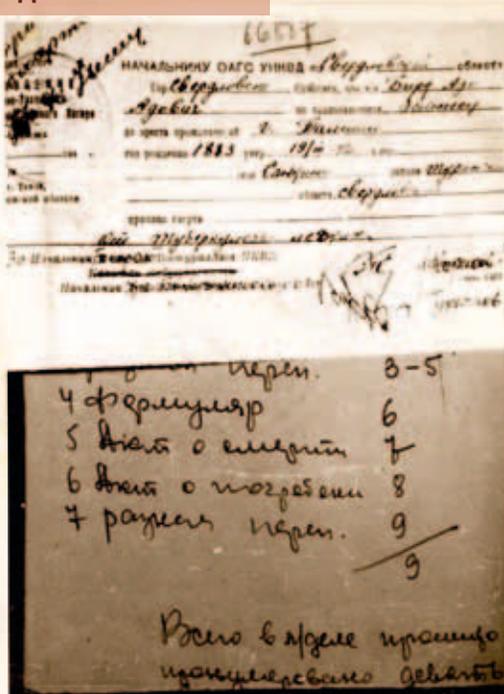
Но к 1970-м годам природа переработала и навечно поглотила в себя первые лагерные кладбища. Рассыпались или частично были перевезены в другое место первые бараки, ушла в глыбину, в топкие болота, стальная ёжистая проволока. Я ехал по зимней дороге, не подозревая о страданиях многих сотен невинных людей, нашедших смерть в недалеких местах от моего санного пути.

Уже сильно стемнело, когда мой возчик, рыжебородый поселенец, резко прибавил ходу. За поворотом показалась Романова. Там у поселенца работала и снимала полдома женщина, приехавшая к нему после расконвоирования. Была ли это жена? Не знаю. Он сказал коротко, но запнувшись, с волнением: «Баба моя...»

Деревня была вольной, то есть без зоны, а значит, без штаба с тепло нато-

◀ А. Ф. Гамазин. Осень 1973 г.

пленным кабинетом оперчасти. И только сейчас, приближаясь к Романовой, я стал до конца представлять авантюристичность своей затеи. Дело в том, что до деревни от грунтовой дороги, по рассказам, было всего километра три-четыре. И в мае или в сентябре можно смело шагать в сторону станции «Сосьва-Новая», зная, что через час или два, ну пусть — три часа меня что-нибудь да нагонит: не грузовичок, так трактор, а то и «газончик». Но сейчас, когда солнце зашло, мороз опять усилился, и было не менее -25° ... Даже без ветра быстро в такой холод не пойдёшь — дышать тяжело. А пойдёшь медленно — замёрзнуть начнёшь за считанные 15–20 минут. И идти в морозной темноте, когда впереди еще 35 километров неизвестности, это верная гибель.

Поселенец, что-то напевая, остановился на северной окраине деревни, вытянувшейся всего в две длинные улицы:

— Ну, мне надо обратно поворачивать, на Молодежную. А ты сейчас зайдёшь за угол, и там дорога на выезд, через речку, так и пойдёшь себе в сторону Сосьвы.

Я медленно заворачивал с центральной улицы. Ни одного человека, ни одной собаки. Только прямые столбы печного дыма над утонувшими в снегу избами. Там наверняка догуливали встречу Нового года... Сейчас легко подумать: а что, нельзя было к кому-то попроситься? Но разве в молодости могут быть такие мысли? Даже сейчас, спустя сорок лет, я точно знаю, что пошёл бы — сначала до грунтовки у деревни Монастырки, а если нашёл бы её в крошечной

тьме и в снегу, то и дальше — навстречу вероятной смерти от замерзания. Сколько раз позднее я сам выезжал по вызову на такие «окоченешки»...

И пишу эти строки лишь потому, что произошла невероятная случайность. За долгую жизнь, когда эти «случайности» накапливаются, начинаешь считать их неизбежностью. А тогда...

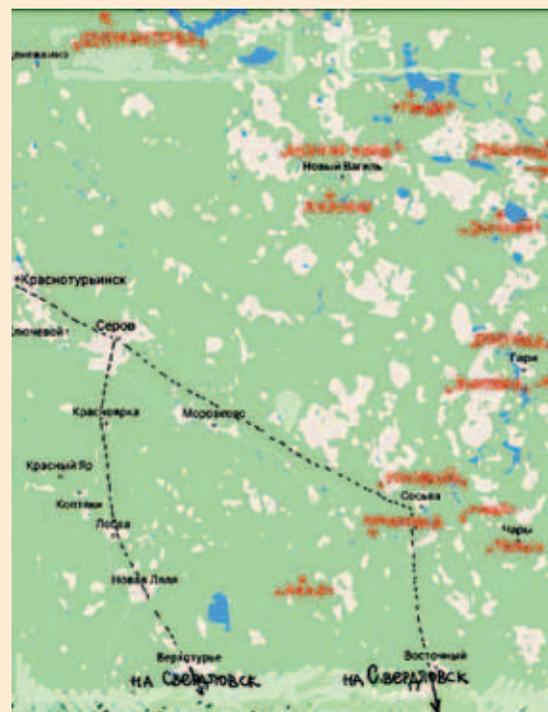
Тогда, уже погружаясь в тревожные мысли о наступающей опасности, я увидел, что впереди меня, вынырнув со смежной улицы, куда только что уехал поселенец, поворачивает в ту же сторону, куда мне было показано идти, тёмно-зелёный узик! Водитель, выворачивая влево, явно не мог меня видеть в сумраке деревенской улицы.

Какой уж я издал крик, бросившись вдогонку уходящему от меня спасению, до сих пор могу только представить. Сам этого не помню. Бежал я так, как у нас на севере бегают на коньках по льду, играя в хоккей с мячом, — прикрыв рот от обжигающего мороза ладонью в перчатке. Долго так не пробежишь. И тут я отчётливо — до сих пор отчётливо, как при замедленной рапидной киносъемке, вижу, что машина тормозит, а затем останавливается. Горбушка узик оказался медицинский, со «Скорой помощи». Заметил меня врач, сидевший справа от водителя. Он случайно глянул в зеркало заднего вида и каким-то чудом в темноте, сквозь

снежные завихрения, разглядел мой силуэт.

Узик шёл прямо в Сосьву, к центральной поселковой больнице, где за поликлиникой работала тогда моя жена, прошлогодняя выпускница Ленинградского мединститута, только что назначенная на эту должность.

Что меня спасло от смерти и в тот раз? Мысленные ли напутствия жены майора Крука, вдохновенная ли аура картинной галереи самого майора, которая и сейчас в резных рамах и в простых багетах стоит у меня перед глазами? А может быть, ждущая дома из очередной опасной поездки жена?.. **UC**

► Осколки «Севераллага» в начале 1970-х гг.

Когда был сделан снимок?

Передо мной старинная открытка с изображением широкой улицы города Михайловска с гужевым транспортом, везущим груз. На обратной стороне открытки рукой краеведа, пославшего ее, надпись: «Перевозка паровой машины на бумажную фабрику в 19... г.». Вопрос: «Когда был сделан снимок?».

Судя по расположению улицы, обоз двигался с Севера на Юг, то есть проезжал мимо Нижних Серег и Михайловского завода, на которых паровые машины не изготавливали.

В конце 19 и начале 20 века паровые машины изготавливала Екатеринбургская фабрика Ятеса (ныне «Уралтрансмаш») и поставляла их на Тюменскую судовой верфь для оснащения пароходов.

Михайловская писчебумажная фабрика М.Ф. Захарова начала действовать в 1906 году, а железная дорога че-

рез станцию Михайловский завод была проложена в Первую мировую войну (1914–1917 гг.). Поэтому-то паровую машину везли все 155 верст от Екатеринбурга до Михайловска бедные лошадки, в основном по ровной дороге, а вот перед Михайловском им пришлось туго, преодолевая Сабарский увал высотой 570 метров над уровнем моря.

Думаю, фото было сделано приблизительно в 1912 году, судя по столбам на снимке — электрическим освещением поселок был оснащен в 1909 году. **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Михаил Петров

Окончил Свердловский машиностроительный техникум. 40 лет работал на Уралмаше технологом по чугунному литью. Краевед, писатель, мемуарист. Живет в Екатеринбурге.

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Село Кын

При поддержке Уральской Ассоциации Туризма

▼ Село Кын. Фото Михаила Латышева

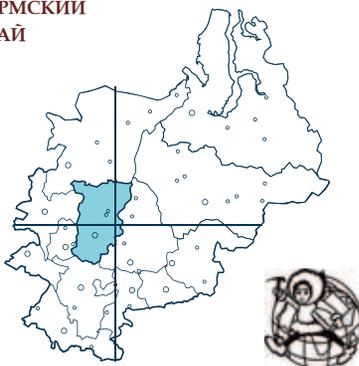
Река времени

Координатор проекта
Юний Горбунов

Фото Екатерины Шестаковой

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Ольга Долгих

Заведующая научно-технической библиотекой, хранитель музея истории ОАО «ДИНУР», член общества краеведов г. Первоуральск, автор многих статей по истории завода.

У каждого из нас есть на свете место, куда хочется возвращаться, где ты родился, где твои корни, твое родовое гнездо. Для моей семьи это небольшое уральское село с непривычным для русского слуха названием — Кын. Там жил мой прадед, дед, мама, родилась и я.

Село Кын (или как его называют местные жители Кын-завод) находится в 190 км к востоку от Перми на реке Чусовой. В переводе с коми-пермяцкого Кын означает «холодный, мерзлый». И действительно, село лежит в ущелье, по которому стекает холодный воздух, поэтому здесь нередки даже летом заморозки, а зимой бывает северное сияние.

Основателем Кыновского завода считается Николай Григорьевич Строганов (1700–1758), крестник Петра I, тайный советник, камергер, крупный промышленник. А строительством занимались его сыновья. Сюда были переселены из имений Строганова жители се-

лений Оханского и Соликамского уездов. Завод был чугуноплавильным и железодельным. В 1802 году при заводе действовали две пристани: Кыновская и Бабенская на реке Чусовой. На первой грузили чугун и железо, а на второй руду в «строимья при них коломенки».

Серьезную реконструкцию предприятия провел Г. А. Строганов. Он почти полностью снес старые деревянные строения и на их месте выстроил каменные корпуса железодельного завода. Доменное производство перенесли к Григорьевской плотине. В 1836–1837 годах была построена Нижняя пло-

▲ С.М. Прокудин-Горский. Кыновский завод графа С.А. Строганова. 1912 г.

тина и при ней новая деревянная пильная мельница для строительства барок. Возник единый заводской ансамбль, считавшийся одним из самых современных.

В ноябре 1864 г. на заводе графа С.Г. Строганова было организовано кооперативное общество потребителей — одно из первых в России. Цены в лавке общества были значительно ниже, чем у других купцов. Одним из организаторов потребительского общества был управляющий заводом Николай Рогов, бывший крепостной, а душой общества — его брат, Александр. После утверждения устава Кыновского общества потребителей в 1870 г. первый из братьев стал председателем правления. Потребительское общество расширило свою деятельность. Товары приобретались в Нижнем Новгороде, Перми, Кунгуре. В настоящее время магазин потребительского общества стоит на площади как па-

мятник архитектуры, он работал до 1994 г. В 2013 году между церковью и школой был заложен памятник Николаю Абрамовичу Рогову, основателю Российской потребительской кооперации, управляющему Кыновским заводом графа Строганова.

В 1864 г. иждивением С.Г. Строганова в Кыну был освящен новый каменный Свято-Троицкий храм. Он был сооружен из местного красного кирпича и сложен на известковом растворе. Эта церковь — эталон старомосковского стиля, такой второй на Урале нет. Имя архитектора неизвестно, а росписью иконостаса занимался известный уральский живописец Александр Мельников. Иконы писал управляющий Кыновским заводом П.И. Сюзев. Пол был выслан чугунными плитами размером 70x70, отлитыми на Кыновском заводе. Поражают размеры храма: он способен вместить до тысячи прихожан одно-

▼ Барка в Кыну

▶ Строгановская церковь

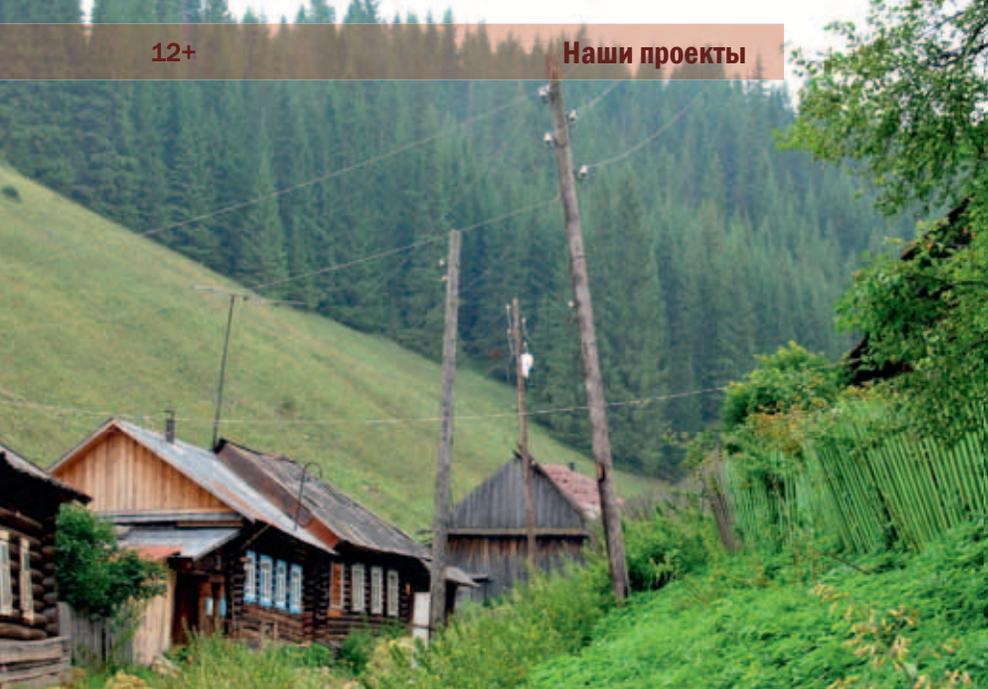

▲ Хозяйственная лавка. 1910 г.

▶ Кыновской «Народный Дом». Фото Михаила Латышева

временно. Строгановы не раз жертвовали храму драгоценную утварь и одежду. Службы в церкви продолжались до середины 30-х годов. В 1932-м с храма были сняты колокола, оставлен только один на случай пожара. В 1980 г. его передали в музей Соликамска, а в 2010-м он был возвращен на историческое место. В настоящее время здание реконструируется.

В 1840-е годы служащие завода написали графу Строганову в Петербург письмо с просьбой передать одно из заводских зданий под помещение любительского театра.

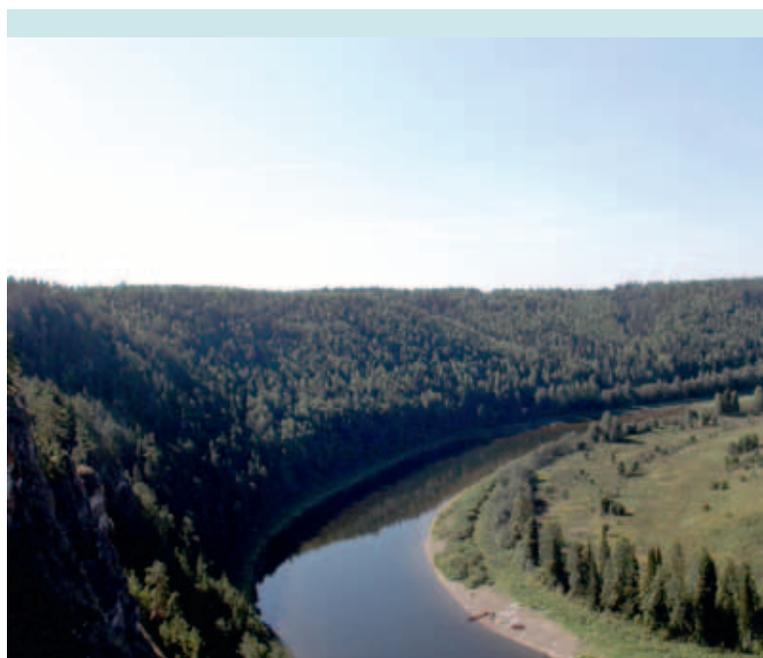
Граф просьбу удовлетворил, и после реконструкции заводской чертежной в Кыну появился свой театр. Актерами в театре были служащие завода и их жены. Ставились пьесы отечественных авторов. Несколько позже здание театра стало называться «Народный дом». Сегодня в этом здании находится дом культуры и музей, открытый в 1986 году по инициативе местных краеведов Соломиных. В начале 20 века в Народном доме, кроме театра, действовал камерный оркестр и светский хор. Традиция театральных постановок возродилась

в середине 50-х годов, когда театр и хор дома культуры села Кын стали известны далеко за пределами Пермской области.

В советское время в селе работал совхоз и лесхоз. Сейчас коренных жителей в селе около 600 человек. Новые дома строят приезжие

Павленковская библиотека

В 1907 году Пермское губернское земское собрание решило открыть в Кунгурском уезде при начальных училищах 28 народных библиотек на средства издателя и мецената Ф.Ф. Павленкова. В их числе была и кыновская читальня. Она пережила революцию, Гражданскую войну, пожар, перестройку и дожила до наших дней. С 1995 года ее хозяйка — Наталья Глебова Клячина. Библиотека активно сотрудничает со всеми культурными учреждениями села, является членом всероссийской общественной организации под флагом ЮНЕСКО «Содружество павленковских библиотек».

Деревня на мысу

Старые карты кыновской округи пестрят деревнями, хуторами, обителями спецпереселенцев: Де-

Серебрянка

Деревня Усть-Серебряная (Леснята) бежала по правым берегам Чусовой и речки Серебрянки, что помнит Ермака. В 1926-м она была одной из самых населенных в Кыновском сельсовете: в 22 ее хозяйствах обитало 110 жителей. А один из первых ее домов, ставленный без гвоздей, дожил до 1960-х.

Фото Михаила Латышева.

из Лысьвы, Перми, Москвы. К их чести, надо сказать, их строения не портят вида старого Кына. Многие дома и надворные постройки сделаны из дерева в старорусском стиле. В последнее время здесь широко развивается культура туризма, как пешего, так и водного. Для

туристов построены две гостиницы, но многие предпочитают жить на берегу Чусовой в палатках, так как вид здешних красот просто завораживает.

Родовое гнездо нашей семьи возводилось дедом Василием Тимофеевичем Кайгородовым. Он по-

гиб на фронте в марте 1942 года. Рядом — дом его брата Сергея. На другом снимке я стою с бабушкой Анастасией Петровной Кайгородовой. Больше тридцати лет она учительствовала в кыновской школе. Была пионервожатой, учила труду. **УС**

▼ Мыс напротив камня Ростун. Фото Михаила Латышева

менева, Журавлик, Новикова, Веселый Луг, Кирпичная, Зябловка, Долгий Луг, Зимняк и другие. В наши дни от большинства из них не осталось и следа. Одна из этих деревень — Фролова (Фролки) — с кон-

ца XVII века стояла на чусовском мысу, напротив камня Ростун. Позднее здесь обосновались переселенцы из Кайгородского уезда и деревню стали называть выселки Кайгородовы или Фролы.

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ ТУРИСТСКАЯ ВЫСТАВКА

ИНТУРМАРКЕТ 2017 11-13 марта

Москва, МВЦ «Крокус Экспо»

ВЫБЕРИТЕ СВОЙ ЛУЧШИЙ ОТДЫХ ОТ НАДЕЖНЫХ ТУРФИМ НА ВЫСТАВКЕ

- Официальная государственная поддержка
- 1 450 участников из более чем 140 стран и регионов мира
- 80 000 посетителей
- 150 мероприятий деловой программы

WWW.ITMEXPO.RU

УРАЛЬСКИЙ **снегонbim** ИСЭН 0124 - 2418
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонbim** ИСЭН 0124 - 2418
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Декабрь 2016

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ЗОЯ КАРПОВА
Град Метаморфный

50

62 **Координаты чудес**

МИХАИЛ ЗАГИРНЯК
Испытательный срок

62

72 **Координаты чудес**

ТАТЬЯНА ТИХОНОВА
Мастер Грегор и господин Тумс

72

Град Метаморфный

Зоя Карпова

Родилась 12 февраля 1956 года в Железноводске на Ставрополье. Детство и юность провела в Барнауле. С 12 лет начала писать сказки, стихи, эпиграммы. В 1979 году окончила физико-математический факультет Алтайского государственного университета по специальности «физика». Работала в нейтринной обсерватории, участвовала в эксперименте по детектированию солнечных космических лучей. После защиты диссертации присвоена учёная степень кандидата физико-математических наук. Переехала в Дубну Московской области, чтобы работать в области ядерной физики. Опубликованные рассказы: «Сонет восемьсот восемьдесят восемь», «Мир вашему дому!», «Артефакт», «Укрощённое пламя», «Вольный каменщик», «Ловили тигру». В 2014 году вышел авторский сборник рассказов «Контакт». Член Российского союза писателей.

Медленно угас мертвенно-лунный свет софитов, и наступивший мрак безжалостно проглотил сказочных фей виллис, круживших в макабрической пляске вокруг Жизели и Альберта. Упал тяжёлый пурпурный занавес, скрывая декорации мистических картин потустороннего мира. Отзвучали минорно-лирические ноты трагического аккорда, подчеркнувшего апофеоз печальной истории двух влюбленных. Дирижёр опустил руки и повернулся к публике. Зажёгся верхний свет, играя радужными бликами в мелких деталях хрустальных подвесок. Солисты выбежали на авансцену. Маленькая и хрупкая Жизель, — в многослойных полупрозрачных одеяниях, кажущаяся оттого ещё более хрупкой, — взяв за руку высокого и сильного Альберта, под шквал оваций присела в реверансе.

Поклонники, выстроившись гуськом, торопились вручить солистам балета цветы. Около артистов образовалась толпа обожателей. Вскоре место у рампы было завалено белыми хризантемами, тигровыми лилиями, розовыми гвоздиками и заставлено корзинами с гортензиями. Молодые люди, Женька Клёнов и Вовка Барышников, друзья и сокурсники, мысленно ещё пребывая в музыкальной нирване от великого француза Адольфа Адана, тоже направились к сцене.

Женька Клёнов, — заядлый романтик, приверженец горно-пешего туризма, — любил слушать песни бардов у костра под незатейливые аккорды шестиструнной гитары, когда не заглушается треск хвои, пожираемый пламенем, когда искры летят в ночное небо, когда приятный смолистый дымок щекочет ноздри. Но также любил для разнообразия побывать в незнакомой обстановке, где можно открыть новые горизонты и получить эмоционально яркие впечатления. Поэтому он с удовольствием составил компанию другу. Прежде ему не доводилось бывать на балете, а сейчас понял, что не жалеет: феерия красок, игра света и тени, живая музыка и мистически-

философская сказка пополнили его культурный багаж ценными приобретениями.

Вовка Барышников, манерный красавец и ревностный приверженец Мельпомены, несмело ждал возможности лично вручить алые розы самой Аделине Краон — исполнительнице роли Жизели и новоиспечённой звезде, взошедшей на небосклоне классической школы танца. Фотографии кумира, афиши и плакаты он развесил в студенческом общежитии над кроватью задолго до гастролей Мариинского театра.

— Это вам, — смущённо пролепетал молодой человек и протянул Аделине букет.

— Благодарю вас, — прима улыбнулась, и сердечная искорка романтизма чуть тронула нежную линию её тонких губ.

Изящная рука балерины ласково погладила полуоткрытый бархат бутонов. Она одарила воздыхателя чарующим томным взглядом, от которого у Вовки учащённо забилось сердце, и он словно воспарил на небеса. «Богиня!» — мысленно растаял молодой человек. Оркестр сыграл короткий туш. И тарелки из нейзильбера звонко исполнили завершающее, как аминь, форте, издав неповторимо филигранный и высокий звук, давая зрителю понять, — спектакль воистину окончен. Артисты ещё не раз раскланялись, прежде чем покинули сцену. Восторженные зрители, а вместе с ними и Женька Клёнов с Вовкой Барышниковым устремились к выходу.

Неприятность случилась сразу после того, как молодые люди вышли в фойе и забрали куртки в гардеробе. К ним подошли бравые ребята в полицейской форме, вежливо козырнув, попросили следовать за ними. Спорить было бесполезно, тем более, они по чистой случайности не взяли с собой ни электронных карточек граждан России, ни студенческих билетов, ни разовых пропусков в Чёрный Квадрат.

Объяснения по поводу бесцеремонного задержания полицейские отложили на неопределенное время, дескать, по прибытии на место узнаете. Бордюрные фонари на Театральной площади горели неярко, в целях жёсткой экономии электроэнергии мэр увеселительного городка-спутника Литера Ё, раскинувшегося в зелёной зоне близ Перми, велел уличное освещение минимизировать. Но тяжёлую военную машину, нелепо смотрящуюся около Театра оперы и балета, друзья всё-таки разглядели. Вооружённые конвоиры, мрачные фигуры которых вырисовывались в свете фар, недвусмысленными жестами и прикладами загнали новоприбывших в кузов. Экипировка военных бронжилетами из метаматериалов и пуленепробиваемыми шлемами могла бы говорить о недавних боях, в реальность которых можно было бы поверить, если бы не доносящаяся мажорная полифония общественного транспорта и гуляющих компаний. Ночной город Литера Ё даже при слабом свете габаритных огней зданий выглядел мирно и беззаботно.

В крытом армейским брезентом фургоне типа «Конвой» набилось много разномастного народа, судя по голосам, молодые и пожилые, трезвые и не очень, по видимому, взятые в спешке наугад без разбору. Освещением пассажиров не баловали, поэтому в темноте разглядеть соседей по несчастью оказалось невозможно. Женька и Вовка сидели рядом плечо к плечу и изредка перешёптывались. Ситуация принимала зловещий оттенок, неприятный холодок страха ползал мурашками по спине и отдавал тошнотой, подступающей к горлу.

— Всегда светлая полоса яркой стороны жизни сменяется тёмной, — негромко сказал Женька. — Знала бы судьба, с каким трудом мы достали билеты на балет.

— О, да! — вторил Вовка. — Только подумать: труппа из знаменитого Мариинского театра приехала на гастроль. Какой театр, какие имена и личности! Да за ним вся история классической хореографии стоит. Буквально

на днях я читал книгу об истории его создания. «Мариинка» — это ж ласковое народное прозвище театра, названного в честь супруги Александра Второго, императрицы Марии Александровны.

— Да уж, царский театр! — согласился Женька. — Чудо, что мы вообще попали на премьеру сезона.

— Не часто выпадает шанс провинциалам посмотреть классический танец и мировых звёзд, — посетовал Вовка, «сев верхом» на любимого коня.

В детстве он мечтал стать танцором на большой сцене или балетмейстером, но как-то не «срослось». В юности мальчишеские увлечения техникой взяли верх, и балет остался лишь тлеющим угольком в сердце.

— Посмотрели? — басовито спросил кто-то, примостившийся рядом с кабиной. Тембр голоса мужчины выдавал возраст. «Лет шестьдесят пять или больше», — определил Вовка, абсолютный слух которого никогда не подводил, но промолчал.

— Ага, — ответил Женька. — Куда едем-то?

— На кудькины горы, — ответил всё тот же мужчина.

— Кто-то сильно нагрешил, — раздался старушечий голосок напротив. — Или все вместе, горемычные.

— Жень, покайся, — сыронизировал Вовка.

Женька хихикнул и неожиданно вспомнил, похолодел. Была пятница, день, когда предвкушаются чудный вечер с девушками и бурные выходные следом. Настроение рабочее — вблизи нуля. Студенты-второкурсники физфака Пермского университета, включая Женьку Клёнова и Вовку Барышникова, сидели на паре по квантовой механике и вполуха слушали лектора Эммануила Альбертовича Шмакова, повествующего о «коте Шрёдингера». Женька нарисовал клетку с осликом и подписал: «Осёл Шрёдингера». Вовка добавил: «Лепший друг профессора Шмакова». Они прыснули со смеху, передали соседкам, а те, развеселившись, на другой ряд, и листочек пошел гулять по аудитории. Прозвенел звонок,

студенты поторопились в буфет, а какой-то шутник положил рисунок на преподавательский стол.

Всё бы прошло незаметно, если бы не внимательность профессора Шмакова к мелочам. Он увидел бумажку, надел очки, рассмотрел карикатуру и хмыкнул. Затем, сложив улику усердного отношения к учебе пополам, сунул в карман и отправился на кафедру теоретической физики.

— Помнишь пару по квантмеху? — Женька пихнул в бок друга.

— Осёл Шрёдингера? — спросил Вовка. — Мы пошутили.

— Это мы так думаем. Не уверен, что профессор Шмаков того же мнения. Кстати, отомстить мог и доцент. Забыл?

Следующей по расписанию была лекция по астрофизике, её читал высокий худощавый, но жилистый мужчина в строгом тёмно-синем костюме с жёлтым галстуком, доцент Асмодей Лиходеев, обладатель желчного характера и весьма злопамятный тип. С первого взгляда на этого человека у студентов закрадывалось в душе сомнение о его благожелательном отношении к людям. Глубоко посаженные глаза меняли свой цвет в зависимости от интенсивности освещения. В пасмурные дни они бывали бездонно-чёрными, в ясные дни казались бесцветно рыбьими. Яркое солнце хорошо обнажало изнанку малопонятных личностей. Орлиный нос с горбинкой в сочетании с заострённым подбородком и торчащей клинышком бородой придавали Асмодею Лиходееву вид хищной птицы, нацелившейся на жертву.

Скупые и нервные движения преподавателя, когда он писал маркером на доске формулы или же прохаживался вдоль длинного стола, гнусавым тенором читая нараспев лекцию, вызывали в аудитории панический страх. У Женьки Клёнова доцент Лиходеев почему-то ассоциировался с ранним Средневековьем и крестовы-

ми походами. Вовка Барышников, обзывая «препода» Великим магистром, советовал другу держаться от Асмодея подальше.

— Тема нашего с вами неусыпного интереса: «Квазары, пульсары, черные дыры и инструменты наблюдения». Пишите, пишите, господа, в учебниках есть далеко не всё.

Женька, насупив брови, принялся рисовать. Вовка успевал всё: записывать тему и сочинять подписи к комиксам соседа. Меж тем лектор вещал:

— С развитием астрофизической техники и компьютерного инструментария наши астрономы обнаружили космические объекты, которые посылают в пространство периодические импульсы в оптическом, радиоволновом и рентгеновском спектрах. Хотя импульсы короткие, они хорошо регистрируются на Земле. Неизвестные источники назвали пульсарами. Это нейтронные звезды. Из-за их чудовищно быстрого вращения в поле зрения внешнего наблюдателя попадает мигающий свет космического маячка.

Доцент Асмодей Лиходеев бубнил, а друзья рисовали. Дуэт «Кукрышников» таким «макаром» отработал пару, и к концу лекции аудитория ошастливилась новой выставкой в стиле «физмодерн»...

— Куда делись карикатуры, знаешь? — спросил Вовка.

— Нет, конечно, — пролепетал Женька одеревеневшим языком.

— Если Асмодей Лиходеев отнёс «шедевр» в Черный Квадрат, то...

— Мы могли попасть в список неблагонадежных.

— Из-за ерунды? Несерьёзно.

— А ну, цыц, раскудахтались, куры! — прикрикнул конвоир. — Люди присмирели и замолчали.

Фургон подпрыгивал на ухабах, буксовал в глубоких сугробах и катился юзом на ледовых проплешинах. Где-то вдали неожиданно ухнули чередой несколько взры-

вов, сопровождавшиеся низкими басовитыми звуками. Пожилой гражданин не удержался, прокомментировал:

— Авиационные бомбы. Слышите свистящий гул?

Это пошел набирать высоту тяжёлый бомбардировщик. Чу, вот и глухой хлопок! Перешёл звуковой барьер. Смылся.

Следом раздались подряд отрывистые хлопки: «хух-ши, хух-ши-хух».

— А это заработала артиллерия, наверное, «Град», — сказал кто-то тенорком из дальнего угла.

— Учения? — спросил пожилой мужчина.

— Не уверен, бомбардировщик сверхзвуковой, значит, не наш.

— Так это налёт, диверсия или же... конфликт с омерикой? — подала голос всеведущая старушка.

— Разговорчики! — гаркнул снова конвоир.

Пассажиры замолчали. Тревожная тишина нависла над полем. Долго-долго ехали куда-то по заснеженному пустырю и бездорожью, освещаемому блеклой луной, виднеющейся в круглые дырки брезента.

— Наверное, это дырки от пуль, — прошептал Женька, толкая плечом полусонного друга и ковыряя пальцем тент.

— Похоже, — ответил Вовка и вновь заснул.

Холод коварно пробирался под брезент, заставляя людей прижиматься друг к другу плотнее, стыли ноги и спина. Дорога казалась бесконечной и ведущей в никуда. Наконец, фургон остановился, конвоиры приказали пассажирам выйти. Затёкшие от долгой тряски и неудобной позы ноги плохо слушались, руки примерзали к поручням. Мороз крепчал. Полярное сияние вспыхнуло и расцветило чернеющее небо зелёными, красными и жёлтыми всполохами. На фоне белых снегов высылся ультрамариновый квадрат, колышущийся и тонкий, словно лист бумаги. Верхняя часть гиганта царापала рваные кучевые облака, нижняя часть зары-

лась в грунт, растопив вокруг снег и обнажив карликовую растительность тундры. Внезапно пошел колочий снег, поднялся ветер; резкие порывы бросали кристаллы льдинок в лица людей. Рассмотреть нелепый квадрат и местность стало невозможно. У людей возникло ощущение, что это мираж. Изображение расплывалось, поэтому угадать точный размер голограммы не получалось.

Из квадрата вышел человек в блестящем серебристом комбинезоне, похожий на космонавта, и мигнул фонариком. Конвоиры выстроили людей в очередь и повели к «космонавту».

— Первые? — спросил встречающий.

— Так точно, — отчеканил командир. — Принимайте!

— Добро пожаловать, господа, прошу! Град Метаморфный с нетерпением ждет своих обитателей.

— Метаморф? Это Метаморф! — с ужасом зашептались люди, передавая друг другу как эстафету тревожную новость. — Мнимый город и мнимая жизнь. За что?

— Не говорите ерунду, не «порите чушь, ей больно!» — громко возмутился «космонавт». — В нашем городе есть и дома, и улицы, и еда, — между прочим натуральная, а не химически синтезированная. Так что вам, господа метаморфчане, метаморфцы или метаморфяне, будет обеспечен необходимый уровень выживания и досуг. Хлеба и зрелищ хватит всем! Клянусь мамой!

Выслушав ещё более непонятную тираду и придя в полное уныние, господа «метаморфяне» покорно проследовали за ним. Как только обречённые пересекли границу ультрамаринового квадрата, внешний мир исчез. Люди увидели небоскрёб — бледно-охристый шар, опоясанный тремя кольцами, делающими его похожим на планету Сатурн. Небоскрёб динамично балансировал на высоком железобетонном постаменте. Вокруг здания по земле стелился кисельный туман. Поверх неясной субстанции висел трёхпалубный экранолёт, верхнюю палубу которого ограждали стальные перила. В носовой

части подле трапа стояли письменный стол и тумбочка. За столом расположился коренастый человек с бычьей шеей и крупными кистями рук, зелёная фуражка и китель с погонами майора недвусмысленно говорили всем, что этот офицер из Чёрного Квадрата. Рядом подбоченилась фигуристая дама в синем халате, шапочке и маске, оставляющей узкую щелочку для глаз, защищённых широкими химическими очками. В открытом медицинском саквояже лежали ампулы с вакцинами от различных вирусных агентов. Угадать, кто из этих официальных лиц главнее, не смог в очереди никто: ни Женька с Вовкой, ни «кудыкин» мужчина, ни старушка, призывающая грешников покаяться.

— Я знаю, откуда ветер дует. Град Метаморфный — это же и есть адское изобретение профессора Эммануила Альбертовича Шмакова! — возмутился Женька. — Нет же, это неспроста! Вовка, ну ты понял?

— Да понял я, понял, вперёд тебя. Нечто, засекреченное Чёрным Квадратом, ждёт нас, первопроходцев.

— Угу, «первопроходимцев», — передразнил Женька. — И что теперь?

— Без вариантов, будем выкручиваться, как сможем.

Прибывшие становились на гидравлическое устройство, отдалённо похожее на весы, и прикладывали руки к сканеру, который следом определял личность и здоровье каждого. На основе данных, состоящих из группы крови, веса, микрофлоры кишечника, типа нервной системы, генетического кода и перенесённых заболеваний, дама выбирала вакцину. Она делала прививки от холеры, чумы, тропической лихорадки и малярии, гриппа «А», «Бэ», «Це» и ещё бог весть от чего. И всем подряд добавляла также какую-то универсальную прививку под названием «Ультрахрон».

— Это зачем? — робко спросил кто-то.

— Для синхронизации времён, вашего собственного и Метаморфа, — нехотя, сквозь зубы процедила дама. Го-

лос у неё был низкий, металлический и жутко неприятный.

Люди охотно бы приняли гипотезу, что она врач, пусть даже военный, а не фармацевт-испытатель новейших лекарств, требующий для клинической статистики добровольцев. Но прямо спросить об этом боялись. Когда подошла очередь Женьки Клёнова, он по примеру других закатал рукав на левой руке:

— Мадам, мы хотим вместе, — храбро сказал Женька, кивнув через плечо на друга.

— Непременно, — холодно ответила она и вытащила ампулу с веществом, под ультрафиолетовой лампой светящимся синим цветом.

«Наверное, это и есть тот таинственный «Ультрахрон», — подумал Женька. Боли от укола он не почувствовал. Вскоре приятное тепло волной разлилось от левой руки вниз к животу, ногам и поднялось вверх до правой руки, ударило в голову. Стресса, усталости и тревожности как не бывало.

— Смотри, не расслабляйся особенно, — шепнул на ухо Вовка, он шёл следом и уже норовил пересчитать ступеньки, ведущие куда-то вниз.

Женька поддержал его. По трапу «первые метаморфяне» спустились на нижнюю палубу и очутились в ресторане. Тихие уютные столики вдоль иллюминаторов, накрытые белоснежными накрахмаленными скатертями, были сервированы по высшему классу. Подошёл метрдотель:

— Господа Клёнов и Барышников, присаживайтесь за любым столиком по левому борту. Обед оплачен спонсорами. Прошу! — он широким жестом пригласил «откушать».

— Давненько студенческое брюхо не едало изысканных блюд, — обрадовался Вовка, заглядывая в меню. — Сон это или явь, однако выглядит всё крайне подозрительно!

Богатая сервировка блистала музейной роскошью. Китайский фарфор, серебряные столовые приборы из двенадцати предметов, хрустальный графин и фужеры, словно их только что вынесли из дворца царицы Екатерины Второй. Тут же подоспел официант в красном камзоле, таких же панталонах, белых чулках и с полотенцем наперевес:

— В нашем меню — уха из осетрины с картофелем и брюссельской капустой. А также стерлядь, запечённая с маслинами и лимоном под луковым соусом. Кулебяки с лососем, капустой, брусникой, черносливом и чесноком. Клюквенный морс. Чёрный индийский чай и пирожки с яблоками.

— Сегодня рыбный день? — спросил Женька, мечтая о бифштексе.

— Постный, господин Клёнов. В строгий пост некоторым посетителям рекомендуем сухари и воду. Для вас, прибывших с Большой Земли, повар сделал исключение. Просить подать?

— Да-да, подавайте, будьте любезны, — поспешно ответил Вовка, по-китайски вежливо улыбнулся и незаметно пнул друга под столом. — Мы очень любим рыбу с овощами.

Официант удалился. Другие сотоварищи по фурунгу тоже заняли места в ресторанном салоне на нижней палубе. Меж тем экранолёт загудел, мигнул лампами на потолке и плавно набрал крейсерскую скорость, покачиваясь, словно на морских волнах. Скользя в густом тумане, он устремился по гигантскому серпантину на первое кольцо небоскрёба, отливающего цветами спелой осени.

* * *

После сытного обеда дежурный лакей отвёл друзей в двухместную каюту, где они практически мгновенно уснули, едва прилегли на кровати. Экранолёт не торо-

пился, приближаясь к третьему ярусу. Наконец шлюзование закончилось, и небоскрёб-Сатурн выпустил путешественников в Град Метаморфный, жадно ожидающий первых поселенцев. Деталей пассажиры, означенные в бумагах под грифом «Строго секретно», не видели.

Женька спал крепко и видел сюрреалистический сон. Они с Вовкой плыли по Реке Времени в узкой лодчонке без вёсел вниз по течению. Внезапно река раздвоилась, огибая «Окно в Будущее», и лодчонку завертел быстрый водоворот. Несимметричная спираль водяного омота вытолкнула добычу в мутный поток, устремляющийся против течения реки. Вскоре и этот поток столкнулся с препятствием — «Окно во Двор». Лодчонка врезалась в стекло, крошево острых брызг фонтаном рассыпалось. Оба пассажира выпали за борт и кубарем скатились по винтовой лестнице, прямо в пыль. Сверху на них упали обломки утлого суденьшка.

Друзья проснулись одновременно. Тёмная комната с маленьким оконцем в глинобитной стене, солома вместо мягкой кровати с чистейшим постельным бельем и характерный запах ночной вазы за занавеской, — всё это показалось несравненно большим кошмаром, нежели давешний сон. Утренняя дань природе не заставила себя долго ждать, и они с ужасом вытаращились на предмет, заменяющей цивилизованный унитаз или биотуалет. Окружающая реальность не поддавалась здравому смыслу.

* * *

На улице послышались шум, крики и drobный топот копыт. В каморку проник едкий запах навоза. Это и вывело парней из состояния ступора. Схватив нечто, похожее на одежду, — родные штаны и куртки исчезли, — они выбежали наружу, на ходу одеваясь, во что Бог послал. Вид старинного городка, будто сошедшего со страниц «Часослова» какого-нибудь герцога Жана

Беррийского или с миниатюр из монастырских скрипториев, о которых студенты недавно прочитали в сборнике медиевиста Франсуа Гизо, ошеломил парней.

— Никак Метаморф в моей голове рылся, пока я спал, — икнул Женька от страха.

— В обеих головах, — помрачнел Вовка, оглядываясь кругом.

На круглой земляной (не мощённой ничем — ни кирпичом, ни камнем, ни керамической плиткой) площади гарцевали всадники, оседлавшие породистых и хорошо откормленных жеребцов. Белые плащи и красные кресты, раздвоенные на концах, отдалённо напоминали о чём-то древнем и исторически канувшем в Лету. Знамена с той же символикой, развевавшиеся на ветру, несли на себе печать боёв, жестокости и беспощадности. Засохшие пятна крови, которые можно было разглядеть на одеждах, свидетельствовали о недавнем сражении с врагами.

— Вовка, ты Средневековую историю хорошо знаешь? Кто это? — всё ещё не веря в достоверность происходящего, прошептал Женька на ухо товарищу.

— Не очень. Что-то особого энтузиазма у меня эти господа не вызывают, — ответил Вовка, усиленно протирая кулаками глаза.

Он не привык «неумойкой» выходить на улицу и чувствовал явный дискомфорт. Но тут Вовка осознал наконец-то, что даже если бы он принял контрастный душ, то пейзаж не изменился бы ничуть. Одиннадцать городских построек, обнесенных высокой крепостной стеной, сторожевые башни с бойницами и полное отсутствие приятных лиц никак не могли вызвать в душе «гостей поневоле» положительных эмоций. Грустное настроение красно-коричневыми тонами рычало и ползало где-то внизу, путаясь под ногами в виде блохастой собаки, которая так и норовила укусить за лодыжку.

— Пшла прочь! — зашипел Вовка, поднимая с земли засохший комок грязи. — Пси́на поджала хвост и бросилась наутёк.

Нечаянно внимание друзей привлёк гомон пёстрой толпы монахов, нищих и бродяг, сгрудившихся у колодца, примыкавшего к глухой стене двухэтажного дома.

— О, Бедные Рыцари Христа, вас сам Господь послал к нам, залетев белым голубем в Храм Соломона! Защитите пилигримов, добрые крестоносцы! — воззвал какой-то пузан с широченным лицом, тройным подбородком и узкими, заплывшими жиром глазками. Он вышел из толпы народа, одетой в свободные коричневые балахоны, подпоясанные джутовой веревкой, и отвесил низкий поклон белым всадникам.

— Где ваши враги, святые паломники? — спросил предводитель, по-видимому, сам Великий магистр Ордена.

— Мы взываем к милосердию месье Робера де Краона, — учтиво поклонился другой паломник, суховатого и аскетичного вида старец, черноволосому мужчине, крепко держащемуся в седле. — Вон они!

Корявый палец трясущейся руки аскета направил взор всадника на другую сторону площади, где был постоянный двор.

— Сарацины! — загалдели хором паломники, указывая перстами на Женьку и Вовку. — Вражины сеют смуту среди добропорядочных христиан, держащих путь ко храму Гроба Господня в Иерусалим!

Аскет подал месье Роберу де Краону измятую бумагу:

— Лазутчики распространяют богомерзкую хулу на папу Римского и на вас, Великий магистр. Я чувю, посланники халифа преследуют нас повсюду и даже здесь, в благородном городе, что раскинулся на берегу Мертвого моря. Шпионы халифата достойны Страшного Суда!

— Темплум Соломонис! — главный крестоносец воздел руки к небу и, перекрывая шум внезапно налетевше-

го грозового ветра, зычным голосом приказал: — Именем короля Франции арестовать!

Орденосцы ловко заарканили лазутчиков, заставив Женьку и Вовку бежать вслед за конями. Ударил разряд молнии, и мощные струи дождя обрушились на город, превратив единственную площадь в грязевую жижу, хлопающую под ногами и копытами лошадей. Друзей втокнули в темницу и закрыли дубовые двери на засов.

— Завтра суд, антихристы! — крикнул стражник напоследок.

* * *

На рассвете изрядно напуганных «сарацинов и лазутчиков» привели в зал суда. В левом кресле, возвышающемся на пьедестале, сидел Великий магистр, месье Робер де Краон. В середине восседал папа Иннокентий Второй. В кресле справа сидел Моря Шмакони, глава города. Сегодня главный тамплиер слез с коня и снял рыцарские доспехи. Поэтому молодые люди могли беспрепятственно разглядеть историческую личность, несмотря на тусклый свет, едва проникающий сквозь узкие арочные оконца в каменный зал, обрамлённый гладкими мраморными колоннами. Худощавый мужчина высокого роста имел глубоко посаженные глаза бездонно-чёрного цвета. Орлиный нос с горбинкой в сочетании с заострённым подбородком и торчащей клинышкой бородой придавал ему вид хищной птицы. Скупые и нервные движения правой руки, непрерывно проверяющие наличие меча в ножнах, выдавали его как жестокого и немилосердного человека.

— Подсудимые, встаньте! К нам в руки попали бумаги, избличающие вашу вражью деятельность, — магистр потряс ими перед зрителями, сидящими на скамейках поодаль. — Что скажете?

Как только тамплиер заговорил, его гнусавый говор тут же выудил из памяти друзей знакомый образ.

— Мы случайно оказались в вашем городе и раньше никогда не бывали здесь, — сказал Женька.

— Что, сарацины, разве это не ваше? — вкрадчиво спросил Великий магистр, лицом и фигурой поразительно схожий с доцентом Лиходеевым.

Женька и Вовка подошли ближе и взглянули на бумаги:

— Осёл Шрёдингера, — озвучил Вовка.

— Эти еретические рисунки являются карикатурой на уважаемого сеньора Моню Шмакони, главу города тамплиеров, а также на Великого магистра месье Робера де Краона, воспитывавшегося преподобным Асмо де Лиходье.

— Господа хорошие, мы — бедные студенты. До вчерашнего дня никого из вас никогда не видели и не знали. Рисунки — вовсе не карикатуры, а дружеский шарж на наших преподавателей, — оправдывался Женька.

Обстановка недоверия в суде нарастала. Простые горожане шумели, группа каноников в рясах, злобно сверкая глазами из-под капюшонов, визгливо завывала и потрясала кулаками, судьи перешептывались.

— Где же вы обучаетесь, сеньоры студиусы? — иронично спросил Великий магистр. — Назовите имя хоть одного досточтимого лектора в вашем университете и его дисциплину.

Друзья переглянулись.

— Самый досточтимый лектор — это доцент Асмо де Лиходье. Он ваш благородный потомок, ведь мы люди из будущего.

— Вот как? Возможно ли путешествовать во времени, да еще безнаказанно? — спросил сеньор Моня Шмакони, ни дать ни взять дальний предок профессора Эмануила Альбертовича Шмакова.

— Безнаказанно, пожалуй, нельзя, вот вы нас и судите.

— Не знаю, как там потомок, а мой учитель, преподобный Асмо де Лиходье, очень хорошо владел

не только писанием, но также мечом, копьём и неплохо скакал на лошади.

Судьи зашептались, вероятно, изыскивая способы наказания для сарацинов или непрошенных гостей из будущего, если они не лгут, конечно.

— Суд удаляется на совещание, — сказал папа Иннокентий Второй и стукнул молотком по столу...

— Встать, суд идет!

Вошли те же и вместе с ними юная очаровательная брюнеточка в бордовом платье из парчи. Тонкий стан, немилосердно стиснутый корсетом, и глубокое декольте, выдававшее нахальному взгляду мужчин немало достоинств хозяйки наряда, поразили молодых людей в самое сердце. Юница встала рядом с месье Робером де Краоном, исподволь поглядывая на пленных хищным оком незамужней дамы.

— Высокий суд пришел к справедливому решению. Дабы подтвердить или опровергнуть утверждения обвиняемых, вы будете подвергнуты испытаниям. Если ваш преподаватель действительно потомок преподобного Асмо де Лиходье, то должен был обучить вас рыцарским премудростям. Завтра на ристалище вы продемонстрируете умение сражаться на мечах и копьях в ближнем бою. Если поединок понравится зрителям, вас помилуют и признают студиусами. Если же огорчите зрителей, судей и добрых горожан, вас казнят как сарацинов и вражеских лазутчиков.

— Боже мой! — воскликнули Женька и Вовка хором.

До них начал доходить смысл вчерашнего напутствия: «Хлеба и зрелищ хватит всем», — обещал «космонавт». Бравые «кукрыниксы» никогда не то чтобы не пытались вступить в клуб ролевиков в своём времени, но даже просто ни лошади, ни ишака не оседлали ни разу в жизни. О чём парни сразу как-то пожалели, «метаморфным» образом очутившись в раннем Средневековье.

«Вдруг эта наследница месье Робера де Краона, — догадались они о родственных связях красавицы, — смилуется и поможет»? Приложив руки к сердцам, молодые люди вежливо поклонились влиятельной даме. Сердце красавицы дрогнуло.

— Папа, — топнула ножкой юница, обращаясь к Великому магистру. — Вон тот, который слева, лишил меня невинности.

— Дочка, ты уверена?

— Ну, не знаю, может быть, тот, что справа, осмелился.

— Когда, милая Адель?

— Сегодня ночью влез ко мне в спальню. При свете полной луны содрал с меня одежды и терзал мою плоть до утра.

— Этой ночью народилась молодая луна, — лениво зевнул папа Иннокентий Второй.

— Неужели старая донна Роза открыла грешнику зарешённое окно в третьем этаже? Или служанка, дрянная девка, сговорила с тюремщиками, и в наказание они отпустили заключенного на свидание? — иронично спросил отец.

— Папеец, эти негодники сначала начали и лишили меня девственности, — надула губки Адель. — Должны жениться на мне немедленно, оба!

— Это не тот случай, дочка, когда количество переходит в качество. Из двух сарацинов вряд ли получится один благородный рыцарь. Выбери сеньора Шмакони!

— Он старый.

— Возраст этому не помеха. Хорошо, скажи, что тебя лишил невинности его сын.

— Уродец! Ни за что!

— Этот уродец сказочно богат, моя прелесть. Не хочешь? Выбери, лапушка, кого-нибудь из благочестивых граждан, дворянского происхождения. Зав-

тра на турнире соберутся достойные мужчины разного возраста, — неоценимую услугу в интимном вопросе, я полагаю, готов оказать любой из них.

Юница не унималась, молодые люди чем-то привлекли её весеннее воображение.

— А победитель рыцарского турнира может на мне жениться?

— Да, ма шер, — критически оглядев мужскую статью завтрашних «льцарей», наморщил лоб месье Робер де Краон. — Если сначала залезет на лошадь, а потом сможет с нее слезть.

* * *

На ристалище собралась тьма-тьмуцающая народа; яблоку, сливе или яголке упасть было некуда. Торговцы устроили ярмарку товаров из выпечки и колбас, оружия и доспехов, одежды и украшений. Арены и трибуны украшали флаги, фамильные щиты и гербы. Благородные дамы и господа сидели в ложах под навесами и на скамейках. Простой народ расположился прямо на земле.

— Дорогие зрители! — обратился к публике герольд. — Давайте поприветствуем новопосвященных рыцарей — жюте. Сегодня их только двое. Сердца львов, быстрота гепардов и хитрость геен с ними. Их мечи наточены, раскалены и колют противника, словно жала скорпионов! Храбрые юноши перед вами, господа! Жюте Евгений Клёнов вызывает на поединок жюте Владимира Барышникова. В пешем бою мужчины покажут зрителям свою ловкость, выносливость и умение владеть мечом так, как это делал преподобный Асмо де Лиходье, учитель Великого магистра Ордена тамплиеров. Раунд первый!

Герольд отмахнул флажком. Навстречу друг другу, громыхая латами и чертыхаясь на неизвестном

для зрителей наречии, неровной походкой на арену вышли рыцари. Шлемы бойцов украшали геральдические атрибуты, — бурлеты и намёты, — изготовленные ночью помощниками герольда. У Женьки бурлет был красного цвета, у Вовки — синего. Люди оживились, они заранее разделились на фанатов в красном и синем секторах трибуны.

— Надо же, рыцарские латы весят тридцать килограммов! — возмутился Женька, с трудом доковыляв до середины поля.

Чтобы сделать хотя бы шаг, он резко выбрасывал то левую, то правую ногу вперед, как фриц на плацу. Лязг коленных суставов от железных лат, сопровождавших его боевую атаку, заглушал истинное мнение рыцаря о турнире. Липкий пот градом капал вниз, застилал глаза, но под пластинами средневековой экипировки этого видно не было.

— А двуручный меч добавляет еще пятнадцать кило, я так думаю, — сказал Вовка, выравнивая дыхание. — Ну что, бла-ародный рыцарь Женька, к бою за сердце Адели!

— Чур, она моя! — крикнул Женька!

— Сначала победы! — азартно вскипел Вовка. — Ты видел, как она на меня смотрела?

— Да у тебя харя неумытая была!

— Ах, так? Защищайся, сарацин!

Переведя дух, Женька ухватил обеими руками меч и начал его поднимать. Непослушная железка норовила выскользнуть из неудобных рукавиц наземь. Вовка тоже боролся со своим рыцарским оружием, которое никак не хотело сделать правильный и красивый замах. Наконец-то, героически поднатужившись, Женька поднял меч над головой. Некоторое время рыцари выделяли незамысловатые па друг вокруг друга, с силой удерживая мечи в замахе и напоминая танец петухов в курятнике. Сцена за-

вела зрителей до предела, толпа жаждала интересной развязки. Немного побалансировав в вертикальном положении, железный клинок решил жить собственной жизнью. Меч закрутился, будто лист клёна на осеннем ветру, и увлék за собой и самого рыцаря.

— Вовка, берегись, — только и успел крикнуть Женька, как меч упал на плечо соперника.

Вовка взвыл и рухнул навзничь, вспоминая все студенческие присказки из ненормативного лексикона малокультурных личностей. Женька тоже не удержался на ногах и, споткнувшись о лежащего Вовку, следом обрушился на него сверху.

— Ой, ёй! — завывли храбрые рыцари изо всей дурацкой мочи.

— Есть бой! — заорали господа на трибунах и простой люд.

Зрители в красном секторе скандировали:

— Жень-ка, Жень-ка!

Болельщики из синего сектора переживали:

— Вов-ка! Вставай!

Подняться самостоятельно бойцы не смогли. Прибежали слуги и временные оруженосцы, заботливо выделенные бойцам жестокими судьями. Взявши рыцарей за ноги, они ловко растащили их по разные стороны поля. Трибуны синего и красного секторов ревели от дикого восторга, такого зрелища горожане ещё не видывали ни на одном турнире. После перерыва оруженосцы и слуги посадили рыцарей на лошадей, дали бойцам по копьё.

— Второй раунд — бой на копьях! Жюст! — воззвал герольд и отмахнул флажком.

Слуги хлестнули рысаков по крупу так, что те взвились на дыбы, чуть не сбросив неумелых всадников на землю. Чудом не упав наземь, Женька и Вовка неслись навстречу судьбе, с ужасом сожалея об упущенной возможности обучиться верховой

езде. От непрямого удара в латы оба копыта выскользнули из подмышек. Женька не удержался в седле, упал на траву, едва не угодив под копыта. Лошадь шарахнулась в сторону и заржала. Вовка проскакал чуть дальше, однако и он не достиг конца поля, свалился вниз. Зрители кричали, ревели и свистели, топтали ногами, неистово колотили палками по бревнам, на которых сидели. Дамочки в экстазе махали оторванными от нарядов рукавами.

Благородные рыцари тамплиеры во главе со вчерашними судьями: месье Робером де Краоном, папой Иннокентием Вторым и сеньором Монеи Шмакони — вытирали мокрые от слёз глаза.

— Ой, больше не могу смеяться, все бока болят, — сказал папа Иннокентий Второй.

— А у меня судороги и нервный тик, — пожаловался сеньор Шмакони. — Какой приговор вынесем нашим жюте?

— Сейчас узнаем. Адель, скажи-ка, который из добрых бойцов лишил тебя невинности? — сквозь икоту спросил у дочери месье Робер де Краон.

— Эх, папа, эти рыцари, пожалуй, действительно из будущего, где нет ни лошадей, ни турниров, ни рыцарских лат! Я бы хотела отправиться вместе с ними в их время.

— А что такого? Девочка наберется ума-разума, — развел руками сеньор Шмакони. — А достойные рыцари пусть расскажут о нас правду. Уже сейчас в хрониках халифата о тамплиерах пишут небылицы.

— Привести подсудимых! — велел месье Робер де Краон стражникам.

— Приговор. За нарушение субординации и непочтительное обращение к преподавателям, за карикатуры в виде «Осла Шрёдингера» и лень вы обязаны вернуться домой и окончить курс уче-

бы. Адель, непослушная дочь своего отца, достойного месье Робера де Краона, отправляется туда же для обучения вашим премудростям.

— Прощай, папа, ты самый лучший отец в мире! Я люблю тебя! — сказала юница и обняла месье Робера де Краона.

— Прощай, Адель, помни о чести фамилии! Будь счастлива, — напутствовал отец. — Берегите девочку, «рыцари» из будущего.

— Обещаем, Великий магистр, — хором ответили Женька и Вовка. Мягкий приговор средневекового суда их подбодрил.

Молодых людей и юную Адель в сопровождении стражников из отряда крестоносцев и горожан на закате дня отвели к деревянному мосту, перекинутому через долгую реку Лету. Адель облокотилась на ажурные чугунные перила и глянула вниз. Бурные воды холодными и прозрачными потоками слёз ревели на перекатах и громыхали камнями, закручиваясь в синие жгуты между валунами и скалами. Речные звуки перекрывали прощальные и напутственные крики. В сиреневых сумерках обозначились искорки звёзд, нечётко отразились в воде. Серпик луны выглянул из-за зубца сторожевой башни. Взявшись за руки, молодые люди едва дошли до середины моста, как пошёл снег, и начавшаяся метель скрыла знакомые силуэты от глаз провожающих. В этом месте детище профессора Эммануила Альбертовича Шмакова, по сути, являющееся машиной времени, не только обладающей искусственным интеллектом, но и своеобразным чувством справедливости, внесло свои коррективы в судьбу новоиспечённых странников. Град Метаморфный, ничтоже сумняшеся, отправил всю троицу в другой сектор мировой истории, где царило иное время.

— Хальт! Хенде хох! — крикнул кто-то берегу. — Вяжи всех, Ганс! Это партизаны...

Испытательный срок

Михаил Загирняк

Родился 28 июня 1984 года в г. Мозыре (Гомельская обл., р. Беларусь), проживает на западном крае самого большого государства в мире в г. Светлом (Калининградская область). Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии БФУ им. И. Канта (г. Калининград). В художественном творчестве рассматривает гуманистические проблемы человеческого бытия.

— Ты кто?
Молчание в ответ.
Из-под кухонного стола — настороженный взгляд.
Возможно, это не умеет говорить.
Вот так, сходил ночью попить водички... А тут что-то шерстяное, маленькое, но на двух ногах. Будто заросший шерстью пупсик.
Галлюцинациями Фёдор никогда не страдал. Раньше. Может, это старость?
— Эй!
Федя потянулся рукой под стол.
Существо зашипело с присвистом. А в голове раздался чужой голос: «Не трогай».
— Да ладно, ладно...
Фёдор отдёрнул руку.
«Страшно?» — снова прозвучал голос в голове. Но в том-то и дело, что страха Федя не испытывал. Нисколько.
Существо с любопытством посмотрело на человека.
— Может, ты это, разговаривать начнёшь? — спросил Фёдор.
— Вот ещё! — послышался тонкий детский голосок.
И незваный гость осёкся.
— Гном, леприкон, домовый? — предположил Фёдор. — Ты мне случайно не должен горшок золота или там желания исполнить?
— Ты нормальный? Почему не боишься? Я навела морок, ты должен был испугаться. В глазах темнеет, слова в горле застывают, комната ходуном — гостя как будто перечисляла зазубренное из учебника. — Ты жмуришься — а я тем временем ухожу в... Неважно...
Федя улыбнулся.

«Значит, «навела морок»? Девчонка...»

— А ну перестань! — Тонкий голосок почти сорвался. — Сам захотел говорить голосом, а не мыслями.

Дамочка сплела руки на груди.

— Прости, — сказал примиряюще Фёдор.

Какая забавная... домовиха, да?

Гостья, видимо, прочитала мысль, потому что на её лице появилась улыбка.

— Лучше — домовая. А зовут меня Ариша.

— Чем тебя угостить? — спросил Федя.

— Я тебе не зверёк! — ответила она и тут же добавила тише: — Печенье с изюмом.

Фёдор покупал к чаю печенье. Куда убрал только?

— Первый верхний ящик. Сразу на полке, — подсказал тоненький голосок.

Федя улыбнулся. Все девчонки любят сладенькое.

Он развязал целлофановый пакетик, достал охапку печенья.

Подумал и положил на чистое блюдце. Затем поставил угощение перед гостьей и спросил:

— Всухомятку?

— Молоко, если свежее.

— А ты типа не знаешь?

Гостья насупилась.

— Погоди, не обижайся. Оно из холодильника.

Подогреть в микроволновке?

— Угу.

Очень не хотелось отворачиваться. Вдруг гостья пропадёт.

Федя пошёл к холодильнику и услышал хруст за спиной. Не, не исчезнет!

Он подогрел чуть больше половины чашки, снял пенку и отнёс даме.

Она доедала печенюшку. Обхватив руками печенья, вгрызалась в него. Маленькие ухоженные пальчики.

— Помоги, — неожиданно попросила она.

— Как?

— Чашка тяжёлая. Наклони.

Он наклонил чашку, она обняла её руками и... залакала?

Фёдор провёл пальцем дальше по чашке и как бы невзначай прикоснулся к домовой.

Тепло. Настоящая... И вот теперь ему стало не по себе.

Домовая отпрянула, но не зашипела, как в прошлый раз.

— Ну не трогай, Фёдор, — грустно сказала она. — Нельзя. А то влюбишься — и поминай, как звали.

— Ну не обижайся... Я...

— Знаю-знаю. Не собираешься меня в банку сажать и прочее. Ох... И отравить не пытался молоком. Ты добрый.

Феде стало жалко её. Он представил домовых, которых ловят, травят, над которыми издеваются... Нет, гнать эти мысли прочь! Хотелось погладить эту маленькую, пусть домовую, но девочку.

— А что ты любишь, я... Это будет твоя полка. Хочешь? Только не подумай, что ты вроде домашнего животного. Прости, я не то хотел сказать, я...

Домовая не отвечала.

— Пойду я, — сказала она после молчания. — Пока и... спасибо.

Она ушла в тень под стол. И маленькое тельце слилось с тьмой.

Остались недоеденная печенька, недопитое молоко.

— Зря трогал, — прошептал Фёдор.

Вспомнил тепло её маленькой ручки.

И подумал, что переживает, как из-за первого свидания.

— Так и не узнал ничего...

Ящик он передал домовой. Вкусности относил всякие. Печенья и пирожные. И разные соки и молочные коктейли оставлял.

Фёдор постоянно ловил себя на том, что только и думает о домовой. Ему хотелось ещё прикоснуться. И... в следующий раз он обязательно улучит момент, чтобы... Она так не похожа на всех этих женщин, которых он приводил в дом. Девушки всё больше раздражали его. Да и друзья...

А в квартире будто больше порядка стало. Пыли меньше, вещи всегда находились быстро. После стирки одежда быстро сохла. И гладилась легко. Или это только кажется? Бывало, весь день из-за солнечной активности голова болит. А придёшь домой — всё проходит. Дома самые лучшие мысли приходят.

Домовая не появлялась на глаза.

И как-то ночью он не выдержал.

Пришёл на кухню. Заранее корзинку вкусностей купил, сейчас под стол поставил. И молока туда же. Подогретого.

— Ариша, выйди. Обещаю не трогать. Просто... Ну, Ариша...

Тишина на кухне.

— Тогда оставляю всё здесь. Бери — или пропадёт. Он развернулся.

— Пропадёт... — передразнил знакомый голос. — У тебя зарплата только через неделю.

Сердце подпрыгнуло в груди.

— Ариша!

Она стояла за корзиной, руки переплетены на груди.

— Не люблю шантаж.

— Я больше не буду.

Федя сделал шаг навстречу. Сел на колени перед столом. Теперь их разделяла только корзина.

— Влюбился, — грустно сказала домовая.

И Фёдор понял — да.

Так вот всё разом встало на свои места. Просто хотелось быть рядом с ней. Что у него может быть общего с... домовой?

Он протянул ладошку через корзину.

И почувствовал прикосновение маленьких пальчиков.

Сразу стало радостно.

— А разве это плохо? — спросил он.

— Федя, нельзя. Иначе... Ничего хорошего.

Тяжёлый выдох в ладошку.

— А, была — не была! — сказала она. — Положи руку на пол. Раскрой ладошку.

Фёдор подчинился.

Она погладила ему указательный палец. Две маленькие ножки залезли на ладонь.

Потом она села и обхватила средний палец руками.

— Поднимай, только медленно.

Фёдор поднял руку (совсем лёгонькая!) и поднёс к груди, чтоб с одной стороны образовалось для Ариши стенка.

Она прислонилась к груди.

— А я слышу твоё сердце! — по-детски весело сказала она и посмотрела вверх.

Надо же, глаза-то у неё карие.

Она попросила опустить рядом.

— Я тоже влюбилась. Давно... — сказала она, потёрла ладошки и добавила:

— Ну что, давай угощаться?

Распрощались они только поздней ночью.

А потом Ариша снова пропала.

Уже двое суток не отзывалась, не показывалась.

Федя не мог понять, что сделал не так.

Временами обращался в пустоту квартиры:

— Ариша, что случилось?

— С тобой всё в порядке?

— Ариша?

— Ты обиделась? За что?

— Дай хоть знак, что всё в порядке!

От домашнего порядка тошнило. Внезапно его осенило. Фёдор достал маркер и стал выводить каракули на обоях, на карнизе. Мало? Он подцепил ножиком край обоев и рванул.

Хорошо.

Вот тебе порядок!

Затем настала очередь шкафа.

Вещи разлетелись по квартире. Он взял вешалку и повесил рубашку на бр.

Спал со злым спокойствием. В неразложенной постели.

Снилась Ариша. Одна во тьме стоит. Боится оглянуться. Из рта идёт пар. Сзади надвигается холодная мгла. Из-за спины ползут прозрачные тонкие змейки. Подпрыгивают — впиваются в локтевые сгибы. Опутывают Аришу вдоль тела. Одна заползает в рот. Сбоку за щёку.

Ариша запрокидывается назад и оказывается в кровати. Шерсть пропадает. И лицо становится человеческим.

Девушка с кругами под глазами в реанимации. А змейки замирают и превращаются в проводки капельницы. Включён аппарат вентиляции лёгких. Поршень поднимается и опускается...

Сон оборвал будильник.

Включилось радио:

— ...закончилась вничью. Окончательный счёт в матче один — один.

Фёдор выключил будильник.

Сел на кровати.

Такой правдоподобный сон...

Затормозено собрался, пошёл на работу. Начальник пригласил на «летучку» в 11 часов.

Одиннадцать окружало его, всё время попадалось на глаза. Поначалу было забавно. Но Федя никак не мог отвлечься от этого наваждения. К концу дня преследование двух единиц начало пугать.

«Что это...» — подумал Фёдор в очереди супермаркета. Он решил купитьпельменей.

— Эта одиннадцатая больница. Вечно у них платники без очереди проскакивают. Надо привязаться к твоей, — проворчала старушка в очереди позади Фёдора.

Он обернулся.

Две старушки разговаривали, пока подходила очередь.

— Так завтра давай сходим, — сказала вторая. — Только паспорт и полис возьми.

— А если спросят — почему к ним пришла?

— Не обязана отвечать. Просто вот надо — и всё!

— Пакет нужен? — спросила кассирша, и Фёдор обернулся.

— Нет.

Дома поставил пельмени на газ и залез в интернет. 11-я больница находилась в его микрорайоне. Десять минут пешком от дома. Или одиннадцать...

Он сам в душе смеялся над собой. Слишком странные мысли лезли в голову...

Снова не помыл посуду (тарелки горой высилась над раковиной). Ариша всё не появлялась.

Решил не гладить рубашку на завтра. Вот так! Пусть все видят, как уютно ему живётся!

Лёг спать, а когда просыпался ночью, то злобно улыбался.

— Ну это уж слишком, — прозвучал строгий голос.

«Ариша!» — обрадовался Федя. Обернулся на голос. И замер. На кресле среди разбросанной одежды стояла домовая. Не Ариша.

— Что слишком? — спросил он.

— Не надо делать трагедию и изображать несчастного влюблённого.

— У вас забыл спросить!

— Ваша бывшая домовая не прошла испытательный срок.

— А где она? — спросил Фёдор.

— Заменили за раскрытие маскировки.

— Теперь ваша очередь меняться? Вы же тоже попались... на глаза.

Домовая улыбнулась.

— Я — другое дело. Вынужденное раскрытие маскировки, чтобы объясниться с хозяином дома.

Фёдор встал, подошёл к креслу.

— Слушаю.

— Ариша влюбилась и использовала приворотную магию. Сделала вид, что не успела спрятаться, чтоб выйти на контакт. Зачем? Мы выясним скоро.

«Выйти на контакт»... Звучало, как в отчёте спецслужб. Да и по манере домовая напоминала работника комсомола из далёкого советского прошлого.

— Поставите на повестку дня? Голосовать будете? — усмехнулся Федя.

— Что у вас может быть общего? — ответила домовая вопросом на издёвку. — Поймите, люди не могут общаться с домовыми.

— А как вас зовут?

— Домовая.

— Товарищ домовая, чего вы добиваетесь?

— Я помогаю понять, почему надо забыть про Аришу и вернуться к нормальной жизни. Стараюсь

тут по дому, а вы... Меня же засмеют домовые, — сказала она и осеклась. Натолкнулась на взгляд Фёдора.

— Порядка не будет, пока не вернёте мою Аришу.

— Исключено.

Федя сходил на кухню, взял тарелки из раковины, сколько поместилось в руке, и бросил в мусорное ведро. Раздался глухой звон.

— Да она околдовала тебя! Неужели не понял ещё? — заорала домовая из комнаты.

— Нарушаете субординацию, товарищ домовая. Домовая расхохоталась. Фёдор вернулся к креслу.

— Что смешного?

— Думаете, мы хотели наказать Аришу, когда убрали из вашего дома? Нет. Только защитить. Общение с людьми не даёт ей забыть, каково это, быть человеком.

— Значит, она была человеком? — перебил он.

Домовая ответила странно:

— Слишком мало она пробыла домовою, чтобы спокойно вспоминать прошлое. Перестань дёргать девчонку. Дай спокойно стать домовою.

Она исчезла.

Ночью больше никто не появился.

А Фёдор теперь точно знал, что всё правильно делает.

Значит, не нравится беспорядок? Стыдно перед другими домовыми? Хорошо! Блеск!

С утра он не побрился и не почистил ботинки. А когда задумался, причёсываться или нет, услышал знакомый голосок:

— Шантажист ты мой.

Он присмотрелся. И устало улыбнулся.

— Ариша...

— А обещал, что больше не будешь шантажировать.

Она лукаво посмотрела на него.

Федя устало улыбнулся.

— Наворотил тут, — устало сказала она. —

Ну и кто будет убирать?

— Поможешь?

Она поколебалась и ответила тихо:

— Конечно.

— Значит, ты вернулась? — обрадовался Фёдор.

Она кивнула.

— Знал бы ты, что о нас говорят.

— Мне всё равно.

Ариша посмотрела ему в глаза.

— Ну.

— Что ну?

— Возьми меня уже на руку!

Она упёрла руки в шерстяные бока.

Федя положил рядом с Аришей ладонь. Подожди, пока крохотные ножки вскарабкаются на неё.

И притянул руку к груди.

Маленькие ладони и голова прижались к нему.

Потом Ариша резко отпрянула.

— Хватит. Ну-ка быстро привёл себя в порядок и на работу!

Счастливый Фёдор подчинился.

Выходные потратил на ремонт. Дело спорилось. Ремонт давался легко, как в телепередачах. К понеделнику не осталось и следа от устроенных безобразий. Аришки, правда, не было видно. Тоже трудилась — знал Фёдор. По дому помогала.

Лёжа в постели, он предвкушал, как соорудит из плюшевого мишки креслице для Ариши, как они будут уютно чай по вечерам пить.

Федя почти заснул, когда услышал:

— Привет.

Рядом на кромке кровати рядом с игрушечным медвежонком сидела Ариша.

— Привет, Аришка.

— Я попрощаться. Так будет лучше, понимаешь? Я... выслушай, ладно?

Она заговорила, перебирая пальцами по животу игрушечного медвежонка.

— Домовой я стала недавно. Может, полгода назад. Нас отправляют на съёмные квартиры. Пока не заслужим жить с постоянными хозяевами.

— Испытательный срок?

— Да, — сказала она удивлённо.

— Твоя сменщица сказала.

Ариша замолчала. И Фёдор поругал себя мысленно за то, что перебил. И совсем забыл, что она мысли читает... Вспомнил, спохватился... А она понимающе так улыбается.

— Да я не обижаюсь. Слушаешь... дальше? — последнее слово сказано с усилием.

Тяжело давался рассказ.

— Да.

— Так вот... Я тебя очаровала. В смысле — зачаровала. Чтоб дома уютнее всегда казалось. Ну, знаешь, чтоб быстрее получить одобрение и... ну, Федя, не обижайся, дай договорить! Пожалуйста!

Он подумал, что ради неё рисковал работой и мог прослыть среди друзей-приятелей чудиком. А она...

— Федя, ты мне сразу понравился. Поэтому я... не стала прятаться тогда, на кухне. А потом... наложила любовное заклятие и...

В памяти всплыл крик домового «Да она околдовала тебя!»

— Всё?

— Что? — спросила Ариша испуганно. В этот момент лицо стало почти человеческим.

— Это всё? Или на мне ещё десять-двадцать заклятий висит?

— Ни одного сейчас, — тихо ответила она. — Та, кто пришла вместо меня — я не могу назвать её имя, — развеяла волшебство. Теперь всё буднично.

— Ты даже не представляешь, насколько права! Да, теперь всё буднично.

Она сел в постели спиной к ней. Аришка подбежала к руке Фёдора. Стала гладить указательный палец.

— Ну прости, Федь...

Он одёрнул руку. Медленно, чтоб не опрокинуть Аришу. И встал.

Она села на колени и прижала ладошки к лицу. Послышались всхлипы.

И злоба сразу ушла.

Это же его хорошенькая Ариша.

Она просто маленькая и глупенькая.

— Эх ты... — сказал он и сел на кровать.

Окружил её ладошками.

— Ну чего ты...

Он провёл пальцем по голове.

Очень нежно.

— Да люблю я тебя! — сказала она сквозь рыдания.

Он помолчал, подумал. И положил руку ладошкой вверх рядом с Аришкой.

Ариша поколебалась, но залезла на ладошку.

Фёдор медленно поднёс руку с груди.

— Лифт прибыл. Остановка — сердце, — сказал он и улыбнулся.

Ариша прижалась ладошками к груди. Успокоилась.

— Прости, — прошептал он.

Молчание.

Фёдор подумал и всё-таки решился:

— Можно я не буду говорить, просто подумаю вопрос? А ты как обычно прочитаешь мысль и ответишь.

— Ты уже подумал. Была ли я человеком, — грустно ответила она.

— И... ты...

— Да, была. Можно я буду о себе в третьем лице говорить?

Фёдор кивнул.

— Жила-была девушка по имени Ирина Соболева. Училась, подрабатывала, гуляла в компаниях, встречалась с одним парнем. Которого любила... — Голос дрогнул. — А парень изменил ей. Ну тогда девушка по глупости наглоталась таблеток. И сейчас между жизнью и смертью.

Федя слушал и вспоминал сон.

— Самоубийцам путь на тот свет заказан, — продолжила Ариша. — Но некоторые души могут стать домовыми. Для этого нужно забыть о человеческом прошлом. Навсегда. Вот и пришла пора Ариши. Новая жизнь с новым именем.

— А если Ирина выживет?

Ариша посмотрела вверх, в глаза.

— Вернуться в люди? Зачем?

— Для родных и близких, — ответил Федя. — Для меня.

Она молчала.

— Ариша... Ты мне не доверяешь?

— Доверяю...

— Тогда...

— Пойдём спать вместе. Хочу заснуть под ритм твоего сердца.

— Давай.

Аккуратно придерживая Аришу, Федя лёг в постель.

— Готов? — прозвучал еле слышный шёпот.

— Да, — ответил Фёдор.

— Закрывай глаза. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи... — сказал Федя.

Он закрыл глаза.

— Прощай, — прозвучал тонкий голосок.

Федя сразу распахнул глаза — и не увидел на груди Аришу. Ещё чувствовалось её тепло...

Краем глаза заметил движение на пределе видимости. Будто тень уплотнилась и стала темнее в углу. Сорвал одеяло и рванул во мглу, в самый угол. Свет комнаты остался позади. И как будто попал в широкий коридор.

Фёдор встал во весь рост. Пошарил руками. Никого. И пошёл вперёд.

Ослепительные вспышки во тьме, как от молний, отдавали болью в глаза. Он двигался, как под водой. Нарастает гул в ушах.

Вдох-выдох, вдох-выдох. При вдохе пространство озаряло тусклым светом. При выдохе всё пропадало.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Дыхание отдаётся в голове.

Из тьмы вырвалось какое-то мельтешение. Что-то кружилось впереди. Фёдор пошёл навстречу движению.

— Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай...

— Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай...

Всё стало отчётливым. Федя оказался на улице маленьких домиков. Впереди открывалась площадь, на которой маленькие существа водили хоровод.

— Каравай, каравай, Фёдора ты выбирай! — слышалось оттуда.

И смех.

На площади на возвышении лежала Ирина.

— Ира! — закричал Федя и бросился к ней.

Он перемахнул через хоровод и взял её за руку.

— Слишком поздно, — сказала она с горечью.

Из хоровода вышла знакомая домовая.

— Оставь Аришу в покое, — сказала она.

Остальные домовые продолжали хороводить и распевать песню.

У Фёдора закружилась голова, мир поплыл перед глазами.

Держаться.

Фёдор собрался и ответил:

— Домовые не должны общаться с людьми.

Он взял Ирину на руки. И тут домовая вцепилась руками в тело девушки.

— Зачем ей мучиться среди людей? — спросила она.

Хоровод распался. И домовые собрались вплотную вокруг Фёдора.

Потянулись ручками к Ире.

Ира с жалостью смотрела на домовых. Они плакали и прижимались к ней, хватались ручками за пальцы, обнимали за ноги и умоляли.

— Нет, Аришка, нет! Мы любим тебя!

— Не ходи с ним!

— Аришка...

— Пусть сама решает! — сказал Фёдор. — Вы не должны заставлять.

Домовая поколебалась, но скомандовала:

— Отпустите её!

Домовые отступили.

Ира посмотрела на Федю. В глазах растерянность.

Домовая сказала ей:

— Решай сама. С кем ты?

— Ира, — прошептал Федя. — Ты всё ещё хочешь быть человеком. Разве не поэтому мы стали общаться? Ведь домовые не общаются с людьми...

— Смотри, — ответила Ирина. — И действуй. Теперь всё зависит от тебя.

Домовые смотрели исподлобья. Не зло. Грустно. Симпатичные, обаятельные, забавные существа. Живут рядом с людьми. Радуются маленьким радостям. Переживают, когда бьётся посуда, когда семьи трещат по швам. И плачут. Домовыми стали те, кто не получил уюта семьи и дома при жизни. Такой вот мир маленьких существ, которым не хватило тепла при жизни людьми...

На мгновение Феде тоже захотелось стать домовым. Жить в радости. Вместе. Дружно. Всегда. Но лишь на мгновение.

Мир пошёл волнами.

Фёдор оказался в комнате Иры. Она сидела, вжавшись в угол, и рыдала.

— Ира, — сказал он, но она не обратила внимания.

Девушка рыдала всё тише и тише. Срабатывало снотворное. Она выпила пригоршню разноцветных таблеток.

Мир почернел, и девушка заметила Федю.

Он подошёл, взял за руку. И повёл за собой.

Коридор превратился в чёрный туннель. В конце еле-еле виднелся свет.

А по бокам из мглы возникали и пропадали тысячи призраков бывшего парня.

Они преграждали путь, смеялись в лицо, хватали за руки.

Со всех сторон звучали злые голоса:

— Все мужики обманщики, никому не верь.

— Люди уроды, никому ты не нужна.

— Поматросит и бросит.

Они побежали через калейдоскоп человеческой подлости и гадости. Интриги и сплетни, боль и ненависть, все страдания Ирины превратились

в болото. Федя с Ирой вязли, но продолжали идти на свет.

Надо перейти через это. Пере-ступить.

Пере-жить.

Верь мне.

Верь.

Свет потихоньку нарастал.

Туннель закончился — и вихрь подхватил их. В круговерти бежали ломаные молнии энцефалограмм. Сердце... Стук сердца.

Внезапно вращение закончилось. Фёдор один оказался в реанимации. Лицом к энцефалографу. Боковым зрением увидел девушку (длинные волосы на кровати).

Ариша.

Вернее — Ирина.

— Ира... — позвал он.

Молчание.

— Ира!

Фёдор подошёл. Взял за руку.

Она вздрогнула и открыла глаза.

В этот момент прозвенел будильник. И Федя проснулся в своей постели с дикой головной болью. Глаза болели при каждом движении. Шею ломило. Как с похмелья.

— ...ничейный тур. Все встречи закончились со счётом один — один...

Дрожащей рукой он выключил радио.

Он вышел из дома — и его чуть не сбила машина. Номер 011.

На работе не мог собраться, чтобы что-то сделать. Стоило чем-то отвлечься — и он забывал, чем занимался.

Вечером проходил мимо кафе. На витрине красовался плакат:

1 пицца + 1 пицца = 3 пиццы

Фёдор постоял возле неё и решительно пошёл в одиннадцатую больницу.

По пути заскочил в магазин за апельсинами.

В приёмный покой его не хотели пускать. Фёдор смирился и сказал:

— Передайте, пожалуйста, Ирине Соболевой.

— А вы к Соболевой? — удивилась медсестра. —

Что ж вы молчали? А почему не со всеми пришли?

— Немного опоздал.

— Паспорт имеется?

— Само собой, — постарался уверенно ответить

Фёдор.

Его записали — и он направился в палату.

Оттуда доносились голоса.

Глупо...

Что он сделает, если сейчас Ирина скажет:

— Молодой человек, вы кто?

— Да так. Мы с вами виделись во снах.

— А, точно, первое свидание вживую. Мама, папа, это он — тот самый жених из сновидений.

Или...

Ира окажется совсем не той Ириной.

Он приоткрыл дверь.

Зашёл.

В палате была она.

— Привет, Ира, — сказал он. — Здравствуйте, — добавил мужчине и женщине.

Наверное, родители...

Ира в замешательстве посмотрела на него.

— Федя? — спросила она.

Мужчина и женщина вопросительно посмотрели на Иру.

А она сказала им как ни в чём не бывало:

— Это мой... друг.

И протянула ладонь навстречу. Фёдор подошёл, взял за руку.

В этот момент развеялся последний страх — что любил он только домовую, а с девушкой будет всё по-другому.

Прикосновение — и он ощутил знакомое тепло. Тепло любимого человека.

* * *

Ира помнила всё. Но не всё рассказывала.

И убрала из спальни все зеркала. На вопрос, зачем, ответила, что не только домовые заходят в дома.

Родителям, конечно, ничего не рассказали. Зачем? Правда, они спрашивали, откуда взялся такой Фёдор. Можно ли ему доверять...

После совершенно случайной встречи тет-а-тет у Фёдора болела правая рука, а у бывшего парня Иры — левая скула.

И по странному совпадению звонки и попытки встретиться для разговора с Ирой у наглого ухажёра прекратились.

А родители даже позволили дочери переехать к избраннику.

Квартира была нормальной, только порядка не хватало. Бывало, ищешь какую-то вещь, никак не можешь найти. Куда только запропастилась?

Пыль скапливалась — не успеешь пройти с тряпкой по квартире. Лампочки постоянно перегорали, хотя раньше такого не случалось. И вещи стали часто ломаться. То кран потечёт, то обои отойдут у самого потолка, то электросчётчик выйдет из строя...

В такие моменты Федя переглядывался с Ирой. И настроение улучшалось.

Кажется, домовые немного вредничали и до сих пор не присылали к ним никого на испытательный срок. **УС**

Мастер Грегор и господин Тумс

Татьяна Тихонова

Проживает в городе Новокузнецке. По образованию и роду деятельности — связист. Писать начала совсем недавно. Публиковалась в журналах «РБЖ-Азимут», «Европейская словесность», «Уральский следопыт», «Юнона и Авоська».

Сквозь решётчатые ставни вечернее солнце протянулось полосами по земляному полу, по длинному закопчённому столу, по плюющей жаром печи. На столе лежал большой лист лопуха. На нём дрожала и переливалась в лучах заходящего солнца капля размером, может быть, с детскую ладошку. Лопух лежал своей матовой стороной вверх, кочерыжкой толстого стебля глядя в чёрный потолок мастерской, и иногда покачивался от сквозняка. Тогда мастер Грегор Дувка с тонкой трубкой в руках хмуро поглядывал на него. Удостоверившись в том, что лопух на месте и поползновения его слететь со стола незначительны, мастер опять принимался дуть в трубку с раскачивающейся соплей жидкого стекла на конце.

Иногда он говорил, обращаясь к лопуху:

— Подожди, скоро уже.

Подогревал густую соплю синего цвета в печи и продолжал колдовать над ней. А та уже выросла в размерах, распухла в указанных ей стеклоделом местах. Откусив щипцами готовый сосуд от трубки, стеклодел отложил заготовку в сторону. И проговорил, рассматривая её:

— Если чистый песочек речной плавить, то жара в моей печке маловато будет. Если смешать с золой из папоротника, то в самый раз. Только получится слабое стекло, «жидкое». Поэтому надо извести добавить, тогда стекло станет устойчивым к воде. Из него я делаю сосуды и амфоры для короля. А для тебя, — тут он опять посмотрел на лопух, — я ввёл свинцовую охру, глёт. И тебе достанется бутылочка из хрусталя, мой друг.

Вновь глянул на лопух. Лопух по-прежнему молчал.

Дувка взял стоявший в стороне, уже остывший сосуд и поднял его на свет. Хороший хрусталь. Особой прозрачности. Стекло светится изнутри и имеет свой голос.

— Вот ты говоришь, что живёшь далеко, что там нет лесов и полей, как у нас, что тебе больно в нашем мире

и ты хочешь назад, домой. Зачем же ты тогда заявился к нам?

Разговаривая так, он поднёс остывший сосуд к лопуху и осторожно, свернув лист кулём, наклонил. Капля, вязко цепляясь за тёплую, насиженную поверхность листа, стекла в сосуд и студенисто задрожала на дне, медленно расплываясь.

— Ну что, доволен? — спросил Грегор.

Приложил ухо к бутылки. Глухой, будто из-под одеяла, голос ответил:

— Так-то лучше. Но меня убьют на четверть, — голос слабо хихикнул, — это ваше светило, чтоб его.

Стеклодел улыбнулся.

— Ожил, наконец.

Поставил бутылку на стол и сел на деревянный стул. Наклонившись, уперев подбородок в большой палец, Дувка рассматривал в упор содержимое сосуда. Непонятное совершенно для него существо. Почему-то говорящее. Сначала он испугался, когда лопух заговорил. Тысячи глупостей пронеслись в голове от нечистой силы до чуда. Но кричать и размахивать руками Грегор не умел, призывать на помощь было для него непривычным, и он долго стоял и ждал, пока уймётся противная дрожь в коленках. Существо висело на тыльной стороне листа и еле слышно просило о помощи, среди бела дня, на родном языке Дувки... чистая прозрачная дрожавшая капля, словно водяная. И мастер решил сосредоточиться пока только на этом, отбрасывая то странное, от чего холодело за душой...

— И что? Ты — вот эта густая жижа?

— Жижа... Хм... — недовольный голос проворчал, — ну, я это, я.

— Где же... твои руки, ноги?

— Что такое руки, ноги? Эти твои длинные, нитевидные отростки с щупалками? Надо признать, ты здорово ими орудовал, выдувая мне дом из песка.

— Щупалки! — захохотал Грегор, откидываясь на высокую спинку стула. — Значит, они тебе не нужны. А чем же ты будешь строить себе дом сам? Ведь я мог и не услышать, и тебе точно пришлось бы засохнуть на этом лопухе.

— Роса.

— Что роса? — не понял Дувка, его брови поползли вверх.

— Выпадает.

— А-а, да.

— Ну, вот она меня и спасала.

— Выходит, вся твоя жизнь — это лежание до полного высыхания?

— Ой, — прогундел из сосуда издевательски голос, — только не надо вот этих вот. Не надо. Лежу себе, философствую, иногда детей рожаю. Это ли не жизнь, достойная разумного существа?

— Детей рожаешь... Прямо, как наши великосветские особы. Лежат, философствуют, иногда детей рожают... Тьфу ты! Что-то я тебя не пойму, так ты девица что ли?

— Фуу... мужик я, если тебе от этого полетчает. Пока мужик.

Расползшееся было по сосуду жижей существо скукожилось зябко каплей.

— Окно закрой. На лопухе было теплее.

— Ишь ты, неженка, — покрутил головой Дувка, но окно закрыл. — Одного не пойму, чего тебе дома не лежалось?

— Так... не лежалось, — уклончиво ответило существо. — Дурак потому что. Захотелось мир повидать. Да корабль в дождь метеоритный попал.

— Метеритный... какой-такой метеритный? — пожал плечами мастер.

— Простой, метеоритный, — показалось, что существо улыбается или даже смеётся, потому что оно вдруг заколыхалось, — каменный, в общем.

— Где это у нас такие дожди идут? — усмехнулся стеклодел. — Ври, да не завирайся!

— А и не у вас совсем, — колыхалась в ответ капля, — я же говорю, что я с другой планеты.

— Слышал я, слышал, — отмахнулся Дувка, — кто ж тебя знает, что ты под этим словом думаешь себе.

— То и думаю, только тебе не понять.

— Ну, конечно! Мы же тут дураки. Только тише. Как бы меня в богоугодное заведение не свезли из-за тебя. Говорящая жижка!

Стеклодел принялся разводить потухший было огонь в печи. Раздул угли и стал разогревать остывшую массу.

— Нет, я, конечно, посидел бы, поболтал с тобой о том, о сём, но главный камергер мне заказал пятьдесят синих хрустальных двуручных бокалов, да обвитых золотой нитью по самому выпуклому месту. Ты спросишь, как сделать, чтобы стекло приняло глубокий синий тон? Очень просто, мой жидкий друг, очень просто. Кобальт... это всего лишь он. А нить золотую, что мне камергер под страшное слово выдал, прокатать надо ещё по горячему. Вдавится она в стекло и застынет внутри, в синеве. Красота же...

Дувка прислушался. Но собеседник молчал. И стеклодел больше не проронил ни слова. Лишь гудел огонь в печи. Синие стеклянные груши на конце трубки надувались, раскачиваясь и увеличиваясь в размере. Дувка наматывал золотые канители и осторожно прокатывал сосуд — чтобы нить не утонула в стекле вовсе, а выпуклилась золотым барельефом на синем. Подносил сосуд к одному из канделябров и смотрел на свет — нет ли в нём мошки или свилия.

Любой намёк на дефект заставлял его морщиться. Он качал головой и бросал картошку в горячую массу — картошка заставляла её вскипеть и выгнать все ненужные пузырьки воздуха наверх. Свили же у него случались

редко — уж мешать стеклянную массу он научился давно.

Готовые чаши мастер садил на тонкие витые ножки с синими же кружками-основаниями. Ловко приваривал витые ручки.

Иногда он поглядывал на сосуд, стоявший в центре стола, игравший бликами в свете трёх канделябров. Существо в нём замерло и, казалось, спало. Лишь однажды оно проговорило:

— В тридцать восьмом сосуде от меня свиль.

Стеклодел схватился за фужер, за один, другой, третий. Потом бросил это и принялся считать. Нашёл, поглядел на свет и покачал головой:

— Непорядок.

Бросил отбракованный сосуд в корзину с ломом и набрал на свою дудку ещё синей массы.

— А про свиль я тебе не говорил. Я про него подумал. Вот ведь какая ерунда получается, — задумчиво сказал он.

Существо молчало. А потом проговорило:

— Если бы ты мой корабль отыскал, мастер.

— Корабль... Где же я тебе его отыщу? — удивился Дувка. — Здесь и реки-то поблизости нет.

— Я не по реке пришёл.

— А как же тогда, не по земле же?

— Ты бы сказал, что я с Луны свалился, — заколыхалась жижка, — и был бы недалеко от истины. Вот и поищи то, чего никогда в жизни не видел, необычное в привычном. Это и будет мой корабль. Или след его.

Мастер продолжал растерянно улыбаться, потом перестал, устало присев на стул возле стола. Ряды удивительных фужеров стояли перед ним. Только он их не видел, хотя обычно мог подолгу любоваться своей работой, придиричьим глазом отыскивая изъяны.

— То, чего я никогда в жизни не видел, необычное в привычном... — повторил он задумчиво. — Так я мно-

го чего не видел. И необычным мне покажется то, на что ты можешь и внимания не обратить. Вот утром сегодня была радуга в ведре, которое я нёс от колодца. Или удивительна вчерашняя новость — у башмачника родился сын, а у него один глаз зелёный, а другой — голубой. Или вот ещё — рассказывают, в пересохшем давно озере, что само по себе и невозможно будто, потому что весной воды от него разливались до самых Предгорий... так вот там этим летом находят камни замечательной красоты, а в сердцевине того камня, будто в смоле увязшая, мушка какая-нибудь сидит. Или муравей... А камни те словно стеклянные. Или вот...

Дувка перечислял ещё долго. Сначала принялся загибать пальцы на одной руке, потом на второй, а потом и вовсе бросил это занятие.

— Прошлым годом дичка во дворе мельника по осени второй раз зацвела. Зайцев в эту зиму было видимо-невидимо... По весне опять же сухая гроза случилась, ветер поднялся страшный, у горшечника, друга моего, трубу сломало, а у заброшенного дома на опушке Дальнего леса крышу так поискорёжило, что никто не узнаёт теперь его...

— Сухая гроза, — хмыкнуло существо в сосуде, завозившись. — А что с крышей?

— А кто ж знает? Туда никто запросто так не пойдёт, там, говорят, нечистая сила давно поселилась.

Дувка широко зевнул и пригасил щепотью свечи на одном из канделябров.

— Так долго можно перечислять, только, боюсь, наврал ты мне, и кто тебя знает, что вызнать теперь попытаешься. Корабль. Вот ведь придумал.

Мастер задул свечи на втором канделябре. И на трепе. Стало темно в доме. Лишь угли светились красным в жерле печи. Да фужеры тускло отвечали им тем же.

— А что ты назвал сухой грозой? — уже в темноте глухо спросило существо.

— А гром гремит, небо чистое, солнце светит, молнии в землю бьют, а дождя как не бывало.

— И что, часто так бывает?

— Нет. Ты же просил необычное.

Лёгкий всхрип донёсся из угла, где стоял топчан Дувки. Где-то за печкой сверчок запиликал назойливо. Или он уже давно трещал, да только собеседники не слышали его. И теперь он отводил душу в наступившей тишине. Мастер перевернулся на другой бок и проворчал:

— Вот найду я тебя когда-нибудь, пиликалка.

И опять заснул. Старая яблоня за окном прочертила чёрные полосы сквозь решётчатые ставни по тусклому пятну лунного света на полу...

Мастерская стеклодува находилась в Кривобережном переулке. Утро здесь начиналось в доме молочника. Молочник вставал затемно и отправлялся в сарай. Возвращался он, когда солнце уже выбралось за первый из холмов, видневшихся на горизонте. Садился на крытую телегу с резвой, мохноногой лошадкой, тпрукал на весь околоток и развозил по домам молоко в толстостенных стеклянных бутылках, запотевшие глиняные широкогорлые кувшины со сметаной, миски с творогом, накрытые куском белой ткани от назойливых смердушек, больших зелёных мух.

Вслед за ним просыпался кожевник и, открыв вонючий чан, принимался вытягивать оттуда тяжеленные мокнущие шкуры.

— Да чтоб ты провалился со своими вонючими шкурами! — просыпалась прачка из дома напротив.

Улица оживала постепенно. Открывали свои лавки булочник, мясник, галантерейщик. В это время по улице проползала по пути на базар и телега стеклодела с его хрупким, укрытым в корзинах с соломой товаром. Но в это утро Дувка так и не появился.

Уже солнце поднялось до третьего холма на горизонте. Скоро ударят часы на ратуше, извещая город, что на-

ступил полдень. И сосед мастера горшечник Люциус Глинщик решил стукнуть в дверь к другу. Костяшкой пальца он громко постучал. И только тут обратил внимание, что она заперта.

— Вот ведь, Грегор, — проговорил он, — обещал мои черепки до рынка подвезти, а сам уехал без меня.

Покачал укоризненно головой и ушёл, придумывая на ходу, с кем отправиться на базар...

Мастер Дувка встал затемно. Не стал раздувать огонь и наскоро перекусил хлебом и мягким овечьим сыром. Сунул хрустальную бутылочку с молчавшей мутью на дне в потайной карман кафтана и вышел на улицу.

Рассвет только лёг лёгким румяным облаком на линию горизонта. Чечевичка сонно и настойчиво спрашивала из колочего боярьшника, разросшегося вдоль пыльной дороги: «Витю видел? Витю видел?». Обычно Грегор ей с улыбкой отвечал:

— Нет, чечевичка, не видел я твоего Витю...

А сегодня ему было не до чвикавшей пронзительно птахи. Он сосредоточенно шагал, поднимая пыль, и думал, почему говорящая жижка попросила его пойти к высохшему озеру. Неужели ей любопытны эти стеклянные жёлтые камешки с мурашами внутри? Правда, ему и самому хотелось на них посмотреть.

Но ещё больше ему хотелось знать, кто такой сам Жижа. Что-то вроде заговорившей вдруг собаки или кошки?.. Чудеса.

Вот только к бывшему озеру мастеру идти не хотелось, и согласился он не сразу. Всё отговаривался. А потом пошёл, но хмурился всю дорогу и молчал...

Озеро Жёлудь, ровное и вытянутое, славилось зарослями мелкой и сладкой малины, глубокими омутами с толстыми карасями и сомами. Тёмная неподвижная вода прогревалась к середине лета. На высоких валунах вдоль его сонных берегов, окружённых стеной сосново-го бора, хорошо было вялиться на солнышке, выползши

из воды. А прыгать рыбкой в воду — ещё лучше. Парочки назначали здесь свидания. Их голоса долго слышались по ночам в укромных бухтах...

Но вот уже больше десятка лет, как озеро обмелело. А вскоре и вовсе высохло. Его дно обнажилось. И огромный овраг уродливо разявился на опушке леса...

Добравшись до высохшего Жёлудя, Грегор сел на валун и достал бутылочку. Капля висела на стенке и вопреки ожидаемому не сползала. «Будто смотрит», — подумал Дувка и хмуро спросил:

— Ну? И где он, этот твой корабль?

— А ты не видишь? Это и понятно. Его слишком долго носило в космосе, чтобы он походил на то, что вылетело с родной планеты. К тому же меня угораздило сесть в кипящую лаву Юдоны. И когда корабль выбрался оттуда и остыл, то больше походил на каменную глыбу. К бортам приварилось всё, что кипело на поверхности этого ада.

Поморщившись от обрушившихся на него непонятных слов, выделив самое понятное для себя, Дувка проворчал:

— К бортам приварилось, а сам, выходит, цел?

После слов существа «а ты не видишь» мастер с растерянной улыбкой обшаривал глазами каждый камень, и они все теперь казались ему выступами огромного корабля.

Вот эта глыба справа показалась кормой, даже часть палубы тянется дальше, а там — будто бортом большое судно выперло.

— Не из того сделан он, чтобы на Юдоне расплавиться. Вон, над высохшим истоком плита торчит, — говорило тем временем существо.

Тут только Дувка понял, что капля прилепилась к стеклу и «смотрит» как раз в том направлении. Но выперший угол плиты на вид ничем не отличался

от пласта породы, который всю жизнь был здесь. Он, Дувка, прыгал с него в детстве в озеро.

Мастер скептически поджал губы, готовый взорваться вслух возмущением, что как дурак искал останки самого обычного корабля, каких видел десятки в бухте Озоля. Он не особо задавался вопросом, откуда здесь взяться кораблю, не очень прислушивался к глухому бормотанию существа в бутылке. Не очень серьёзно искал...

Да он и не верил по большому счёту. Просто этот голос в бутылке... Это существо, оно заставляло своим существованием думать мастера о всяких глупостях — о каменных дождях, кораблях, ныряющих в огненный ад, о непонятном космосе.

— Ты совсем меня запутал, — буркнул недовольно он, отводя взгляд от каменного выступа, — как это может быть кораблём? К тому же эту плиту я помню ещё мальчишкой. Правда, с того лета, когда здесь утонула моя Лаура, я больше сюда не ходил, — голос Дувки стал тише, — тогда, казалось, что всё дно я прошарил руками. Заныривал во все впадины и омуты, выползал на берег отогреться и снова нырял, — мастер задумчиво смотрел на песчаное дно бывшего озера, — ничего. Будто под землю провалилась.

А существо по-прежнему висело на стенке сосуда, обращённой к глыбе.

— Ну, что молчишь, Жижка? — грустно вздохнул Грегор. — Где ещё хочешь искать свой корабль? Или ты так и будешь пялиться на эту скалу?

Существо вздохнуло. И проговорило тихо из своей бутылки:

— Если бы я знал, что был так близко от него.

Дувка озадаченно перевёл взгляд на глыбу, висевшую над обрывом. Может, она и была излишне округлой, и эта странная, будто влипшая в неё каменная мелочь, всегда коловшая голые ноги... Но... что он думает себе, когда говорит об этом камне, как о корабле?!

Существо в бутылке завозилось, закорчилось. Сокращаясь и растягиваясь, оно переместилось, чтобы лучше видеть. Дувка тут же себя одёрнул: «Да как оно может видеть, в самом деле?! Опять же... оно со мной разговаривает, а я до сих пор не знаю, чем оно это делает...»

— Лаура... это кто, мастер? — спросило существо.

— Лаура, — повторил Грегор, растерянно пытаясь найти слова, которыми можно было бы описать ту, что снилась долгие годы. Память о которой заставила его уйти в себя и оставаться одиноким всё это время. — Мне казалось, что помню её всю до мелочей... а вот спросил ты меня сейчас, и я вспомнил лишь россыпь золотых веснушек и серые лучистые глаза, тонкую фигурку в облепившей её мокрой камизе... Я её любил. Мы... любили друг друга. Кто это, спрашиваешь? Её уж нет. Не стоит беспокоить её дух.

Грегор сидел на краю обрыва, одной рукой облокотившись о колено, другой упёршись в подбородок. Он ушёл с головой в воспоминания тех дней, когда торопился сюда, вот к этому камню, на встречу с его Лаурой. Ветер ерошил чёрные волосы. Губы шевелились, будто говоря что-то невидимому призраку.

— Женское тело в одежде с длинными рукавами затянуло однажды в водозаборный шлюз корабля. Этого не должно было случиться, но по неизвестной причине не опустились фильтры. С этого начались все наши беды. Нам нужно много воды. А тело порвало водоносные сосуды корабля. Удалить мы его не смогли сразу. Оно стало разлагаться...

После слов «женское тело в одежде с длинными рукавами» Грегор повернулся к существу. И слушал, не шелохнувшись. Мастеру казалось, что он медленно застывает, превращаясь в ледяную скрюченную статую. Его Лаура, Лаура там... в этом каменном мешке.

А существо говорило и говорило:

— ...интоксикация корабля сказала на всех системах жизнеобеспечения. Ведь большинство блоков имеет органическую природу. И нам пришлось выбирать. Связь не работала. Роботы не откликались. Выбравшись на воздух, многие из нас погибли сразу. Некоторым повезло. Но боюсь, что я остался один. Остаётся надеяться, что запущенное биовосстановление продолжится...

— Что... — хрипло перебил Грегор, — что вы с ней сделали?

— Ничего не смогли сделать. Она, наверное, и теперь там.

Грегор, схватив бутылку с существом, спустился с обрыва, оступаясь и скользя, хватаясь за ключья травы и под конец покатившись. Встал и остановился перед валуном. Теперь хорошо было видно, что глыба «вросла» в берег ручья глубоко. Широкая прореха зияла у самого бывшего дна. Заросшая травой и засыпанная наполовину оползнем.

Дувка принялся разгребать руками землю. Сначала медленно, потом быстрее. Кровавая пальцы и ломая ногти. Ему казалось, что, начав хоть что-то делать, ему удастся отогнать охвативший его ужас. Лаура, его Лаура, не хотела становиться «телом в одежде с длинными рукавами». А ещё ему казалось, что он должен освободить её.

— Пусти меня вперёд.

Мастер едва услышал голос существа. Он позабыл о нём совсем. И теперь нехотя взглянул на него, невольно сжав кулаки. Дувка не знал, как ему относиться теперь к этому странному существу.

Они застыли друг против друга. Человек и существо-капля, повисшее, словно просящее, на стенке хрустального сосуда. Волей случая повстречавшие друг друга. Могли ведь не встретиться, мастер мог не услышать, не поднять, не принести домой.

Кулаки Грегора вдруг разжались. Ему стало жарко. «А ведь этому... тоже невесело. Это несчастье. Страшное несчастье».

Большая змея туго свернулась в груди холодным клубком. Сейчас она положила голову-лодочку на свои скользкие кольца и смотрела злыми глазами на него.

Грегор зло выдохнул, отвернулся, поискал камень поострее и принялся им разгребать землю. Суглинок, высохший после дождей, подавался плохо. Но вот отверстие расширилось, камень неприятно скребанул по чему-то иному.

— Пусти... — просяще протянуло существо.

Дувка взял сосуд и положил его в отверстие. И вздрогнул.

Внутри камня раздался будто едва уловимый шорох или стрекот. И тишина.

— Ты как там? — спросил мастер сухо.

— Мне... ответили, — взволнованно проговорило существо, — ответили!

Грегор невесело усмехнулся, он впервые слышал радость, такую радость в голосе этого жидкого существа.

И отшатнулся. Гора перед ним дрогнула. Ровный гул раздался из-под камня, и прямо перед ним открылась небольшая, с блюдце, дверца. Маленький паучок с железными блестящими лапками выбежал и спрятался обратно. Но дверца осталась открытой. Холодный свет шёл изнутри.

— Твои, что ли, Жижа? — хмуро усмехнулся мастер, обернувшись на существо.

А существа уже не было. Он исчез. Лишь расколовшаяся бутылка поблёскивала в полутьме расширенного отверстия.

— Ты что это?! — тихо проговорил мастер, встал и зло закричал во весь голос, стукнув кулаком по безразличному камню: — Жижа, не делай так! Не исче-

зай! Ты не можешь просто так уйти и оставить меня!

Отдай... отдай мне Лауру!

Дверца закрылась. А Грегор шептал, глядя на то место, откуда только что шёл свет.

— Лауру отдай, Жижка!

Сел на землю и закрыл лицо руками...

Он просидел так долго. Вставал, пытался копать и просовывать руки в отверстие под глыбой. Но далеко забраться не мог. То ли маловата была лазейка, то ли перекрыта чем. И он ходил вокруг горы, присматриваясь к выбоинам и щелям, принаравливал суки покрепче и пытался отворотить ими камни... Но всё пустое.

И он опять садился на землю и сидел. Не было сил уйти. Рассказ непонятого существа разворошил в нём былую боль. И казалось, теперь утихнет она, лишь когда он похоронит Лауру... или то, что от неё осталось.

Он был наверху, возле глыбы, когда уже к вечеру тихий стрекот внутри плиты заставил его вздрогнуть и встать. То, что верхняя часть глыбы вдруг дрогнула и поплыла перед ним вверх, выпуская в вечерний сумрачный воздух сноп холодного света, его даже не удивило. Потому что он ждал. Вот откинувшаяся огромная крышка распахнулась, обнажая нутро. И Грегор торопливо, боясь, что его не захотят пустить, вскарабкался по каменистому борту и, поскользнувшись на гладком влажном покрытии, скатился внутрь.

«Улитка», — первое, что подумал мастер.

Свернувшаяся туго, прозрачная спираль внутри каменной глыбы будто дышала. А сквозь странный материал было видно существо.

Грегор почувствовал, что улыбается.

Существо, его знакомец Жижка, лежал во влажном углублении на спине железного паучка. Паучок быстро бежал по спирали навстречу Грегору. Добежал до выхода из улитки и замер.

Жижка что-то говорил ему, но мастер уже не смотрел на него.

На выходе из улитки лежало что-то большое, серебристое, спелёнутое, словно куколка бабочки.

Отчего-то Грегор знал, что это. Но не хотел верить.

— Это она, — сказала существо.

Грегор покрутил растерянно головой. Теперь ему не хотелось, чтобы этот серебристый куль оказался его Лаурой. Странная апатия навалилась на Грегора. Сначала «женское тело в одежде с длинными рукавами», теперь этот куль.

— Смотри, — коротко сказала существо.

Куда смотреть? Зачем? На Жижку? Не хочет он никуда смотреть, не хочет он ни с кем разговаривать. Отстаньте от него все...

Свет, расплзшийся по стене напротив, заставил его перевести взгляд. И закрыть глаза тут же. Но через мгновение он впился глазами в картину, открывшуюся ему.

Картина не двигалась, не шевелилась. Будто то, что случилось пятнадцать лет назад, было остановлено непонятной силой и теперь показано ему, Грегору.

В узком проходе, освещённом всё тем же холодным светом, лежала она. Лаура. Скрученное тело её застряло, перекрыв просвет. Волосы... длинные её волосы, русые, теперь казались чёрными змеями... И ужас на мёртвом лице...

Дувка отвёл взгляд.

В голове всё смешалось. Было желание зажмуриться и открыть глаза, и пусть этого ничего не будет! Пусть проваливаются к чёрту или откуда они там появились!..

Но паучок стоял перед ним. Существо молчало. А серебристый куль... он будто ждал.

Дувка наклонился и поднял его на руки.

— Лёгкая. — Голос его дрогнул.

— От неё мало что осталось, мастер, вы называете это мумией, — с грустью проговорило существо.

Сначала грусть в его голосе покорила Грегора. А потом мастер принял её. И молча кивнул.

— Бывай... жижка, — и вдруг добавил: — Ты мог и не отдать её мне.

— С корабля ничего не может быть выброшено. Ни в другие миры, ни в космос. Должно быть утилизировано. Она ждала моего решения. Это называется «вопрос, требующий решения разумного существа», — ответило существо и добавило: — И ты... бывай, мастер. Ты вернул мне надежду оказаться снова дома.

Откинулась часть стены, будто у огромного лица челюсть упала. И гладкий спуск протянулся до тропинки по краю обрыва. Грегор шёл по влажному, всасывающему его ноги покрытию, медленно, боясь упасть и причинить боль... своей ноше.

Положив кокон перед собой, он сел. Долго сидел так, уставившись в темнеющий лес на той стороне оврага. Потом огляделся и решил копать могилу под старой берёзой. Там они с Лаурой сидели в последний раз. Говорили ни о чём. Смеялись. Купались и снова говорили. Слова теперь не помнились, а тепло осталось.

Стал разбирать камни и понял, что ему придётся идти домой за лопатой и киркой. Остановился в растерянности — оставлять ему здесь останки Лауры не хотелось.

Дувка посмотрел на корабль. «Мог бы и помочь», — подумалось вдруг с обидой ему.

А крышка на каменном корабле дрогнула и принялась подниматься.

Станный механизм, выехавший перед пауком с трясущимся в нём Жижей, заставил Грегора посторониться.

— Я хочу помочь тебе, мастер, — проговорил Жижка, — скажи, где копать.

С тихим жужжанием выдвинулся бур из нутра механизма и принялся буравить землю, где указал засуетившийся от неожиданности Дувка.

Две загребущие руки-лопаты гребли землю. Странная каракатица быстро углублялась, и вскоре Грегор, опомнившись, замахал руками:

— Хватит! Хватит, скажи ему, Жижка! Как же тебя звать, в самом деле?! — в сердцах добавил он.

С одной стороны, ему не хотелось знать имя этого существа, и Жижей он его теперь называл даже с долей злорадства, пытаясь этим малым досадить тому, кто его лишил самого дорогого. Но им приходилось вновь и вновь обращаться друг к другу, к тому же мастер был не злой человек.

— Тумс В Пятьдесят Четвёртый Раз Возрождённый, — ответил Жижка, заколыхавшись от смеха в своей колыбели на спине паука.

— Ох, ты ж, — покачал головой Дувка и тоже улыбнулся, и понял, что улыбается первый раз за весь день, — если тебе не сильно тошно, то я всё-таки буду звать тебя Жижей.

— Называй, — продолжало колыхаться существо.

Холмик вырос под старой берёзой быстро. Уже туман напознал из леса, комариные стаи звенели в вечернем воздухе, когда Грегор застыл возле могилы. Тумс В Пятьдесят Четвёртый Раз Возрождённый стоял рядом. Но Дувка не замечал ни его, ни его страшного паука.

А казалось ему, будто Лаура стояла здесь же. Долго стояла. И ушла.

Тугой клубок в груди дрогнул и распустился тёплой волной, сменив застарелую боль.

Грегор ушёл уже поздно. Луна выкатилась над лесом, и тёмная тень совы пронеслась над оврагом. Ухнув, она спикировала вниз. Пискнул грызун в её лапах.

А мастер шёл по влажной от росы дороге. И вдруг удивился тому, что впервые тень Лауры не идёт рядом с ним. Он не думал о том, как она смотрит

на него и что думает, что бы она сказала вот сейчас или как засмеялась...

Грегор пришёл к озеру в следующий раз через неделю. Не мог не прийти. Пятнадцать лет не ходил. А теперь тянуло. Здесь всё было по-прежнему. Большая глыба всё так же висела на краю оврага. И мастер с сожалением подумал, что лучше бы их не было. Не хотелось больше разговоров с Жижей, не хотелось непонятого корабля. Тяжёлое чувство сейчас нарушало зыбкое равновесие, в котором находился последние дни Грегор. Непрощение. И он ничего не мог поделать с этим. Ведь если Жижя не прилетел бы, то и Лаура была бы жива.

Грегор сел возле свежего могильного холмика и стал смотреть на другую сторону оврага. Он демонстративно старался не замечать махины, которую больше не мог считать камнем. Он даже в мыслях привык называть её кораблём.

«Я сам по себе, они сами по себе. Вряд ли им нужно моё внимание, и вряд ли они назовут его так. Нет, они назовут меня любопытным. Скажут, что сую нос не в своё дело... Они остаются здесь до сих пор, потому что ищут своих... или что-то там не исправно. Да. Жижя говорил... Но я-то чем могу помочь, Бог мой! Зря я сегодня пришёл. Надо было ещё недельку подождать... Или Лауру в другом месте надо было похоронить... Вот я дурак! Опять же нести её в город — расспросами замучают. Или того хуже — в ведьмаки запишут... Пусть уж лучше тут...»

Дувка не смотрел на корабль. Обитатели корабля ничем не выдавали своего присутствия.

«А ведь и озеро Жижя гад извёл... Помнится, он говорил, что им много воды надо. Вот и забирают её всю подчистую... Ну, вот досиделся. Так тебе и надо...»

Он с неудовольствием следил, как поднимается каменный верх корабля. Даже встал, пытаясь сделать вид, что собрался уходить. Но быстроногий паучок уже сучил

навстречу ему лапками по густой траве. В круглом навершии его под колпачком кольхался Тумс. Тумс — это было всё, что запомнилось из длинного имени Дувке.

Мастер недовольно разглядывал странное насекомое, у которого мягкое, будто живое тельце соседствовало с металлическими ножками-спицами. Трава лесная, сочная, ложилась под этими ножками, словно подкошенная. «Какой же ты уродец...»

— Рад видеть тебя, мастер, — проговорил Тумс.

«Вот ведь враль», — невесело усмехнулся Грегор, шлёпнув присосавшегося на щеке комара, и ответил:

— Рад и я, Тумс.

«Врать, так врать. А сам первый начал... Хотя, может, он и рад. Очень даже может быть, что рад...»

— Ты запомнил моё имя, — в голосе существа послышалась радость, — улетаю я, мастер.

Грегор нависал горой над небольшим, с kota, паучком, чтобы видеть на нём каплю — Тумса.

— Я думал, вас уже сегодня не будет, — помолчав, ответил он.

— Я надеялся, что кто-нибудь из наших отзовётся, — ровно ответил Тумс, хотя Грегор всё ждал, что существо откликнется на его язвительные мысли, ведь сумел он тогда подслушать про свиль.

— Стало быть, не отозвались?

— Нет, — коротко ответил Тумс.

— Жаль.

Грегору, действительно, вдруг стало жаль Тумса, окружённого странными неживыми пауками и землеройками, и неизвестно каких ещё образин скрывает его корабль.

— А я теперь девица, мастер, — вдруг тихо сказал Тумс и закольхался.

«Что ж ты так, братец!» — чуть не сказал в сердцах Дувка, но вовремя осёкся и, представив, какое у него сейчас глупое лицо, рассмеялся.

А Тумс заколыхался ещё сильнее, и Грегор побагровел, поняв вдруг, что тот понял, что он подумал.

— Так мы устроены, — проговорило, наконец, существо, — после войн и потрясений наступает пора новой жизни.

Мягкий купол вдруг дрогнул и разошёлся в разные стороны. Капля радужно переливалась под играющими на листе бликами солнца. А внутри её замерла маленькая точка.

— Ишь ты, — Грегор улыбнулся, — стало быть, ты теперь не господин Тумс, а госпожа Тумс.

Капля колыхалась, а паучок уже натягивал на неё свой колпак.

— Защищает, — хмыкнул мастер, растерянно следя за пауком, — ну, что ж. Лети домой, Тумс, нечего по миру шататься, теперь ты не один.

— Прощай, мастер. И прости. Видно, судьба мне такая — прилететь на окраину мира и сделать больно тому существу, которое меня потом спасёт.

— И ты прощай. Надоели мы тебе, наверное, за эти годы.

Паучок просеменил по скошенной траве к кораблю, скрылся там, и каменная глыба опустилась.

Стало тихо. Ветер гулял в вершинах деревьев. Прилетела чечевичка и, дрыгнув рыжим хвостом, чвикнула:

— Витю видел?

И блестящими бусинами-глазами с любопытством уставилась на Грегора.

— Нет, не видел, чечевичка...

И пошёл домой. Дома его ждал заказ от портного на партию жёлтых стеклянных пуговиц. Госпожа Поленка просила две вазы для цветов. Она жила со стариком отцом, выращивала чудесные розы и продавала их на рынке совсем рядом с лавкой мастера Дувки.

Люциус Глинщик принимался несколько раз выспрашивать у друга, где он пропадал тогда целый день, вме-

сто того чтобы торговать на рынке. Но мастер лишь грустно посмеивался.

«Где же может пропадать мужчина в самом расцвете сил, Люциус, если не у прекрасной дамы?» — отвечал он.

Люциус тогда не поверил ему, да и сам Грегор понимал, что несёт ерунду — все знали, что у одинокого мастера вот уже пятнадцать лет нет никакой прекрасной дамы. «Но не рассказывать же, как всё было на самом деле?!» — думал он, отшучиваясь в ответ на сомнения друга.

«А госпожа Поленка очень приятная дама, сделаю я ей вазы первой», — подумал Грегор, подходя к дому...

К высохшему озеру он отправился вновь только через две недели. Каменной глыбы не было. Словно её не было никогда. А по дну оврага бежал ручей. Вода бормотала, пробираясь по разросшейся траве, ворчала, обтекая коряги, и небольшая грязная лужица ничем не напоминала, что когда-то здесь было озеро.

Мастер перебрался через ручей. Поднялся по развороченному склону, остановился у могилы. И улыбнулся грустно. Его хрустальная бутылочка стояла целая и невредимая в изголовье. В бутылочке катались камешки. Янтарные, с травинками, жучками.

Дувка сел на траву, взял камешки в ладонь и долго, задумавшись, держал их в руке. Тёплые, гладкие. Смотрел отрешённо перед собой. Пока не понял, что что-то блестит в траве. Поднялся и, приглядевшись, понял, что это ещё один камень. Крупнее и прозрачнее тех, что в бутылочке.

Подумал: «Странно, Тумс, как ты его проглядел...»

А потом понял.

В сердцевине камня виднелось скрученное туловище смятой бабочки. «Меня пожалел...»

Камешки из бутылочки мастер рассыпал по могиле и сровнял с землёй. Зарастут травой, затянутся. А один, самый большой, камень забрал с собой... **✎**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413	
на журнал										(индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											
Доставочная карточка											
ПВ		место		литер		на журнал		73413			
										(Индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стои- мость		подписки		___руб. ___коп.				Кол-во компл.			
		переад- ресовки		___руб. ___коп.							
на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

Подпишись и читай! Индекс 73413

